

18+

ТЕРНОВАЯ ЦЕПЬ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ КНИГА III

КАССАНДРА КЛЭР

БЕСТСЕЛЛЕР №1 ПО ВЕРСИИ
THE NEW YORK TIMES И USA TODAY

Миры Кассандры Клэр

Кассандра Клэр

**Последние часы. Книга
III. Терновая цепь**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

Клэр К.

Последние часы. Книга III. Терновая цепь / К. Клэр —
«Издательство АСТ», 2023 — (Миры Кассандры Клэр)

ISBN 978-5-17-127165-7

Корделия Карстерс лишилась всего, что было значимо для нее. Ее отца убили, она не смогла стать парабатаем Люси, а брак с Джеймсом Эрондейлом трещит по швам. Теперь девушка связана клятвой с демонессой Лилит и не может владеть мечом Кортаной. Надеясь забыть о проблемах, Корделия отправляется в Париж с Мэтью Фэйрчалдом. Но из дома приходят страшные вести: Лондону угрожает Принц Ада, Велиал. Корделия и ее друзья должны спасти свой город. Ради этого им предстоит отринуть гордыню и страхи и снова научиться доверять друг другу. Ведь если они проиграют, то потеряют все, даже свои души.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-127165-7

© Клэр К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
1. Сумрачные дни	9
2. Серое море	22
3. В темноте	32
4. Небесный дух	40
5. Темные тайны	56
6. Ступая по крови	72
7. Кровоточащее сердце	81
8. Без надежды	90
9. Ржавчина на золоте	98
10. Скиталец	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Кассандра Клэр

Последние часы. Книга III. Терновая цепь

Посвящается Эмили и Джеду.

Я рада, что вы наконец поженились

Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать. Наша жизнь, подобно мировой гармонии, складывается из вещей противоположных, из разнообразных музыкальных тонов, сладостных и грубых, высоких и низких, мягких и суровых. Что смог бы создать музыкант, предпочитающий лишь одни тона и отвергающий другие? Он должен уметь пользоваться всеми вместе и смешивать их. Так должно быть и у нас с радостями и бедами, составляющими нашу жизнь. Само существо наше немислимо без этого смешения: тут необходимо звучание и той и другой струны.

Мишель де Монтень, «Опыты»¹

Cassandra Clare
THE LAST HOURS
Book III
Chain of Thorns

Text © 2023 by Cassandra Clare, LLC
Jacket photo-illustration © 2023 by Cliff Nielsen
Reverse jacket illustration by Charlie Bowater © 2023 by Cassandra Clare, LLC
Jacket design by Nick Sciacca © 2023 by Simon & Shuster, LLC
© О. Ратникова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Позже Джеймс смог вспомнить только шум ветра: мерзкий скрип, как будто кто-то царапал ножом осколок стекла, и тоскливое завывание, походившее на голос отчаявшегося голодного зверя.

Он шагал по длинной дороге, ведущей в никуда; было похоже, что никто до него не проходил здесь, так как в пыли не видно было следов. Небо было таким же пустым и блеклым. Джеймс не знал, ночь сейчас или день, зима или лето. Перед ним расстилась голая серо-коричневая пустыня, а над головой раскинулось небо цвета асфальта.

И вдруг он услышал это. Ветер стремительно усиливался, вздымал с земли сухие листья и мелкие камешки. Вскоре его рев стал таким неистовым, что почти заглушал приближавшийся топот марширующей армии.

Джеймс резко обернулся. Над равниной плясали пылевые вихри. Он всматривался вдаль, не обращая внимания на жжение в глазах от попавшего туда песка. За серой стеной двигались какие-то темные фигуры, их была дюжина – нет, сотня, больше сотни. Джеймс понял лишь, что это не люди; они не шли, а летели и, казалось, составляли одно целое с бурей и ветром, а тени, клубившиеся вокруг, напоминали крылья.

Ветер яростно взвыл, едва не оглушив Джеймса, и стая призрачных существ промчалась у него над головой; от их плотной стаи веяло не просто холодом, а явной угрозой. Мало того: сквозь свист ветра и шуршание песка, подобно черной нити, вплетенной в серую ткань, пробивался злое шепот.

– Они пробуждаются, – говорил Велиал. – Ты слышишь это, мой внук? Они пробуждаются.

Джеймс, хватая ртом воздух, выпрямился. Он не мог дышать. Он двинулся вперед, ногтями процарапывая себе путь сквозь стену из песка и тьмы, и в конце концов очнулся в незнакомом помещении. Закрыв глаза, снова открыл. Место было ему знакомо. Это была комната на постоялом дворе, которую они делили с отцом. Уилл спал на соседней кровати; Магнус занимал помещение дальше по коридору.

Он соскочил с кровати и резко втянул воздух сквозь зубы, когда босые ноги коснулись ледяного пола. Стараясь ступать бесшумно, пересек комнату, подошел к окну и взглянул на заснеженные поля, мерцавшие в лунном свете. Они тянулись до самого горизонта, сколько мог видеть глаз.

Сны. Они вселяли в него страх: в них с детства к нему приходил Велиал. В снах Джеймс путешествовал по серому царству демона, где стал свидетелем убийств, совершенных Велиалом. Даже теперь, закрывая глаза по вечерам, он не знал, что увидит, – просто сон или какое-то новое жуткое пророчество.

Унылый черно-белый мир за окном был неподвижен, словно пейзаж на полотне. Вчера они пересекли замерзшую реку Теймар, а вечером пришлось сделать остановку, потому что начался сильный снегопад, дорогу занесло. Но это был не тот пушистый и красивый снежок, что обычно рисуют на открытках, и даже не метель, что кружит белые хлопья в бесконечном танце. У этого снега имелось направление, имелась цель, он падал на застывшую землю под острым углом, подобно нескончаемому потоку стрел.

Несмотря на то что Джеймс целый день провел, сидя на мягких подушках в карете, он чувствовал бесконечную усталость. Он с трудом проглотил немного горячего супа, потом поднялся наверх, упал на постель и мгновенно уснул. Магнус и Уилл остались в общем зале, расположившись в креслах у камина, и продолжали беседовать вполголоса. Джеймс подозревал, что они обсуждают его. Пусть обсуждают, подумал он. Ему было все равно.

Это была третья ночь после отъезда из Лондона; Джеймс, его отец и чародей были заняты поисками сестры Джеймса, Люси, которая скрылась вместе с колдуном Малкольмом Фейдом и увезла с собой труп Джесса Блэкторна, при помощи магии замедлив разложение. Она собиралась заняться темными и страшными делами, настолько страшными, что никто не решался произнести вслух их жуткое название.

Некромантия.

Самое важное, повторял Магнус, это как можно скорее добраться до Люси. Что было не так легко, как могло показаться на первый взгляд. Магнусу было известно, что у Малкольма имеется дом в Корнуолле, но никто не знал, где именно он расположен, а Малкольм оградил себя и своих спутников магическим щитом, который мешал Отслеживающей руне найти беглецов. Им пришлось прибегнуть к старинному методу: они останавливались в различных кабаках и гостиницах существ Нижнего Мира, Магнус разговаривал с местными, а Джеймсу и Уиллу было велено ждать в экипаже и не высовываться.

– Они захлопнутся, как устрицы, если догадаются, что я путешествую в компании нефелимов, – объяснил Магнус. – Ваша очередь настанет, когда мы приблизимся к жилищу Малкольма и нам придется иметь дело с Люси и хозяином.

Этим вечером он сообщил Джеймсу и Уиллу о том, что дом, по-видимому, найден и что они доберутся туда за несколько часов. Если окажется, что он ошибся, добавил чародей, они отправятся дальше.

Джеймсу отчаянно хотелось поскорее найти Люси. Не только потому, что он тревожился за сестру. Естественно, его беспокоили здоровье и благополучие Люси, но дело было еще и в том, что недавно в его жизни произошло множество важных событий. Все это он до поры до времени отодвинул, приказал себе забыть о личных проблемах до тех пор, пока не увидит сестру и не убедится, что с ней все в порядке.

– Джеймс? – Сонный голос оторвал его от размышлений. Отвернувшись от окна, Джеймс увидел, что отец сидит в постели. – Джейми, *bach*², что случилось?

Джеймс пристально рассматривал отца. Уилл выглядел изможденным, густые черные волосы торчали во все стороны. Джеймсу часто говорили, что он похож на отца, и он знал, что это комплимент. Всю жизнь, сколько он себя помнил, Джеймс считал отца самым сильным человеком из всех, кого знал, самым принципиальным, способным на самую глубокую, страстную любовь. Уилл никогда не сомневался в себе. Нет, Джеймс совершенно не походил на Уилла Эрондейла.

Прислонившись спиной к холодному стеклу, он ответил:

– Просто дурной сон приснился.

– М-м-м. – У Уилла был задумчивый вид. – Вчера ночью тебе тоже снился плохой сон. И позавчера. Ты ни о чем не хочешь со мной поговорить, Джейми?

На мгновение Джеймс представил, как он изливает душу отцу, как тяжелое бремя падает с его плеч. Как он говорит о Велиале, о Грейс и браслете, о Корделии, Лилит. Обо всем.

Но он сразу же отказался от этой мысли. Он не мог вообразить, как отреагирует отец. Не мог представить, как произносит эти слова вслух. Джеймс так долго держал все в себе, что не знал теперь, как избавиться от груза своих несчастий – он мог только держаться, призвав на помощь силу воли, хранить тайну, защищать себя единственным способом, который был ему известен.

– Я просто волнуюсь за Люси, – пробормотал Джеймс. – Это ужасно, как только подумаю, во что она ввязалась...

Выражение лица Уилла изменилось – Джеймсу почудилось, что отец смотрит на него с разочарованием, но в полутьме трудно было сказать наверняка.

---

² Дорогой (*валлийск.*).

– Значит, иди спать, – вздохнул он. – Магнус надеется, что мы найдем ее завтра, а это значит, что нам понадобятся силы. Возможно, она вовсе не рада будет нас видеть.

1. Сумрачные дни

*Мой Париж – страна сумрачных дней,
Золотых вечеров и огней,
Но рассветы, как лед, холодны
В колдовском полумраке аллей.*

Артур Саймонс, «Париж»

Золотистый паркет блестел в свете огромной люстры. Она рассеивала по залу радужные пятнышки, похожие на снежинки на ветвях ели. Звучала приятная негромкая музыка; она стала громче, как только Джеймс выступил из толпы нарядно одетых людей и подал Корделии руку.

– Потанцуй со мной, – сказал он. Джеймс был необыкновенно красив в черном фраке; темная одежда подчеркивала цвет золотых глаз, высокие скулы. Прядь черных волос падала на лоб. – Ты так прекрасна, Маргаритка.

Корделия взяла протянутую руку. Когда он вел ее в центр зала, Корделия повернула голову и заметила их отражение в высоком зеркале – Джеймс в черном костюме, она сама рядом с ним, в алом, как рубин, бархатном платье со смелым вырезом. Джеймс смотрел на нее... нет, он смотрел поверх ее плеча, на гостей, на бледную девушку в платье цвета слоновой кости, с волосами белыми, как лепестки чайной розы. Девушка не сводила с него взгляда.

Грейс.

– Корделия!

Голос Мэтью заставил ее очнуться. У нее закружилась голова, и она вынуждена была опереться рукой о стену примерочной, чтобы не упасть. Что это было – она грезил наяву? Видела кошмар? Грезы оказались отнюдь не такими приятными, как их обычно описывают. Видение было слишком правдоподобным, и ей стало страшно.

– Мадам Босолей спрашивает, не нужна ли тебе помощь. Разумеется, – лукаво добавил он, – я бы с удовольствием помог тебе сам, но это вызовет скандал.

Корделия улыбнулась. В приличном обществе было не принято, чтобы мужчины сопровождали дам к портнихе, даже жен или сестер. Когда они появились здесь в первый раз – это было два дня назад, – Мэтью применил свою Улыбку, и мадам Босолей позволила ему остаться в ателье с Корделией. «Она не говорит по-французски, – солгал он, – и ей не обойтись без моей помощи».

Но позволить ему остаться в фойе – это было одно. А впустить в примерочную, где Корделия только что облачилась в шикарное открытое платье из алого бархата, сшитое по последней моде... да, это было бы, действительно, воспринято как *un affront et un scandale*³. Особенно в таком первоклассном заведении, как салон мадам Босолей.

Корделия крикнула, что у нее все в порядке, но в этот момент в дверь постучали, и появилась одна из модисток, вооруженная крючком для застегивания пуговиц. Девушка приступила к делу, не дожидаясь указаний, – очевидно, ей уже не впервые приходилось этим заниматься. Она обращалась с Корделией бесцеремонно, как с манекеном, и всего через пару минут после того, как платье было застегнуто, бюст высоко поднят, а юбки расправлены, Корделию вывели в главный зал салона.

---

³ Оскорбление и скандал (*фр.*).

Помещение походило на кукольный домик, отделанный в бледно-голубых тонах с позолотой, как пасхальное яйцо, из тех, что продают весной простые люди. Во время их первого визита салон Корделию удивил, но, как это ни странно, очаровал. Высокие, тонкие девицы с высветленными волосами расхаживали по залу с черными ленточками на шее; на ленточках были написаны цифры, означавшие номер модели. За тюлевой занавеской были выставлены бесчисленные ткани: шелка и бархат, атлас и органза. Когда перед Корделией разложили все эти сокровища, она мысленно поблагодарила Анну за ее уроки стиля: она сразу отвергла кружева и шелка пастельных тонов и уверенно выбрала то, что точно подойдет к ее лицу и волосам. Портнихи выполнили заказ всего за два дня, и сегодня она вернулась в салон для примерки.

Судя по выражению лица Мэтью, она сделала правильный выбор. Войдя, он упал в кресло с черно-белой полосатой обивкой и позолоченными ножками и достал книжку – скандальный роман «Клодина в Париже»⁴. Когда Корделия вышла из примерочной и приблизилась к тройному зеркалу, чтобы рассмотреть себя, он опустил книгу, и его зеленые глаза потемнели.

– Ты так прекрасна.

Ей захотелось закрыть глаза. «Ты так прекрасна, Маргаритка». Но она запретила себе думать о Джеймсе. Только не сейчас. Она будет думать о Мэтью, который был необыкновенно добр к ней, который одолжил ей денег на покупку одежды (ведь она сбежала из Лондона в одном платье и нуждалась в чистом белье и прочих предметах гардероба). В конце концов, напомнила она себе, они оба дали обещания. Мэтью поклялся не пить слишком много, пока они будут в Париже, а Корделия обещала не терзать себя мрачными мыслями о своих неудачах, о Люси, об отце, о распавшемся браке. За все время, что они провели во французской столице, Мэтью не прикоснулся к вину.

Корделия постаралась отвлечься от грустных мыслей, улыбнулась Мэтью и взглянула на себя в зеркало. На нее смотрела незнакомка. Платье плотно облегалось фигуру, вырез открывал грудь, юбка обрисовывала очертания бедер, а потом расходилась пышными складками – силуэт девушки напоминал распустившуюся лилию на тонком стебле. Короткие рукава с рюшами обнажали руки. Черные метки четко выделялись на смуглой коже, хотя гламор надежно скрывал их от взглядов простых людей.

По словам Мэтью, мадам Босолей, чей салон располагался на рю де ла Пэ, по соседству с прославленными модельерами – Вортом, Жанной Пакен, – была хорошо знакома с миром Сумеречных охотников. «Гипатия Векс одевается только там», – сообщил он девушке за завтраком. Прошлое мадам было окутано тайной, и Корделия считала, что это очень по-французски.

Под платьем почти ничего не было – очевидно, последняя парижская мода требовала, чтобы женская одежда подчеркивала силуэт. Упругие пластинки были вшиты непосредственно в верхнюю часть платья. На груди ткань была собрана в розетку, корсаж был украшен шелковыми цветами; из-под пышных юбок виднелось золотое кружево. Вырез на спине был еще глубже, чем на груди. Это было настоящее произведение искусства, о чем Корделия и сообщила мадам (через Мэтью в роли переводчика), пока хозяйка салона суетилась вокруг нее с подушечкой для булавок, что-то поправляя и подкалывая.

Портниха улыбнулась.

– Моя задача очень проста, – сказала она. – Мне нужно лишь подобрать достойную оправу для исключительной красоты, которой наделена ваша супруга.

– О, эта дама вовсе не моя супруга, – сообщил Мэтью, сверкнув зелеными глазами. Ничто не доставляло Мэтью большего удовольствия, чем скандальные высказывания.

Корделия, повернувшись к нему, сделала грозное лицо.

---

⁴ «Клодина в Париже» (1901) – роман французской писательницы и актрисы Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954). – Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Надо отдать мадам должное – она даже бровью не повела. Может быть, дело было просто в том, что они находились во Франции.

– *Alors*⁵, – продолжала она. – Мне редко приходится одевать женщин, обладающих такой редкостной и естественной красотой. Парижская мода создается для блондинок, но блондинкам нельзя носить такие цвета. Это цвет крови и огня, слишком яркий для бледной кожи и бесцветных волос. Светловолосым женщинам подходят кружева и пастельные тона, но мисс?..

– Мисс Карстерс, – подсказала Корделия.

– Мисс Карстерс выбрала именно ту ткань, которая лучше всего сочетается с ее волосами и цветом лица. Когда вы войдете в гостиную, *mademoiselle*, взгляды всех мужчин устремятся к вам, как мотыльки к пламени свечи.

Мисс Карстерс. Корделии недолго довелось побыть миссис Корделией Эрондейл. Она знала, что нельзя привязываться к этому имени. Расставаться с ним было больно, но она немедленно взяла себя в руки. Она не поддастся постыдной жалости к себе. Она – Карстерс, Джан-ханшах. В ее жилах течет кровь древнего героя Рустама. Если ей захочется, она будет одеваться в пламя.

– Такое платье заслуживает украшения, – задумчиво произнесла мадам. – Ожерелья из рубинов, оправленных в золото. Эта штучка прелестна, но слишком мала. – Портниха кивнула на крошечную золотую подвеску, блестящую в вырезе платья. Миниатюрный земной шар на тонкой золотой цепочке.

Это был подарок Джеймса. Корделия знала, что следует снять украшение, но была еще не готова. Почему-то ей казалось, что это будет означать окончательный разрыв, а это серьезнее, чем перечеркивание брачной руны.

– Я бы охотно накупил ей рубинов, если бы Корделия мне позволила, – сказал Мэтью. – Увы, она отказывается.

Мадам была озадачена. Она явно решила, что Корделия – любовница Мэтью. Но тогда с какой стати она отказывается от драгоценностей? Хозяйка салона похлопала Корделию по руке, жалея ее за отсутствие деловой хватки.

– На рю де ла Пэ вы найдете замечательные ювелирные магазины, – заметила она. – Возможно, взглянув на витрины, вы передумаете.

– Возможно, – пробормотала Корделия, борясь с желанием показать Мэтью язык. – Но сейчас меня больше волнует одежда. Как уже объяснил мой друг, чемодан с моими вещами потерялся по дороге. Вы сможете прислать эти туалеты в «Ле Мерис» к сегодняшнему вечеру?

– Разумеется, разумеется, – закивала мадам, удалилась к прилавку, расположенному в противоположной части зала, и начала выписывать счета.

– Ну вот, теперь она думает, что я твоя любовница, – прошипела Корделия, подбоченившись.

Мэтью пожал плечами.

– Это же Париж. Любовницы здесь встречаются чаще, чем круассаны и эти нелепые крошечные чашечки кофе.

Корделия сердито фыркнула и ушла в примерочную. Она старалась не думать о стоимости заказанных туалетов: одного красного бархатного платья для холодных вечеров и еще четырех других. Для нее сшили прогулочное платье в черно-белую полоску с таким же жаке-том, изумрудное атласное платье со светло-зеленой отделкой, черное вечернее атласное платье с глубоким вырезом и шелковое платье кофейного цвета с отделкой из золотистых лент. Анна была бы очень довольна, но Корделия знала, что ей придется отдать все свои сбережения, чтобы расплатиться с Мэтью. Он предлагал ей взять расходы на себя, говорил, что для него это

---

⁵ Итак (*фр.*).

сухие пустяки – дед и бабушка с отцовской стороны оставили Генри большое наследство. Однако Корделия не могла принять этот подарок. Она и без того многим была обязана Мэтью.

Переодевшись в старое платье, Корделия вернулась в салон. Мэтью уже заплатил портнихе, и та подтвердила, что доставит заказ вечером. Одна из манекенщиц подмигнула красавчику-англичанину, когда они выходили на людную улицу.

Стоял погожий день, синее небо было безоблачным – этой зимой в Париже, в отличие от Лондона, снег не выпал, и на улице было холодно, но солнечно. Корделия с удовольствием согласилась пройти пешком до отеля вместо того, чтобы нанимать фиакр, парижский аналог кэба. Мэтью, спрятав книгу в карман пальто, продолжал рассуждать о красном платье.

– В кабаре ты сразишь всех наповал. – Мэтью, очевидно, считал, что одержал маленькую победу. – Никто даже не взглянет на танцовщиц. Хотя нет, ведь танцовщицы будут нарумянены и украшены дьявольскими рожами, так что, возможно, они привлекут внимание... ненадолго.

Он улыбнулся ей – той самой Улыбкой, которая смягчала сердца старых сквалыг и грубиянов, заставляла плакать волевых мужчин и женщин. Сама Корделия тоже не могла устоять перед ней. Она улыбнулась в ответ.

– Вот видишь? – сказал Мэтью, обводя широким жестом городской пейзаж – широкий парижский бульвар, разноцветные маркизы над витринами магазинов и кафе, в которых женщины в великолепных шляпках и мужчины в модных полосатых брюках согревались чашечками густого горячего шоколада. – Я же обещал, что ты хорошо проведешь время.

Хорошо ли она проводит время, спросила себя Корделия. Возможно, да. Пока что ей более или менее успешно удавалось отвлечься от кошмарных воспоминаний о том, как она разочаровала всех, кто был ей дорог. В конце концов, в этом и состояла цель заграничного путешествия. Если ты потерял все, убеждала она себя, почему бы не насладиться оставшимися тебе небольшими радостями жизни? Ведь такова была философия Мэтью, верно? Ведь поэтому она уехала с ним в Париж?

Какая-то женщина в шляпе со страусиными перьями и шелковыми розами, сидевшая на террасе кафе, перевела взгляд с Мэтью на Корделию и улыбнулась. Девушка решила, что она желает счастья юным влюбленным. Несколько месяцев назад Корделия покраснела бы; сегодня она лишь улыбнулась незнакомке. Допустим, посторонние люди думают о ней всякие неприличные вещи, что с того? Любая девушка была бы счастлива, заполучив такого ухажера, как Мэтью, так что пусть прохожие воображают все, что им угодно. Сам Мэтью именно так и относился к окружающему миру и собственным проблемам. Его совершенно не интересовало, что о нем думают другие, он просто был самим собой, и это качество позволяло ему на удивление легко идти по жизни.

Она сомневалась в том, что в тогдашнем состоянии смогла бы добраться до Парижа без него. У обоих тогда после бессонной ночи слипались глаза, но, когда они приехали с вокзала в «Ле Мерис», он принялся ослепительно улыбаться, смеялся и шутил с коридорным. Глядя на него, можно было подумать, что он проспал десять часов на пуховой перине.

В первый день в Париже они проспали до обеда (в смежных комнатах апартаментов Мэтью, где имелаась, кроме того, общая гостиная), и ей снилось, что она исповедуется в своих грехах дежурному портю гостиницы. «Понимаете ли, моя матушка совсем скоро должна родить, но, когда это произойдет, меня, скорее всего, не будет рядом с ней, потому что я слишком занята – развлекаюсь в другой стране с лучшим другом своего мужа. Я владела легендарным мечом по имени Кортана – возможно, вы слышали о нем, он упоминается в *La Chanson de Roland*⁶? Оказалось, что я недостойна носить это оружие, и я отдала его брату; при этом, кстати, подвергнув его смертельной опасности. За ним теперь охотится не один, а два очень могущественных демона. Предполагалось, что мы с моей лучшей подругой станем парабата-

---

⁶ «Песнь о Роланде» – французская героическая поэма X в.

ями, но теперь это невозможно. И еще я позволила себе поверить в то, что мужчина, которого я люблю, может полюбить меня и забыть Грейс Блэкторн, несмотря на то что он всегда прямо и откровенно говорил мне о своих чувствах к ней».

Закончив свою речь, она подняла голову и увидела, что портье превратился в Лилит; в глазницах демонессы извивались черные змеи.

«По крайней мере, ты хорошо послужила мне, дорогуша», – произнесла Лилит, и Корделия проснулась с криком, который еще несколько минут отдавался у нее в ушах.

Ей удалось уснуть. Проснувшись снова, на этот раз оттого, что горничная раздвигала шторы, она взглянула в окно и с удивлением обнаружила, что на улице светит солнце, увидела нескончаемые ряды парижских крыш, похожих на колонны солдат, марширующих к горизонту. Силуэт Эйфелевой башни вырисовывался на фоне синего неба. А в соседней комнате ее ждал Мэтью, чтобы вместе отправиться на поиски приключений.

Следующие два дня они обедали вдвоем – один раз в великолепном, поразившем Корделию ресторане «Синий экспресс» на Лионском вокзале. Это было чудесно, они как будто сидели внутри гигантского цельного сапфира! Гуляли вместе в парках, ходили по магазинам: купили сорочек и костюмов для Мэтью у Шарве, где одевались Бодлер и Верлен, приобрели несколько платьев, ботинки и пальто для Корделии. Но она запретила Мэтью покупать для нее шляпки. Всему должен быть предел, заявила девушка. Он предположил, что пределом должен стать зонтик, без которого приличная дама не могла выйти на улицу, к тому же этот предмет гардероба выполнял заодно и функцию оружия. Она захихикала и еще подумала тогда: как же хорошо посмеяться.

Наверное, самым удивительным было поведение Мэтью: он сдержал свое обещание и не выпил ни капли спиртного. Он даже терпел неодобрительные взгляды официантов, предлагавших вино к обеду. Вспоминая отца, Корделия думала, что Мэтью станет плохо без выпивки, но ничего подобного не случилось: у него был ясный взгляд, его переполняла энергия, и он таскал ее по центру Парижа, по всем достопримечательностям, музеям, памятникам, садам. В общем, они вели себя как взрослые светские люди, в чем, естественно, и заключался смысл поездки.

Сейчас она смотрела на Мэтью и думала: «Он выглядит счастливым». Ей казалось, что он искренне счастлив, что он забыл все свои тревоги и горести. И Корделия сказала себе: если эта поездка в Париж не сможет спасти ее, она, по крайней мере, постарается, чтобы Париж излечил *его*.

Мэтью взял ее под руку, чтобы помочь перейти неровный участок тротуара. Корделия вспомнила женщину из кафе, как она улыбалась им, думая, что улыбается влюбленным. Если бы она знала, что Мэтью ни разу даже не попытался поцеловать Корделию. Он вел себя с исключительным тактом и держался как истинный джентльмен. Один или два раза, когда они желали друг другу доброй ночи в гостинице, ей казалось, что Мэтью как-то странно смотрит на нее, но, возможно, это была лишь игра воображения. Она сама не знала, чего ждет от него, не знала, что думать о... обо всем этом.

– Да, я хорошо провожу время, – сказала Корделия совершенно искренне. Она знала, что сейчас она счастливее, чем была бы в Лондоне, где ей пришлось бы вернуться в материнский дом на Корнуолл-гарденс. Алистер пытался бы проявлять сочувствие, мать была бы шокирована и расстроена, а она сама не смогла бы вынести всего этого, ей захотелось бы умереть.

Корделия поступила правильно. Она послала родным короткую телеграмму из отеля, сообщила, что отправилась в Париж, чтобы заказать гардероб к весне, и что Мэтью сопровождает ее. Мать и брат, скорее всего, сочли бы эту поездку странной, но девушка надеялась, что они не заподозрят истину.

– Мне просто стало интересно, – добавила она, когда они подошли к отелю, массивному зданию с коваными чугунными балконами. Из окон на зимнюю улицу лился золотой свет. – Ты сказал, что я буду блистать в кабаре? В каком кабаре и когда мы туда поедем?

– Вообще-то, сегодня вечером, – сказал Мэтью, открывая дверь и пропуская ее вперед. – Мы вместе совершим путешествие в сердце Ада. Ты не боишься?

– Вовсе нет. Как удачно получилось, я как раз заказала красное платье. Подходящий наряд.

Мэтью рассмеялся, но Корделия несколько встревожилась: путешествие в сердце Ада? Что же такое он имел в виду?

Они не нашли Люси и на следующий день.

Снег растаял, и дороги были свободны. Балий и Ксанф устало тащились между голыми живыми изгородями, из ноздрей у них вырывались облачка пара. Около полудня они въехали в Лосвивизель, небольшую деревушку, расположенную довольно далеко от моря, и Магнус направился в трактир под названием «Волчий корень», чтобы навести справки. Через несколько минут он вышел, отрицательно мотая головой. Они все же поехали по адресу, который им дали вчера, но нашли лишь заброшенную ферму с провалившейся крышей.

– Есть еще один вариант, – сказал Магнус, забираясь в карету. Снежинки, осыпавшиеся с голых балок, таяли на его черных бровях. – В прошлом веке некий загадочный джентльмен из Лондона приобрел руины старинной часовни на Скалистом мысу, в рыбацкой деревушке Полперро. Он отремонтировал здание, но редко приезжает сюда. Среди местных представителей Нижнего Мира ходят слухи, что он чародей, – болтают, что иногда по ночам из дымохода вырывается пурпурное пламя.

– А я думал, что чародею полагается жить в руинах вроде *этих*, – усмехнулся Уилл, кивая на сгоревшую ферму.

– Слухи не всегда говорят правду, Эрондейл, но все слухи нужно проверять, – безмятежно ответил Магнус. – Думаю, мы будем в Полперро через несколько часов.

Джеймс вздохнул про себя. Еще несколько часов. Долгие часы ожидания. Долгие часы беспокойства – о Люси, о Мэтью и Маргаритке. Часы размышлений о кошмарах.

Они пробуждаются.

– Значит, я буду развлекать вас. Я расскажу вам историю, – объявил Уилл. – Историю о моей сумасшедшей скачке на Балии из Лондона в Кадэр Идрис, в Уэльс. Твоя матушка пропала, Джеймс, – ее похитил этот негодяй, Мортмэйн. Я взлетел в седло. «Если ты когда-нибудь любил меня, Балий, – воскликнул я, – скачи, как ветер, и доставь меня к моей дорогой Тессе прежде, чем с ней случится несчастье». В ту ночь разразилась гроза, но буря, бушевавшая в моей груди, была еще свирепее...

– Не могу поверить в то, что вы никогда прежде не слышали эту историю, Джеймс, – негромко произнес Магнус. Они сидели рядом, поскольку уже в первый день путешествия стало ясно, что Уиллу для драматической жестикуляции требовалось все сиденье.

Было очень странно сейчас находиться в карете совсем рядом с Магнусом, о котором Джеймс с детства слышал всяческие сказки. Но за несколько дней он узнал о чародее кое-что новое: несмотря на эксцентричные манеры и броские костюмы, которые напугали не одного трактирщика, Магнус был на удивление уравновешен и практичен.

– Не слышал, – подтвердил Джеймс. – С прошлого четверга.

Он не стал говорить, что вовсе не против послушать рассказ отца еще раз. Дома эту историю они часто слушали вместе с Люси, которая в детстве ее обожала. Это было так романтично: Уилл, повинувшись зову сердца, спешит на помощь своей возлюбленной, еще не зная, что она тоже любит его.

Джеймс прижался щекой к стеклу. За окном проплывал живописный пейзаж – они ехали вдоль высокого обрыва, внизу, у подножия скал, неумолчно ревел прибой, и серые, как сталь, волны разбивались об острые утесы, тянувшие свои узловатые пальцы далеко в темное море.

В отдалении, на скале в море, он заметил церквушку; силуэт колокольни четко вырисовывался на фоне неба, и почему-то она показалась ему ужасно одинокой, оторванной от всего мира.

Он слушал певучий голос отца, слова истории, знакомой, как колыбельная. Джеймс невольно подумал о Корделии, о том, как она читала ему вслух стихи Гянджеви. Ее любимую поэму о несчастных влюбленных, Лейли и Меджнуне. Вспоминал ее голос, мягкий, как бархат. «Газель с невинной робостью в глазах властителей земли ввергала в прах, арабская луна красой лица аджамских тюрок ранила сердца... с любовью нарекли ее лучистым именем Лейли»⁷.

Корделия, сидевшая напротив него за столом в кабинете, улыбалась. На шахматной доске были расставлены фигуры, она держала в изящной руке коня из слоновой кости. У нее за спиной, в камине, горел огонь, и ее волосы напоминали корону из золота и пламени. «Шахматы – это персидская игра, – сказала она. – *Bia ba man bazi kon*. Сыграй со мной, Джеймс».

«*Kheili khoshgeli*», – ответил он без запинки. Это были первые персидские слова, которые он выучил, хотя никогда прежде не говорил их своей жене. «Ты так прекрасна».

Она залилась румянцем, ее полные алые губы дрожали. У нее были такие темные глаза, они мерцали – в них таились черные змеи, они вылезли из глазниц и рванулись к нему, разинув зубастые пасти...

– Джеймс! Проснитесь!

Магнус тряс его за плечо. Джеймс очнулся. Его мутило, он прижимал к животу кулак. Он сидел в карете, за окном смеркалось. Сколько же времени прошло? Ему снова снились проклятые сны. На этот раз в кошмаре ему явилась Корделия. Он откинулся на мягкую спинку, чувствуя себя больным.

Он бросил быстрый взгляд на отца. Уилл рассматривал сына с нехарактерным для него суровым выражением лица, и его глаза стали синими, как небо. Он строго произнес:

– Джеймс, ты должен рассказать нам, что с тобой происходит.

– Ничего. – Во рту чувствовался горький привкус. – Я уснул... Снова плохой сон. Я говорил тебе, что волнуюсь за Люси.

– Ты звал Корделию, – возразил Уилл. – Я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил с такой болью в голосе. Джейми, скажи, в чем дело.

Магнус переводил взгляд с отца на сына. Его рука, тяжелая от колец, по-прежнему лежала на плече Джеймса. Он заговорил:

– Вы выкрикнули еще одно имя. И слово. Слово, которое заставило меня сильно занервничать.

«Нет, – подумал Джеймс. – Нет». Солнце садилось, кроваво-красный закатный свет заливал бурые зимние поля и холмы.

– Я уверен, это была какая-то чепуха.

Магнус вздохнул.

– Вы выкрикнули имя Лилит. – Он бесстрастно смотрел Джеймсу в лицо. – В Нижнем Мире много говорят о последних событиях в Лондоне. История, которую мне рассказали, почему-то не вызывает у меня доверия. Также ходят слухи насчет Матери Демонов. Джеймс, вам не обязательно рассказывать нам то, что вы знаете. Мы способны догадаться обо всем сами. – Он обернулся к Уиллу. – Во всяком случае, я способен; за вашего отца не могу поручиться. Он всегда медленно соображал.

– Зато я никогда не носил русскую меховую шапку-ушанку, – заметил Уилл, – в отличие от некоторых присутствующих здесь лиц.

– Всем случается совершать ошибки, – пожал плечами Магнус. – Так что же, Джеймс?

– У меня нет шапки-ушанки, – ответил Джеймс.

Мужчины сердито смотрели на него.

---

⁷ Низами Гянджеви, «Лейли и Меджнун» (пер. Т. Стрешневой).

– Сейчас я не могу рассказать всего, – пробормотал Джеймс и почувствовал, как сильно забилося сердце: впервые он вслух признал, что ему есть о чем рассказать. – Если через несколько минут мы увидим Люси...

Магнус отрицательно покачал головой.

– Уже стемнело, начинается дождь, а говорят, что дорога по Церковному утесу до Скалистого мыса довольно опасна. Лучше переночевать в деревне и продолжить поиски утром.

Уилл кивнул; было ясно, что они с Магнусом обсудили план действий, пока Джеймс спал.

– Очень хорошо, – подвел итог Магнус. – Остановимся в ближайшей более или менее сносной гостинице. Я сниму комнату, где мы можем поговорить, не боясь, что нас услышат. И Джеймс... что бы ни случилось, мы сумеем вам помочь.

Джеймс в этом сильно сомневался, но подумал, что возражать бессмысленно. Вместо этого он уставился в окно, на темнеющее небо, и сунул руку в карман. Там все еще лежали лайковые перчатки Корделии, которые он захватил с собой из дома, мягкие, как цветочные лепестки. Он стиснул одну в пальцах.

В комнате с белеными стенами в доме на берегу океана Люси Эрондейл то просыпалась, то снова проваливалась в сон.

Когда она пришла в себя в первый раз в чужой кровати, от которой пахло прелой соломой, то услышала голос – голос Джесса – и хотела окликнуть его, сказать, что она в сознании. Но не успела: усталость вновь навалилась на нее, словно огромный холодный камень. Усталость, какой ей никогда в жизни не приходилось чувствовать, глубокая, как ножевая рана. Люси даже не знала, что такое бывает. Сознание снова покинуло ее, и она полетела во тьму, где время растягивалось, останавливалось, потом бежало вперед, где ее качало и швыряло куда-то, как корабль во время бури, и было неясно, спит она или бодрствует.

Когда в голове прояснялось, она улавливала кое-какие детали. Комната была маленькой, с одним окном, стены и потолок были покрыты желтовато-белой краской; в окне она видела серый океан, по которому бежали бесконечные волны, увенчанные белыми гребнями. Люси казалось, что она слышит шум моря, но далекий рев прибоя часто заглушали другие, менее приятные звуки, и девушка не могла сказать, что реально, а что нет.

Двое мужчин время от времени заходили в комнату, чтобы взглянуть на нее. Одним из них был Джесс. Другим – Малкольм, который держался неуверенно и быстро уходил. Откуда-то она знала, что они находятся в его доме, который расположен в Корнуолле, и что это корнуольское море обрушивается на камни там, снаружи.

Ей пока не удавалось поговорить с ними; когда она пыталась произнести что-то, фразы возникали в ее мозгу, но язык, как и все тело, не повиновался. Она не могла даже пошевелить пальцем, чтобы дать им понять, что слышит и видит их; эти попытки лишали ее последних сил, и ее снова засасывало в темную бездну.

В ее сознании существовала еще одна тьма. Сначала Люси подумала, что это знакомая темнота, которая окутывала ее прежде, чем она засыпала, за несколько секунд до того, как сны приносили с собой яркие краски. Но нет; эта тьма была *местом*.

И в этом месте она находилась не одна. В пустоте, сквозь которую Люси плыла без определенной цели, она ощущала постороннее присутствие; но вокруг нее были не живые, а мертвые, чьи души, лишенные тел, вращались и парили в этой пустоте, не встречаясь ни с ней, ни друг с другом. Души были несчастны. Они не понимали, что с ними происходит. Они непрерывно рыдали, и крики боли, в которых было не разобрать слов, леденили кровь.

Люси почувствовала, как что-то коснулось ее щеки. Прикосновение заставило ее вернуться в собственное тело. Девушка по-прежнему лежала в спальне с белыми стенами. Это рука Джесса коснулась ее; она знала это, даже будучи не в силах открыть глаза или пошевелиться.

– Она плачет, – произнес юноша.

Его *голос*. В нем была глубина, тембр, интонации, которых она не слышала в те дни, когда он был призраком.

– Возможно, ей снится кошмар. – Голос Малкольма. – Джесс, с ней все будет в порядке. Она истратила большое количество энергии на то, чтобы вернуть вас к жизни. Она нуждается в отдыхе.

– Но неужели вы не понимаете – это все с ней *из-за того*, что она вернула меня. – Голос Джесса дрогнул. – Если она не поправится... я никогда себе этого не прощу.

– Этот дар, которым она обладает. Способность проникать сквозь завесу, отделяющую мир живых от мира мертвых. Она получила его при рождении. Вашей вины в этом нет; если кто-то и виноват, так это Велиал. – Чародей вздохнул. – Нам так мало известно о царствах теней, которые лежат за пределами нашей Вселенной. А она зашла весьма далеко в этот сумрачный мир, чтобы вытащить вас оттуда. Для того чтобы вернуться обратно, ей нужно время.

– Но что, если она угодила в какую-то ужасную ловушку и не может выбраться?

Снова это легкое прикосновение, ладонь Джесса на ее щеке. Люси хотела повернуть голову, чтобы уткнуться лицом ему в руку. Это желание было таким сильным, что оно причинило ей боль.

– Что, если она нуждается во мне? Может быть, только я смогу вытащить ее оттуда?

Малкольм заговорил не сразу. Его голос зазвучал мягче.

– Прошло два дня. Если к завтрашнему дню она не придет в сознание, я попытаюсь связаться с ней при помощи магии. Я подумаю о том, что можно сделать, *если* вы в это время не будете стоять над ней и сходить с ума от волнения. Если вы действительно хотите чем-то помочь, можете сходить в деревню и купить кое-какой провизии...

Его голос стал тише и умолк. Люси снова очутилась в том темном месте. Она едва различала слова Джесса, его шепот доносился из другого мира: «Люси, если ты слышишь меня, знай – я здесь. Я позабочусь о тебе».

«Я здесь, – хотела она сказать. – Я слышу тебя». Но, как и в прошлый раз, и вчера, до этого, ее слова поглотила пустота, а потом она перестала думать и чувствовать.

* * *

– Кто у нас милая птичка? – спросила Ариадна Бриджсток.

Попугай Уинстон прищурился. Он не высказал никаких предположений насчет того, кто из них двоих является милой птичкой. Ариадна была уверена в том, что все внимание птицы поглощено горсткой бразильских орехов, которые она держала в руке.

– Я думала, мы с тобой немного поболтаем, – сказала девушка, показывая попугаю орех. – Ведь попугаев держат для того, чтобы они разговаривали. Почему ты не спросишь меня, как прошло мое утро?

Глазки Уинстона злобно сверкнули. Ариадна получила его в подарок от родителей давным-давно, когда она только приехала в Лондон и ужасно скучала по ярким краскам своей родины; этот город казался ей тоскливым, блеклым и безжизненным. У Уинстона было зеленое тельце, фиолетовая голова и отвратительный характер.

Его взгляд ясно давал понять, что никакого разговора не будет, пока он не получит орех. «Тебя перехитрил попугай», – сказала себе Ариадна и просунула угощение в клетку. Мэтью Фэйрчайлд держал в качестве домашнего любимца потрясающего золотистого щенка, а вот она сидит здесь с этой птицей, угрюмой, как лорд Байрон.

Уинстон проглотил орех, протянул лапку и вцепился в прут решетки.

– Милая птичка, – прошипел он. – Милая птичка.

«Ну, хоть что-то», – подумала Ариадна.

– Утро прошло хуже некуда, спасибо за то, что спросил, – произнесла она, просовывая между прутьями второй орех. – В доме так пусто и одиноко. Матушка без конца расхаживает по комнатам с удрученным видом – беспокоится об отце. Его нет уже пять суток. И еще... никогда не думала, что буду скучать по *Грейс*; но, по крайней мере, с ней можно было бы поговорить.

Она ничего не сказала насчет Анны. В ее жизни были вещи, о которых Уинстону незачем было знать.

– Грейс, – прокаркал попугай и с многозначительным видом постучал клювом по жердочке. – Безмолвный город.

– Действительно, – пробормотала Ариадна.

Ее отец и Грейс покинули дом почти одновременно, и эти события наверняка были связаны, хотя Ариадна и не могла понять, каким образом. Отец спешил в Адамантовую Цитадель, намереваясь допросить Татьяну Блэкторн. На следующее утро после его отъезда Ариадна и ее мать обнаружили, что исчезла Грейс – глухой ночью собрала свои скромные пожитки и ушла. Только во время ланча скороход принес записку от Шарлотты с известием о том, что Грейс взята под стражу и находится у Безмолвных Братьев, где дает показания относительно преступлений матери.

Мать Ариадны чуть не упала в обморок от волнения, прочитав записку. «О, мы приютили у себя преступницу, сами не зная об этом!» Ариадна в досаде подняла глаза к потолку и напомнила, что Грейс отправилась к Безмолвным Братьям по доброй воле, что они не арестовали ее и не выволокли из дома и что преступницей является Татьяна Блэкторн. Татьяна уже причинила людям немало неприятностей и горя, и если Грейс хотела сообщить Безмолвным Братьям какую-то новую информацию о деятельности матери, что ж, значит, она была законопослушной гражданкой.

Ариадна понимала, что скучать по Грейс смешно и глупо. Они почти не общались, когда та жила в их доме. Но одиночество настолько сильно угнетало, что ей сейчас необходимо было любое общество. Конечно, были люди, с которыми Ариадна совершенно точно хотела поговорить, но она изо всех сил старалась не думать о них. Она не могла называть их своими друзьями – это были просто знакомые. Но они были друзьями Анны, а Анна...

Ее размышления были прерваны пронзительным звоном дверного колокольчика.

Взглянув на Уинстона, она увидела, что попугай заснул вниз головой на своей жердочке. Девушка торопливо высыпала остатки орехов в кормушку, выбежала из оранжереи и поспешила в вестибюль, надеясь узнать какие-нибудь новости.

Но мать успела к дверям первой. Ариадна, услышав ее голос, остановилась на площадке второго этажа.

– Здравствуйте, Консул Фэйрчайлд. Добрый день, мистер Лайтвуд. Как любезно с вашей стороны навестить нас. – Она помолчала. – Может быть, вы хотите... сообщить нам что-то о Морисе?

Ариадна, услышав в голосе Флоры Бриджсток страх, решила не спускаться в холл. Снизу ее было не видно. Если Шарлотта Фэйрчайлд принесла новости – плохие новости, – она поостережется рассказывать всю правду при ней, Ариадне.

Девушка ждала, вцепившись в перила, и наконец снизу донесся негромкий голос Гидеона Лайтвуда.

– Нет, Флора. Мы не получали от него никаких известий с тех пор, как он уехал в Исландию. Напротив, мы надеялись на... на то, что *вы* сообщите нам что-нибудь новое.

– Нет, – ответила миссис Бриджсток чужим, невыразительным голосом. Ариадна поняла, что мать делает над собой огромное усилие, чтобы не выдать свои чувства. – Я подумала, что если он с кем-то и свяжется, то, скорее, с канцелярией Консула.

Последовало неловкое молчание. У Ариадны шумело в ушах. Она подозревала, что Гидеон и Шарлотта уже сожалеют о своем визите.

– Ничего не сообщали из Цитадели? – наконец спросила мать. – Ничего от Железных Сестер?

– Нет, – призналась Консул. – Но они известны своей скрытностью. Вероятно, допрашивать Татьяну оказалось непросто; я думаю, что им пока нечего сообщить нам, только и всего.

– Я знаю, что вы послали им несколько сообщений, – настаивала Флора. – А они не ответили. Возможно, в Институте Рейкьявика смогут помочь?

Мать говорила любезным тоном, но Ариадне показалось, что она сейчас окончательно потеряет самообладание и разрыдается.

– Я знаю, что его невозможно найти с помощью Отслеживающей руны, потому что нас разделяет море, но они смогли бы. Я дам вам что-нибудь из его вещей, отправьте им. Носовой платок или...

– Флора. – Консул говорила своим самым добрым, мягким тоном; Ариадна решила, что она, наверное, уже взяла мать за руку. – Это совершенно секретная миссия; Морис первый запретил бы нам извещать о его поездке других членов Конклава. Мы отправим в Цитадель еще одно сообщение и, если не получим ответа на сей раз, начнем собственное расследование. Обещаю вам.

Миссис Бриджсток что-то невнятно пробормотала – видимо, согласилась; но Ариадну терзало беспокойство. Консул и ее ближайший советник не посещали дома других людей лично просто потому, что хотели узнать новости. У них имелись на это какие-то серьезные причины, о которых они не стали сообщать Флоре.

Заверив хозяйку дома в том, что все будет в порядке, Шарлотта и Гидеон удалились. Ариадна, услышав скрежет засова, спустилась в холл. Мать неподвижно стояла у двери, но вздрогнула и обернулась на звук ее шагов. Ариадна постаралась изобразить недоумение и неведение.

– Я слышала чьи-то голоса, – начала она. – Это была Консул? Это она только что ушла?

Мать рассеянно кивнула.

– Ее сопровождал Гидеон Лайтвуд. Они приходили узнать, не получали ли мы сообщений от твоего отца. А я-то надеялась, что *они* расскажут мне что-нибудь.

– Все хорошо, мама, – сказала Ариадна и взяла ее за руку. – Ты же знаешь папу. Он всегда ведет себя осторожно, никогда не торопится; он вернется только после того, как узнает все, что сможет.

– О, я все знаю. Но... Это же была его идея – отправить Татьяну в Адамантовую Цитадель. Если что-то пошло не так...

– Им двигало милосердие, – твердо произнесла Ариадна. – Он не захотел запереть ее в Безмолвном городе, где она, без сомнения, окончательно свихнулась бы.

– Но тогда мы не знали того, что знаем сейчас, – возразила мать. – Если Татьяна Блэкторн имеет какое-то отношение к нападению Левиафана на Институт... это не просто поступок безумной женщины, которая заслуживает снисхождения. Это объявление войны нефилимам. Это выпад опасного противника, который заключил союз с величайшим злом.

– Она же находилась в Адамантовой Цитадели, когда на нас напал Левиафан, – напомнила матери Ариадна. – Как она могла в этом участвовать без ведома Железных Сестер? Не стоит тревожиться напрасно, мама, – добавила она. – Все будет хорошо.

Миссис Бриджсток вздохнула.

– Ари, – сказала она, – ты выросла такой милой девушкой. Мне будет ужасно не хватать тебя, когда какой-нибудь богатый и красивый молодой человек выберет тебя и ты выйдешь замуж и уедешь из нашего дома.

Ариадна неопределенно хмыкнула.

– О, я знаю, с этим Чарльзом получилась очень неприятная история, – вздохнула мать. – Но пройдет время, и ты встретишь мужчину получше.

Она глубоко вздохнула, расправила плечи, и Ариадна вдруг вспомнила, что ее мать – Сумеречный охотник, как и все другие. Преодоление жизненных трудностей было частью ее работы.

– Во имя Ангела, – произнесла миссис Бриджсток новым, бодрым голосом, – жизнь продолжается, и мы не можем целый день стоять в вестибюле и без конца обсуждать одно и то же. У меня много дел... супруга Инквизитора должна держать оборону, пока хозяин дома в отъезде, и все такое...

Ариадна кивнула, поцеловала мать в щеку и поднялась на второй этаж. Проходя по коридору мимо отцовского кабинета, она заметила, что дверь приотворена. Она слегка толкнула ее и заглянула в комнату.

Девушку встревожил беспорядок в кабинете. Если Ариадна надеялась, что пребывание в кабинете Мориса Бриджстока поможет ей почувствовать себя ближе к отцу, то ошиблась – более того, ее снова охватила смутная тревога. Отец был человеком брезгливым, педантичным и организованным – и гордился этим. Он терпеть не мог беспорядок. Она знала, что ему пришлось спешно уехать, но только теперь, увидев разгромленный кабинет, она поняла: в ту ночь отец был в панике.

Она машинально начала прибираться: задвинула кресло под стол, поправила занавеску, зацепившуюся за светильник, вынесла чайные чашки за дверь и поставила на пол, чтобы их забрала экономка. Перед каминной решеткой лежала кучка давно остывшей золы; Ариадна взяла небольшую метелку из медной проволоки, чтобы замести золу обратно в камин...

И застыла.

Среди углей что-то белело – стопка наполовину обгоревших бумаг. Она узнала каллиграфический почерк отца. Ариадна присела перед камином. Что же это были за записи, раз отец считал необходимым уничтожить их перед отъездом из Лондона?

Она вытащила документы из камина, стряхнула с них золу и начала читать. Пробежав глазами несколько строчек, она почувствовала, как пересохло в горле и внезапно стало нечем дышать.

Наверху первой страницы были написаны две фамилии: «Эрондейл/Лайтвуд».

Она знала, что совершает нехороший поступок, даже преступление, но имя «Лайтвуд» жгло ей глаза... Если семье Анны грозят какие-то неприятности, она должна узнать, в чем дело.

Страницы были рассортированы по годам: 1896, 1892, 1900. Ариадна просмотрела бумаги, и ей показалось, что ее затылка коснулась ледяная рука.

Отец записывал не суммы потраченных или заработанных денег; он описывал события. События, к которым имели отношение Эрондейлы и Лайтвуды.

Нет, не события. Ошибки. Упущения. Проступки. Здесь были зафиксированы все действия Эрондейлов и Лайтвудов, которые, по мнению отца, вызвали различные проблемы и неприятности; все, что могло считаться проявлением безответственности, неосторожности, некомпетентности, было описано в этих заметках.

12/3/01: Г. Л. отсутствовал на заседании Совета без объяснения.

6/9/98: Обор. в Ватерлоо говорят, что У. Э./Г. Э. отказались от встречи, из-за чего пришлось закрыть Базар.

8/1/95: Глава Института Осло отказывается встречаться с Т. Э., ссылаясь на ее происхождение.

Ариадне стало нехорошо. Большая часть этих «проступков» была мелочью, ничтожной ерундой или слухами; сообщение о том, что глава Института Осло не захотел встречаться с Тессой Эрондейл, одной из добрейших женщин, известных Ариадне, было отвратительным. Этому человеку следовало сделать выговор; но вместо этого ее отец внес этот эпизод в список «грехов» Эрондейлов.

Что это такое? Что задумал ее отец?

В нижней части стопки было что-то еще. Лист кремовой почтовой бумаги. Не заметки – письмо. Ариадна развернула письмо и не поверила своим глазам.

– Ариадна?

Девушка быстро сунула письмо за корсаж, прежде чем обернуться к матери. Флора стояла на пороге, нахмутив брови, и сурово смотрела на дочь. Когда она заговорила, в ее тоне не было и следа прежней теплоты, с которой она обращалась к Ариадне внизу, в холле.

– Ариадна, что ты здесь делаешь?

2. Серое море

*Серое море и черные скалы,
Грохот прибоя и инея хруст,
В сердце моем одно имя осталось,
Больше оно не слетит с моих уст.*

Чарльз Дж. Д. Робертс, «Серое море и черные скалы»

Когда Люси окончательно пришла в себя, за окном по-прежнему шумел прибой, а свет зимнего солнца был таким ярким, что она сразу зажмурилась. Она села в постели так резко, что закружилась голова. Но Люси твердо решила, что больше *не* уснет, *не* потеряет сознание, *не* вернется в то темное, пустое место, где не было ничего материального, только голоса умерших.

Девушка отбросила полосатое шерстяное покрывало, под которым спала, и спустила ноги с кровати. Первая попытка встать оказалась неудачной; у нее подогнулись колени, и она повалилась назад. Во второй раз, прежде чем подняться на ноги, Люси вцепилась в спинку кровати. Это помогло, но все равно она с минуту раскачивалась взад-вперед, как старый морской волк, непривычный к суше.

Если не считать простой железной кровати, выкрашенной желтоватой краской под цвет стен, в ее маленькой спальне почти ничего не было. В камине потрескивали догорающие угли странного пурпурного цвета, у окна стоял туалетный столик из некрашеного дерева, на котором были вырезаны русалки и морские змеи. Она успокоилась, заметив в ногах кровати свой чемодан.

В конце концов, стараясь не обращать внимания на болезненные ощущения в ногах, в которые словно вонзались тысячи иголок, Люси добралась до окна, находившегося в глубокой нише, и выглянула наружу. Перед ней раскинулся живописный пейзаж, словно написанный белой, темно-зеленой, черной и бледно-голубой красками. Дом Малкольма приютился на скале над маленькой, чистенькой рыбацкой деревней. Внизу, под домом, был узкий пролив, защищавший гавань от бурных океанских волн. В гавани покачивались лодчонки рыбаков. Небо было прозрачным и совершенно чистым, хотя погода, видимо, переменилась совсем недавно – на двускатных крышах деревенских домов белел снег. Из дымоходов к небу поднимались черные столбы дыма, а внизу зеленые волны разбивались об утесы, и белая пена стекала по камням.

Это было прекрасное зрелище – суровое, но прекрасное, и вид бескрайней морской глади вызвал у Люси странное ощущение внутренней пустоты. Казалось, что Лондон находится на другом конце света; там, бесконечно далеко от Люси, остались ее друзья и родные – Корделия и Джеймс, мать и отец. О чем они сейчас думают? Где, по их мнению, она находится? Вряд ли они могут себе представить, что она здесь, в Корнуолле, любит океаном, за которым лежит французский берег.

Чтобы отвлечься, Люси попробовала пошевелить пальцами ног. По крайней мере, покалывание прошло. Грубые доски пола за много лет стали гладкими, как паркет, и она, скользя по ним босыми ногами, подошла к туалетному столику, на котором стоял таз для умывания и лежало полотенце. Она чуть не застонала вслух, увидев себя в зеркале. Прическа рассыпалась, волосы слиплись и висели космами, дорожное платье было измято, а пуговица от подушки оставила на щеке глубокий след размером с пенни.

Придется потом попросить Малкольма о ванне, подумала она. Он же чародей, наверняка сможет раздобыть горячую воду. А пока пришлось удовольствоваться тазом и куском

мыла «Пирс». Умывшись, она сняла грязное платье, бросила его в угол и открыла чемодан. Несколько мгновений девушка разглядывала содержимое – неужели она действительно взяла с собой *купальный костюм*? Мысль о купании в холодной зеленой воде гавани Полперро заставила ее содрогнуться. Вытащив свой топорик и куртку от боевого костюма, она выбрала темносинее шерстяное платье с вышитыми манжетами, потом, вооружившись шпильками, принялась приводить в порядок волосы. У Люси упало сердце, когда она сообразила, что золотого кулона на шее нет, но после лихорадочных поисков обнаружила украшение на ночном столике у кровати.

«Это Джесс положил его сюда», – подумала она. Она не смогла бы ответить на вопрос, откуда узнала об этом, но была в этом уверена.

Внезапно ей отчаянно захотелось увидеть его. Надев ботинки, девушка вышла из комнаты.

Дом Малкольма оказался значительно больше, чем Люси себе представляла; ее спальня оказалась одной из шести на этаже, а лестница в конце коридора – украшенная резьбой в том же стиле, что и туалетный столик, – вела в зал с высоким потолком, какие бывают в больших загородных особняках. В деревенском домике на прибрежном утесе едва ли уместилась бы такая гостиная, да и второй этаж, если уж на то пошло. Это сбивало с толку. Должно быть, Малкольм при помощи чар мог увеличить внутреннее пространство дома как угодно, решила Люси.

Насколько Люси могла судить, в доме больше никого не было, но откуда-то снаружи доносился ритмичный стук. Осмотрев холл, она нашла парадную дверь и вышла на улицу.

Ослепительный солнечный свет оказался обманчивым. Было *холодно*. Обжигающий северный ветер свистел среди голых утесов, и ее шерстяное платье продувало насквозь. Обняв себя руками, дрожа, девушка быстро обошла дом, разглядывая все вокруг. Она была права насчет здания. Снаружи оно действительно выглядело очень скромным – тесный коттедж на три комнаты, не больше. Посторонним должно было казаться, что окна заколочены, хотя Люси знала, что это вовсе не так; побелка на стенах растрескалась и была покрыта пятнами и потеками от влаги, приносимой вечными морскими ветрами.

Под ногами у Люси печально шуршали сухие водоросли. Она пошла в ту сторону, откуда доносился глухой стук. Зайдя за угол дома, она резко остановилась.

Это был Джесс. Он стоял с топором в руках рядом с кучей поленьев. У Люси задрожали руки, но не только от холода. Он был *жив*. Только сейчас она полностью осознала это, и эта мысль потрясла ее до глубины души. Люси никогда не видела его таким – никогда не видела, как ветер играет его черными волосами, как краснеет его лицо от физических усилий. Никогда не видела, как он выдыхает облачка пара на холоде. Она вообще никогда не видела, как Джесс дышит; он находился в мире живых, но не являлся его частью, на него не действовали ни тепло, ни холод, ни ветер... И вот сейчас он дышал, он *жил*, его тень протянулась у него за спиной по каменистой земле.

Люси не могла больше ждать ни секунды и побежала к нему. Он успел лишь в удивлении поднять голову и выронить топор, прежде чем девушка бросилась ему на шею.

Джесс поймал ее, прижал к себе, крепко-крепко, его пальцы мяти ткань платья. Он спрятал лицо в ее волосах, шепотом повторяя: «Люси, *Люси*». Она чувствовала тепло его тела. Впервые со дня их встречи Люси ощутила его аромат: смесь запахов шерстяной одежды, пота, кожи, древесного дыма, ветра перед грозой. Впервые она услышала, как его сердце бьется совсем рядом с ее сердцем.

Наконец они отстранились друг от друга. Джесс продолжал обнимать ее и, улыбаясь, смотрел сверху вниз. На его лице она заметила тень неуверенности, как будто он не мог угадать, что она думает об этом новом, настоящем, живом Джессе. Глупый мальчишка, подумала Люси; он должен был прочесть все мысли по ее лицу. Но, может быть, это даже к лучшему?

– Наконец-то ты очнулась, – произнес он. Его голос был... как тут сказать... это был его голос, такой знакомый. Но сейчас он был реальным, человеческим, земным, и все же отличался от того, который она слышала прежде. И еще она чувствовала, как вздымается его грудь, когда он говорит. В голове мелькнула мысль: сможет ли она когда-нибудь привыкнуть к реальному Джессу?

– Долго я спала?

– Несколько дней. Ничего особенного за это время не произошло; в основном мы только и делали, что ждали, когда ты придешь в себя. – Он нахмурился. – Малкольм сказал, что с тобой все будет в порядке рано или поздно, но я подумал...

Он вздрогнул и поднял правую руку. Она поморщилась, заметив лопнувшую кожу и красные пятна. Но Джесс, судя по всему, был в восторге.

– Мозоли, – радостно улыбался он. – У меня *мозоли*.

– Не повезло, – посочувствовала Люси.

– А я так не считаю. Ты знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как у меня в последний раз появлялся волдырь? С тех пор, как я последний раз оцарапал колено? Потерял зуб?

– Я понимаю, что ты в восторге от физических ощущений, но, надеюсь, ты не выбьешь себе все зубы, чтобы заново испытать зубную боль, – улыбнулась Люси. – Не думаю, что я смогу лю... относиться к тебе по-прежнему... Не думаю, что ты будешь мне нравиться без зубов.

О, что же это с ней. Она едва не сказала «любить». Ее утешало лишь то, что Джесс, замороженный своими новыми ранами, по-видимому, ничего не заметил.

– Как это мелко, – сказал он, наматывая на палец прядь ее волос. – *Ты* будешь нравиться мне по-прежнему, даже когда у тебя выпадут все волосы и ты сморщишься, как прошлогодний желудь.

Люси испытала непреодолимое желание засмеяться, но заставила себя сердито нахмуриться.

– Но, в самом деле, скажи, ради всего святого, зачем ты колешь дрова? Неужели Малкольм не может создать несколько поленьев в случае необходимости? И кстати, где он?

– Ушел в деревню, – ответил Джесс. – Якобы купить что-нибудь поесть. Мне кажется, ему нравится ходить пешком; иначе он, скорее всего, просто «создал» бы пищу, как ты сказала. Большую часть дней его нет здесь до обеда.

– Большую часть дней? – повторила Люси. – Ты сказал, что я была без сознания несколько дней. Сколько именно?

– Сегодня пятый день нашего пребывания тут. Малкольм воспользовался своей магией и определил, что ты в безопасности и что тебе просто требуется естественный отдых. Длительный отдых.

– О. – Люси в тревоге принялась ходить взад-вперед. – Наверняка мои родные будут нас искать – они захотят узнать, что со мной случилось, они ужасно рассердятся на меня... И на Малкольма... Нам надо придумать какой-то план...

Джесс нахмурился.

– Им нелегко будет нас найти. Дом защищен мощными чарами, которые нейтрализуют действие Отслеживающей руны и, я полагаю, прочей магии.

Люси собралась было объяснить, что она знает своих родителей, что их не остановит такая мелочь, как мощные чары, и они обязательно ее найдут; но в этот момент из-за угла вышел Малкольм. В руке он держал прогулочную трость, под сапогами скрипел подмерзший песок. Одет он был в то же самое белое дорожное пальто, в котором она видела его в последний раз, в Святилище Института. Тогда он был рассержен; тогда еще Люси подумала, что он испугался того, что она сделала. Сейчас у чародея был просто усталый вид, одежда и волосы были в беспорядке – она не ожидала увидеть его таким.

– Я же вам говорил, что у нее все будет хорошо, – обратился он к Джессу. Потом взглянул на кучу дров. – Отличная работа, – добавил он. – Если будете продолжать в том же духе, с каждым днем будете становиться все сильнее.

Итак, чародей поручил Джессу колоть дрова прежде всего потому, что заботился о его здоровье. Это было вполне понятно. Несмотря на то что его тело законсервировали при помощи чар, оно, естественно, было ослаблено после семи лет неподвижности. Конечно, юноша не все время лежал неподвижно – Велиал вселился в тело Джесса, воспользовался им как марионеткой, заставлял его бродить по Лондону, заставлял его...

Но Люси не желала думать об этом. Все это осталось в прошлом, когда душа Джесса не была прочно связана с телом, не могла ему приказывать. Сейчас все изменилось.

Джесс осмотрел груды круглых чурбанов.

– Думаю, еще полчаса, самое большее, и я с этим покончу.

Малкольм кивнул и повернулся к Люси. Его взгляд показался девушке каким-то пустым, обращенным внутрь; в душе у нее шевельнулось беспокойство.

– Мисс Эрондейл, – произнес он. – Могу я побеседовать с вами в доме?

– Итак, *этот* лист я обработал раствором нашатырного спирта, – говорил Кристофер, – и при поджигании с помощью стандартной огненной руны... Томас, ты меня слушаешь?

– Я весь внимание, – воскликнул Томас. – Необыкновенно интересно.

Они находились на цокольном этаже дома Фэйрчайлдов, в лаборатории Генри. Кристофер попросил Томаса помочь с новым проектом, и Томас с радостью ухватился за возможность отвлечься.

Кристофер поправил очки, сползавшие на кончик носа.

– Я вижу, ты не уверен в том, что огонь в данном случае необходим, – заметил он. – Но, как тебе известно, я внимательно слежу за научными достижениями простых людей. Сейчас они разрабатывают способы отправки сообщений на большие расстояния; сначала они пользовались металлической проволокой, но недавно был изобретен беспроводной способ связи.

– Но какое отношение все это имеет к твоим экспериментам по поджиганию разных предметов? – спросил Томас – по его мнению, очень вежливо.

– Если выражаться доступным языком, простые люди пользовались теплом при разработке большей части своих технологий – электричества, телеграфа. А мы, Сумеречные охотники, не можем отставать, Томас. Не годится, чтобы их техника давала им могущество, недоступное нам. В данном конкретном случае, они могут отправлять сообщения на дальние расстояния, а мы... как видишь, не можем. Но если у меня получится применить для этой цели руны – смотри, я опаляю край пергамента огненной руной, складываю его, наношу Метки, руны Коммуникации *сюда*, а руны Меткости – *сюда... и сюда...*

Наверху звякнул дверной колокольчик. Кристофер не обратил на это внимания, и Томас подумал, что, может, ему следует подняться в холл и впустить посетителя. Но после третьего звонка Кристофер вздохнул, отложил стило и пошел к лестнице.

Томас услышал, как открывается входная дверь. Он не собирался подслушивать, но потом до него донесся голос Кристофера.

– О, здравствуй, Алистер, должно быть, ты пришел к Чарльзу. Думаю, он наверху, в своем кабинете.

И Томас почувствовал, как его желудок ухнул куда-то вниз, как морская птица, устремившаяся к волнам за рыбиной. (В следующую секунду он пожалел о том, что ему не пришло в голову сравнение поизящнее, но ведь человек либо наделен поэтическим даром, как Джеймс, либо нет.)

Ответ Алистера прозвучал приглушенно, и Томас не разобрал слов. Кристофер откашлялся и произнес:

– О, прошу прощения, я просто был внизу, в лаборатории. Я сейчас работаю над одним новым, очень перспективным проектом...

Алистер перебил его. Томас гадал, упомянет ли Кристофер о том, что он, Томас, тоже находится в доме. Но друг произнес лишь:

– Мэтью все еще в Париже, насколько нам известно. Да, я уверен, что Чарльз не будет против твоего визита...

Птица в желудке Томаса шлепнулась на воду и издохла. Он оперся локтями о рабочий стол Кристофера и постарался дышать очень медленно. Ничего удивительного. Во время их последней встречи Алистер совершенно ясно дал понять, что между ними ничего не может быть. И главной причиной разрыва стали напряженные отношения между ним и друзьями Томаса, «Веселыми Разбойниками», которые терпеть не могли Алистера. И на то были основания.

На следующее утро после того разговора Томас проснулся с четкой мыслью: «Мне пора – давно пора – рассказать друзьям о своих чувствах к Алистеру. Возможно, Алистер прав, и ничего не выйдет – но если я не попытаюсь, тогда не останется даже самой крохотной надежды».

Он собирался осуществить свое намерение. Он поднялся с кровати с твердой решимостью сделать это.

Но потом он узнал, что Мэтью и Джеймс ночью уехали из Лондона, и серьезный разговор пришлось отложить. Кроме того, выяснилось, что не только Мэтью и Джеймс покинули город. Судя по всему, Корделия с Мэтью отправились в Париж, а Джеймс с Уиллом помчались искать Люси. Томасу рассказали, что Люси взбрело в голову навестить Малкольма Фейда в его коттедже в Корнуолле. Кристофер, очевидно, спокойно принял все это к сведению и не стал задавать вопросов; у Томаса же вопросы возникли, и он знал, что Анна тоже обеспокоена. Но она решительно отказалась обсуждать эту тему. «Можно сплетничать о знакомых, но нельзя сплетничать о друзьях», – это было все, что она сказала. Сама Анна выглядела плохо, была бледной и усталой, хотя, как подозревал Томас, она вернулась к своему прежнему образу жизни, и в квартире у нее каждую ночь появлялась новая девушка. Томас довольно сильно скучал по Ариадне, и ему казалось, что и Анна тоже, но в тот день, когда он осмелился завести об этом речь, Анна едва не запустила ему в голову чайную чашку.

Последние несколько дней Томас все же *подумывал* над тем, чтобы рассказать Кристоферу о своих чувствах, но не стал этого делать. Он знал, что Кристофер его поймет, однако он бы поставил друга в очень неловкое положение, если бы тот узнал, что именно Джеймс и Мэтью недолюбливали – нет, даже ненавидели – Алистера.

И потом, был еще Чарльз. Он был первой большой любовью Алистера, но та история кончилась плохо. Чарльза ранил Велиал, и хотя он сейчас выздоравливал, Алистер, видимо, считал, что он обязан поддерживать бывшего возлюбленного и ухаживать за ним. С точки зрения общепринятой морали, Томас мог его понять, но его воображение терзали мучительные картины: вот Алистер вытирает лоб мечущемуся в лихорадке Чарльзу, вот кормит его виноградом. Было так легко представить себе, как Чарльз гладит Алистера по щеке, шепчет слова благодарности, глядя в прекрасные темные глаза, обрамленные длинными густыми ресницами...

Услышав шаги Кристофера, спускавшегося по лестнице, Томас чуть не свалился со стула. К счастью, Кристофер, чьи мысли были заняты другим, не заметил душевного волнения друга и сразу же направился к лабораторному столу.

– Ну, хорошо, – заговорил он, взяв стило. – Попробуем еще раз, ладно?

– Отправим сообщение? – спросил Томас. Они с Кристофером уже «отправили» несколько дюжин сообщений, некоторые растворились в воздухе или улетели в дымовую трубу, и ни одно до сих пор не добралось до адресата.

– Именно, – произнес Кит, протягивая помощнику листок бумаги и карандаш. – Пока я проверяю вот этот реагент, напиши здесь что-нибудь. Все, что придет в голову, какую-нибудь ерунду.

Томас подвинулся к столу и уставился на чистый лист. Так прошла минута, а потом он схватил карандаш и начал строчить:

Дорогой Алистер, почему ты такой безмозглый, неужели ты нарочно стараешься разозлить меня своим поведением? Почему я все время думаю о тебе? Почему мысли о тебе не покидают меня ни на миг: я вижу твое лицо, когда просыпаюсь, и когда засыпаю, и когда я чищу зубы, и вот прямо сейчас? Зачем ты поцеловал меня в Святилище, если ты не хочешь быть со мной? Ты считаешь, никто не должен об этом знать? В этом причина? Это так раздражает.

Томас.

– Ну что, готов? – спросил Кристофер. Томас вздрогнул и быстро сложил записку в четыре раза, чтобы друг не смог прочесть написанное. Протягивая бумажку Кристоферу, он испытал лишь слабый укол вины. Он хотел показать кому-нибудь это письмо, но понимал, что это невозможно. Тем не менее, перенеся мысли на бумагу, он почувствовал себя лучше и уже спокойнее смотрел, как Кристофер чиркает спичкой и подносит ее к странице. Да, будет лучше, если это послание, как и отношения Томаса с Алистером, в итоге ни к чему не приведет и исчезнет бесследно.

Вспоминая страшные истории, слышанные от матери, Грейс Блэкторн ожидала, что в Безмолвном городе ее посадят в каменный мешок, прикуют цепью к стене и, вероятно, подвергнут пыткам. Еще прежде, чем войти на кладбище Хайгейт, где находился вход, она начала думать о том, каково это – когда тебя испытывают Мечом Смерти. Представляла, как она стоит на Говорящих Звездах, как ее судят Безмолвные Братья. Что она почувствует, когда после многих лет лжи ей, поневоле, придется говорить правду? Может быть, это принесет облегчение? Или, наоборот, нестерпимые страдания?

Она решила, что это не имеет значения. Она заслужила страдания.

Но на нее не надели кандалы – вообще ничего подобного не произошло. Два Безмолвных Брата сопровождали ее от дома Джеймса на Керзон-стрит в Безмолвном городе. Как только она переступила его порог – кстати, это действительно было мрачное, темное место, похожее на тюрьму, – ей навстречу вышел Брат Захария, который, судя по всему, намеревался взять ее под свою опеку. Она знала, что это кузен Корделии и что в прежней жизни его звали Джеймсом Карстерсом.

«Должно быть, вы очень устали. – Его голос, звучавший в ее голове, был спокойным, даже, пожалуй, доброжелательным. – Позвольте, я провожу вас в вашу комнату. Происшедшее мы обсудим завтра».

Она была ошеломлена. Мать не раз упоминала при ней имя Брата Захарии и приводила его историю в качестве примера губительного влияния Эрондейлов на расу нефилимов в целом. «У него даже глаза не зашиты, – обвинительным тоном говорила она, не интересуясь, слушает ли ее Грейс. – Любимчикам Лайтвудов и Эрондейлов полагается, видите ли, особое отношение. Это возмутительно!»

Но Брат Захария говорил с ней мягко, благосклонно. Он провел ее по холодным каменным коридорам в небольшую комнату – она воображала, что это будет некая камера пыток, где ей придется спать на голом полу, возможно, в цепях. Да, помещение выглядело отнюдь не роскошным – комнатка без окон с каменными стенами и полом, в которой невозможно было укрыться от посторонних глаз, так как широкая дверь представляла собой частую решетку из

адамаса. Но, по сравнению с ее комнатой в Блэкторн-Мэноре, спальня показалась Грейс очень уютной; она обнаружила довольно удобную железную кровать, старый дубовый письменный стол, деревянную полку с книгами (ни одна из книг ее не заинтересовала, но это было уже кое-что). На полках и мебели были беспорядочно, словно в спешке, разложены колдовские огни, и Грейс вспомнила, что Безмолвные Братья не нуждаются в свете для того, чтобы видеть.

Самой неприятной и даже зловещей особенностью жизни в Безмолвном городе было то, что она не могла сказать, день сейчас или ночь. Захария принес ей каминные часы, и это немного помогло, но Грейс по-прежнему не была уверена, что они показывают именно полдень, а не полночь. Потом она сказала себе, что это неважно. Время здесь тянулось медленно, хотя Грейс казалось, что с последнего допроса прошло всего несколько минут.

Допросы у Безмолвных Братьев были очень неприятны. В этом она вынуждена была себе признаться. Нет, Братья не причиняли ей ни боли, ни вреда, не пытали ее, даже не применяли Меч Смерти; они просто расспрашивали: спокойно и настойчиво. И самым болезненным было даже не это. А необходимость говорить правду.

Грейс начинала понимать, что ей известны всего два способа общения с людьми. Первый заключался в том, что она надевала маску, лгала и играла определенную роль, скрываясь за этой маской; так она изображала покорность матери и любовь к Джеймсу. Второй способ состоял в том, чтобы быть честной, но за всю свою жизнь она, пожалуй, была честной только с Джессом. Но даже от него она скрывала те поступки, которых стыдилась. И сейчас Грейс обнаружила, что ей больно говорить, ничего не скрывая.

Больно было стоять перед Братьями и признаваться во всем, что она натворила. «Да, я заставила Джеймса Эрондейла поверить, что он в меня влюблен. Да, я использовала способности, данные мне демоном, чтобы заманить в свои сети Чарльза Фэйрчайлда. Да, я участвовала в заговоре матери, которая намеревалась погубить Эрондейлов и Карстерсов, Лайтвудов и Фэйрчайлдов. Я верила ей, когда она говорила мне, что эти люди – наши враги».

Эти признания лишали ее сил. По ночам, лежа в камере, она закрывала глаза и видела лицо Джеймса в ту минуту, когда он взглянул на нее в последний раз, слышала его голос, выражавший презрение и отвращение. «Я бы вышвырнул тебя на улицу, но это твое „могущество“ опасно, как заряженный револьвер в руках капризного ребенка. Ты не должна больше использовать его».

Если Безмолвные Братья собирались лишить ее «могущества» – а она охотно позволила бы им это, – пока они ничем не выдавали своих намерений. Она чувствовала, что они изучают ее, изучают ее способности своими методами, которых она не понимала.

Ей оставалось утешать себя только мыслями о Джессе. О Джессе, которого Люси наверняка вернула к жизни с помощью Малкольма. Сейчас они должны быть уже в Корнуолле, думала она. Как он себя чувствует, спрашивала она себя. Может быть, возвращение из царства теней, в котором он провел столько лет, оказалось для него невыносимым потрясением? Как ей хотелось бы находиться рядом с ним в этот момент, держать его за руку, помочь ему, как он помогал ей столько раз в страшные минуты ее жизни.

Разумеется, Грейс понимала, что существует вероятность неудачи. Некромантия была очень ненадежным делом. Но его смерть была несправедливой, это было ужасное преступление, причиной которого явилась чудовищная ложь. Она была уверена: если кто-то и имеет право на второй шанс, так это Джесс.

Кроме того, он любил Грейс, словно родную сестру, любил ее и волновался за нее, в то время как всем остальным людям она была безразлична; возможно, размышляла она, никто никогда больше не будет любить ее так, как он. Может быть, нефилимы приговорят ее к смерти за то, что она обладает демоническими силами. Может быть, ей суждено всю оставшуюся жизнь томиться за решеткой в Безмолвном городе. Но когда Грейс разрешала себе надеяться

на жизнь и свободу, она не видела для себя иного будущего в этом мире, кроме будущего рядом с Джессом – живым.

Конечно, был еще Кристофер Лайтвуд. Нет, он ее не любил, естественно, – они были едва знакомы. Но ей показалось, что он искренне интересуется ею, ее мыслями, ее мнением, ее чувствами. Если бы ее жизнь сложилась иначе, они могли бы стать друзьями. У нее никогда не было друга. Только Джеймс, который теперь ненавидит ее за то, что она с ним сделала; он знал все. И Люси, которая скоро возненавидит ее по той же причине. Нет, говорила себе Грейс, не стоит себя обманывать и воображать, что Кристофер будет относиться к ней по-другому. Он был другом Джеймса, любил его. И как верный друг того, кому она причинила боль, он станет ее презирать... и будет прав...

Ее отвлек характерный скрежет железной двери. Она быстро села на своем узком матрасе, пригладила волосы. Грейс знала, что Безмолвным Братьям безразлично, как она выглядит, но привычка была сильнее.

С порога на нее смотрела серая фигура.

«Грейс, – заговорил Захария. – Боюсь, что последний допрос оказался слишком тяжелым для вас».

Да, так и было; Грейс едва не лишилась чувств, описывая ту ночь, когда мать отвела ее в чащу леса, вспоминая голос Велиала, звучащий из теней. Но Грейс не нравилось, когда посторонние догадывались о ее чувствах. Она спросила:

– Сколько осталось времени? До того дня, как мне вынесут приговор?

«Вы так сильно желаете, чтобы вас подвергли наказанию?»

– Нет, – усмехнулась Грейс. – Я просто хочу, чтобы эти расспросы прекратились. Но я готова принять наказание. Я его заслуживаю.

«Да, вы совершали нехорошие поступки. Но сколько вам было лет, когда мать привела вас в лес Брослин, чтобы вам дали могущество? Одиннадцать? Двенадцать?»

– Это неважно.

«Нет, это важно, – возразил Захария. – Я считаю, что Конклав вас предал. Вы Сумеречный охотник, Грейс, вы рождены в семье Сумеречных охотников, но вас бросили в этом зловещем доме, предоставили вам вести эту ужасную жизнь. С вами поступили несправедливо. Конклав забыл о вас, в то время как ему следовало вмешаться и провести расследование».

Грейс не могла выносить его жалость – это было подобно уколам сотен игл.

– Вам не следует проявлять доброту ко мне, не надо пытаться меня понять, – резко ответила она. – Я воспользовалась силой демона для того, чтобы околдовать Джеймса и вынудить его поверить в то, что он в меня влюблен. Я причинила ему много боли.

Захария молча стоял напротив нее. Его лицо было совершенно бесстрастным, и это производило жутковатое впечатление.

Грейс захотелось его ударить.

– Разве вы не считаете, что я заслуживаю кары? Неужели вы не верите в возмездие? В восстановление равновесия? А как же «око за око»?

«Это образ мыслей вашей матери. Но не мой».

– Так считают все прочие Безмолвные Братья. Анклав. Все в Лондоне захотят, чтобы я была наказана.

«Они ничего не знают, – ответил Брат Захария. Впервые Грейс уловила в его тоне колебание, неуверенность. – О том, что вы сделали по приказанию матери, пока известно только нам и Джеймсу».

– Но... почему? – Она ничего не понимала. Наверняка Джеймс захочет рассказать обо всем друзьям, и вскоре весь город узнает. – Зачем вы меня защищаете?

«Нам необходимо допросить вашу мать; это будет проще сделать, если она будет считать, что вы по-прежнему на ее стороне, что никто не знает о ваших способностях».

Грейс опустилась на кровать.

– Вы хотите получить ответы от моей матери? Вы считаете, что я – марионетка, а она – кукловод, что она дергает за ниточки? Вы ошибаетесь. Велиал – вот кто настоящий кукловод. Она выполняет его приказы. Все, что она делает, делается от его имени. Это его надо бояться.

Довольно долго оба молчали. Наконец в ее голове раздался мягкий голос:

«Вам страшно, Грейс?»

– За себя я не боюсь, – произнесла она. – Мне уже нечего терять. Но за других... Да, за других мне очень страшно.

* * *

Люси пошла за Малкольмом в дом и ждала в холле, пока чародей снимал дорожное пальто и ставил на место трость. Потом он повел ее в гостиную с неправдоподобно высоким потолком, через которую она недавно проходила, и щелкнул пальцами. В камине взревело пламя. Люси пришло в голову, что Малкольм не только мог раздобыть дрова, не обращаясь к Джессу с просьбой наколоть их; скорее всего, он мог разжечь огонь где угодно без всяких дров.

Конечно, она была только рада посмотреть, как Джесс колет дрова. А он, судя по всему, получал удовольствие от этого занятия, так что никто не остался внакладе.

Малкольм жестом пригласил ее сесть на слишком мягкую кушетку. Люси решила, что если сядет, то потом не сможет встать, и примостилась на подлокотнике. Комната оказалась довольно уютной; она бы ни за что не подумала, что гостиная принадлежит Малкольму Фейду. Диваны и кресла из атласного дерева с гладкими, слегка потемневшими подлокотниками были обиты гобеленовой тканью и бархатом; мебель была разномастной, зато удобной. На полу лежал ковер с изображением ананасов, а стены украшали портреты каких-то незнакомых Люси людей.

Малкольм остался стоять, и Люси предположила, что сейчас он начнет читать ей лекцию относительно Джесса или расспрашивать о том, что она с ним сделала. Но вместо этого он произнес:

– Возможно, вы не заметили, но, несмотря на то что *не я* лежал без сознания несколько дней после первого в жизни колдовства, я не очень хорошо выгляжу.

– Нет, я ничего такого не заметила, – солгала Люси. – Вы выглядите... э-э... очень элегантно и ухоженно.

Малкольм отмахнулся от этих уверений.

– Я не напрашиваюсь на комплимент. Хотел вам рассказать, что последние несколько дней, пока вы восстанавливали силы после визита в мир мертвых, я воспользовался возвращением в Корнуолл для того, чтобы продолжить расследование, связанное с Аннабель Блэкторн.

У Люси учащенно забилось сердце. Аннабель Блэкторн. Женщина, которую Малкольм любил сто лет назад и которая, как он до недавнего времени считал, покинула его и стала Железной Сестрой. На самом же деле родственники казнили ее за преступную связь с чародеем. Люси вздрогнула, вспомнив выражение лица Малкольма в ту минуту, когда Грейс сказала ему правду о судьбе Аннабель.

Чародеям дарована вечная молодость, и все же Люси показалось, что он состарился на несколько лет. У рта и в уголках глаз появились морщины.

– Если вы помните, мы договорились, что вы вызовете ее дух, – продолжал он. – Вы обещали дать мне возможность поговорить с ней еще раз.

Люси удивлял тот факт, что чародеи не могут сами вызывать мертвых, которые больше не бродят в этом мире и ушли туда, где их ждет покой. Что необычное могущество, полученное ею от деда, позволяет ей совершать то, что недоступно даже Магнусу Бейну или Малкольму

Фейду. И вот сейчас ей напомнили о том, что она дала Малкольму слово, но нетерпеливый, жадный блеск его глаз встревожил ее.

– Я не знал, что произойдет после того, как вы воскресите Джесса, – продолжал Малкольм. – Он полон жизни, он дышит, он совершенно здоров, как физически, так и душевно, и это скорее чудо, чем магия. – Он прерывисто вздохнул. – Смерть Аннабель была точно такой же несправедливостью и отвратительным преступлением, как и то, что произошло с Джессом. Она заслуживает жизни не меньше, чем он. В этом я абсолютно уверен.

Люси не стала напоминать чародею о том, что тело Джесса не без помощи Велиала много лет пребывало в промежуточном состоянии между жизнью и смертью, в то время как Аннабель, разумеется, давно превратилась в прах.

– Малкольм, я дала вам слово вызвать ее дух. Вы сможете поговорить с ее призраком. Но не более того. Ее нельзя... вернуть. Вы это знаете.

Малкольм, не слушая ее, бросился в кресло.

– Выходит, чудеса действительно возможны, – бормотал он, – хотя я в них никогда не верил... я знаю о демонах и ангелах, но всегда верил только в науку и магию...

Он замолчал, но Люси услышала достаточно, чтобы по-настоящему испугаться. Внутри у нее что-то трепетало, как задетая струна.

– Не все души желают возвращения на эту землю, – прошептала она. – Многие из умерших нашли покой.

– Аннабель не найдет покоя за гробом, – прохрипел Малкольм. Огромные лиловые глаза на мертвенно-бледном лице напоминали синяки. – Без меня – никогда.

– Мистер Фейд... – Голос Люси дрогнул.

Только в этот момент чародей заметил ее волнение. Он выпрямился в кресле и выдавил улыбку.

– Люси, я понимаю, что вы едва выжили после возвращения Джесса и что вы еще очень слабы. Ни мне, ни вам не нужно, чтобы после попытки вызвать Аннабель вы снова впали в беспамятство. Мы должны подождать, пока вы не восстановите силы. – Он смотрел в камин, словно мог увидеть будущее среди пляшущих язычков пламени. – Я жду уже сто лет. Время для меня течет иначе, чем для смертных людей, особенно таких юных, как вы. Я буду ждать еще сто лет, если нужно.

– Что ж, – улыбнулась Люси, стараясь говорить легкомысленным тоном, – едва ли на восстановление сил у меня уйдет *столько* времени.

– Я буду ждать, – повторил Малкольм, и она поняла, что он не слышит ее и обращается к себе самому. – Я буду ждать столько, сколько потребуется.

3. В темноте

- Когда же смогу отдохнуть я и где?
- Приют наверху найдешь.
- Но как я увижу его в темноте?
- Мимо ты не пройдешь⁸.

Кристина Россетти, «В гору»

Джеймсу казалось, что он говорит уже целый месяц.

Магнус, который, по-видимому, обладал способностью определять подходящие постоянные дворы на расстоянии, нашел один такой на дороге в Полперро. Убедившись в том, что Балий и Ксанф с комфортом устроены в конюшне, Уилл снял на первом этаже отдельную комнату, где можно было поужинать и побеседовать без посторонних.

Но Джеймс почти не притронулся к ужину. Комната была довольно уютной: старомодная обстановка, темные обои, потертый ковер, широкий дубовый стол посередине; блюда тоже оказались вполне съедобными. Однако приступив к рассказу о событиях последних нескольких недель, Джеймс обнаружил, что не может остановиться. В течение долгого времени он вынужден был лгать и таиться от родных, и теперь слова лились потоком, словно река, прорвавшая плотину. Несмотря на это, Джеймс старался следить за собой, чтобы ненароком не выдать чужих тайн. Он ни словом не обмолвился о клятве верности, которую Корделия, сама о том не зная, дала Лилит – сказал лишь, что Матерь Демонов приняла облик Магнуса, чтобы обмануть их.

– Я знаю, что должен просить тебя о прощении, – пробормотал Джеймс после небольшой паузы. У него пересохло в горле, и он вынужден был помолчать несколько секунд. – Мне следовало рассказать тебе все, но...

– Но эти события касались не только тебя, – договорил за него Уилл. Он был мрачен, и морщины у глаз обозначились особенно четко. – Поэтому ты держал рот на замке. Ты хотел защитить своих друзей и семью. Я не совсем уж безнадежный идиот, Джеймс. Я понимаю, как это бывает.

Магнус взял графин с портвейном, вытащил пробку и налил немного вина Уиллу и Джеймсу.

– Мне это все не нравится. Велиал должен был лишиться возможности приходить в наш мир после того, как Корделия ранила его своим мечом. Но он все же сумел вернуться, задействовав план, разработанный много лет назад, почти сразу после рождения Джесса Блэкторна...

Уилл яростно сверкнул глазами.

– Вот именно по этой причине нам не следовало терпеть причуды Татьяны и смотреть сквозь пальцы на то, как она обращается со своими детьми. «Подумаешь, что такого страшного произойдет, если она не позволит Безмолвным Братьям провести над Джессом защитный ритуал?» Вот уж действительно, ничего страшного! Нужно благодарить Ангела за то, что Морис решил забрать ее из Адамантовой Цитадели. Безмолвные Братья должны вытрясти из нее всю правду об этой истории.

– Почему вы не рассказали Анклаву о том, что Велиал совершает эти убийства? – обратился Магнус к Джеймсу. Несмотря на упрек, тон его не был суровым.

---

⁸ Пер. М. Лукашкиной.

– Любому ясно, почему он не рассказал об убийце Анклаву, – фыркнул Уилл. – Если бы Анклав узнал, что Велиал – его дед, отец Тессы... сами понимаете, последствия подобной откровенности оказались бы малоприятными для нашей семьи. Для Тессы. Я тоже знал об этом родстве и тоже помалкивал. Из тех же соображений. Джеймса нельзя за это осуждать.

– Кто-нибудь еще знает? – продолжал Магнус.

– Только мои близкие друзья, – ответил Джеймс. – Корделия, естественно, Мэтью... и Томас с Кристофером. И Анна. Они будут молчать. Я бы доверил им свою жизнь, – добавил он с несколько излишней горячностью.

Уилл и Магнус обменялись взглядами, значения которых Джеймс не понял. Отец медленно произнес:

– Я рад, что у тебя, по крайней мере, есть друзья, которым ты можешь довериться. Мне хотелось бы только, чтобы ты делился своими проблемами и со мной, Джеймс. – Он смотрел на сына с грустью. – У меня сердце кровью обливается, когда я думаю о том, как ты страдал из-за видений, посылаемых Велиалом... И при этом вынужден был держать все в тайне.

Он посмотрел на свой портвейн с таким видом, словно впервые его увидел, взял бокал и сделал глоток.

– Я видел смерть, – тихо сказал он. – Я знаю, что чувствуешь, глядя на то, как человек расстается с жизнью.

Отец отвел взгляд, и Джеймс сначала не понял, что он имел в виду – но вздрогнул, вспомнив, что много лет назад Джессамина скончалась у него на руках. Джеймс настолько привык к присутствию призрака, что забыл, каким потрясением явилась гибель девушки для обитателей Института. Легко было не думать о смерти рядом с оптимистичным и жизнерадостным отцом. Уилл хорошо умел скрывать свои переживания и душевные раны от всех несчастий и испытаний, через которые ему довелось пройти.

Магнус откашлялся, и Джеймс, подняв голову, увидел, что чародей задумчиво смотрит прямо на него светящимися кошачьими глазами. Уилл это тоже заметил и, вернувшись к реальности, выпрямился в кресле.

– О чем вы размышляете, Магнус?

– Всего лишь об одной небольшой странности. Велиал готов был ждать довольно долго, прежде чем его замысел относительно Джесса принесет плоды, – заметил Магнус. – Интересно, какие еще идеи успели родиться у него в голове за эти годы. Идеи, о которых мы ничего не знаем. – Его глаза блеснули. – Джеймс, мне нужно знать, что вам снилось тогда, в карете. Когда вы очнулись с криком.

Джеймс ощутил укол совести. Он все же скрыл от них кое-что – секрет Корделии.

– Мне снилась стая теней, – заговорил он. – Я стоял посреди выжженной пустыни и смотрел, как надо мной пролетают чудовища.

– Это были демоны? – уточнил Магнус.

– Не знаю, – сказал Джеймс. – Их силуэты были полупрозрачными и расплывчатыми, и там было довольно темно... Мне казалось, что... я по какой-то причине не могу сфокусировать на них взгляд. Но я уверен, что они имеют отношение к планам Велиала. Он говорил со мной.

– Что он сказал? – спокойно произнес Магнус.

– Они пробуждаются, – ответил Джеймс.

Уилл шумно выдохнул.

– Мог бы и яснее выразиться. Что пробуждается? Кто?

– Существа, которые до сих пор спали? – предположил Магнус. – Насколько я понимаю, раньше Велиал хотел, чтобы вы видели его деяния. Сейчас ему нужно, чтобы вы оставались в неведении.

– Он хочет, чтобы я испугался, – вздохнул Джеймс. – Вот что ему нужно.

– Значит, не пугайся, – решительно воскликнул Уилл. – Как только найдем Люси, сразу же вернемся в Лондон. Теперь, когда мы осведомлены о положении дел, мы воспользуемся всеми средствами, какие имеются в нашем распоряжении, чтобы избавить тебя от этой назойливой твари и разобраться, в чем дело.

Джеймс попытался сделать вид, будто слова отца успокоили его. Он знал, что Уилл, в отличие от него самого, твердо верит, что из любого, даже самого отчаянного положения можно найти выход. Но, увы, Джеймс не мог представить себе жизнь, в которой он был бы свободен от Велиала. Он был уверен: эта связь будет существовать, пока жив его дед. А Джеймсу уже неоднократно напоминали, что Принц Ада не может умереть.

– Вы собираетесь пить свой портвейн? – обратился к нему Магнус. – Возможно, это успокоит нервы и поможет вам расслабиться.

Джеймс отрицательно покачал головой. Ему было противно даже смотреть на алкоголь, и он знал, что дело не только в нервах. Он думал о Мэтью. С того момента, когда он избавился от магического браслета, картины недавнего прошлого постепенно возвращались к нему; он вспоминал не только события, но и собственные мысли, эмоции, вещи, о которых успел забыть, на которых браслет не позволял ему останавливаться. Его чувства к Корделии... его желание снять браслет... но была еще и смутная тревога насчет пьянства Мэтью. Наверное, эта проклятая вещь убедила его, Джеймса, в том, что с Мэтью ничего особенного не происходит, запретила ему думать и заботиться о других людях. Ему следовало интересоваться только теми вещами, которые были «нужны» браслету. Постепенно Джеймс осознавал, что Мэтью в беде, что ему становится все хуже, но браслет сделал так, что эта мысль ускользала от него, и он не мог на ней сосредоточиться. Он вспомнил сцену на лондонском Сумеречном базаре, их разговор в переулке, замеченном снегом; вспомнил, как он рявкнул на друга: «Посмотри мне в глаза и скажи, что есть человек, которого ты любишь больше, чем эту бутылку».

Он знал, но ничего не сделал. Он позволил браслету руководить собой. Он подвел своего лучшего друга. Он подвел своего *парабатая*.

– Но поспать вам все же нужно, – продолжал тем временем Магнус. – И, желательно, без сновидений. Я надеялся, что вам помогут методы, принятые у простых людей, но...

Джеймс сглотнул ком в горле.

– Не думаю, что смогу это выпить.

– Тогда я дам вам кое-что другое, – твердо сказал Магнус. – Воду и некую жидкость, более действенную, нежели простое крепленое вино. Как насчет вас, Уилл?

– Не откажусь, – пробормотал Уилл, и Джеймсу показалось, что отец все еще погружен в какие-то свои мысли. – Отведаем колдовского зелья.

В ту ночь Джеймс спал как убитый. Возможно, отец и поднимался среди ночи, чтобы взглянуть на него, как будто он был еще ребенком, может быть, даже сидел на его кровати и напевал валлийскую песню, путая слова языка, на котором уже давно не говорил, но утром Джеймс ничего не помнил.

– Как видишь, – произнес Мэтью, обводя широким жестом бульвар Клиши, – перед тобой Ад.

Он был одет в тяжелое, подбитое мехом пальто с несколькими пелеринами, отчего жест выглядел еще более драматичным.

– Вы, – ответила Корделия, – очень коварный человек, Мэтью Фэйрчайлд. Очень коварный.

Однако она все же улыбнулась – отчасти потому, что Мэтью явно ждал такой реакции, и потому, что ей не терпелось осмотреть Монмартр и его достопримечательности.

Монмартр считался одним из самых скандальных районов в этом скандальном городе. Корделия увидела пользующееся дурной славой кабаре «Мулен Руж» с его знаменитой ветря-

ной мельницей и полуголыми танцовщицами. Девушка думала, что они отправятся туда, но Мэтью, разумеется, не мог поступить так, как все. Вместо этого он привел ее в «Cabaret de l'Enfer» – то есть в «Ад», как и обещал. Над дверью была вырезана морда демона с черными выпученными глазами и обнаженными клыками; его пасть служила входом.

– Если ты не хочешь, мы туда не пойдем, – сказал Мэтью необычно серьезным тоном. Он прикоснулся рукой в перчатке к подбородку Корделии и поднял ее голову, чтобы взглянуть прямо в глаза. Она смотрела на него в некотором замешательстве. Он был без головного убора, и в полумраке его зеленые глаза казались почти черными.

– Я думал, это тебя развлечет, как Адский Альков. Кстати, по сравнению с этим заведением, Альков – просто детская.

Она молчала, чувствуя тепло его тела, которое было совсем близко, и вдыхая его аромат: от него пахло шерстяной тканью и одеколоном. В этот момент разодетые по последней моде мужчина и женщина выбрались из фиакра и направились прямо ко входу в «Ад». Оба смеялись.

Богатые парижане, подумала Корделия, развлекаются напропалую в квартале, где в мансардах живут бедные и голодные художники. Когда новые посетители подошли к двери, свет газовых фонарей у входа в заведение упал на их лица, и Корделия заметила, что у женщины смертельно бледное лицо и темно-красные губы.

Вампир. Конечно же, представителей Нижнего Мира привлекали места, оформленные в подобном стиле. Корделия понимала, к чему стремился Мэтью: он пытался пробудить в ней интерес к жизни, заставить ее почувствовать то же детское радостное возбуждение, которое она когда-то испытала в Адском Алькове. Помимо всего прочего, он привел ее в новое место, где не могло быть никаких тяжелых воспоминаний. В конце концов, почему бы и нет? Чего она боится, ведь ей больше нечего терять.

Корделия расправила плечи.

– Идем.

Крутая лестница вела из холла в подвал, похожий на пещеру. Его освещали бра с алыми стеклянными абажурами, которые придавали обстановке и лицам гостей красноватый оттенок. На оштукатуренных стенах были вырезаны разные лица, застывшие в крике; все они были искажены ужасом, отчаянием или мучительной болью. С потолка свисали золотые ленты, на которых были напечатаны цитаты из «Ада» Данте: от «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу»⁹ до «Тот страждет высшей мукой, кто радостные помнит времена в несчастии»¹⁰.

Пол был разрисован багровыми и золотыми завитушками – Корделия решила, что этот узор призван вызывать ассоциации с пламенем, в котором вечно горят проклятые. Кабаре представляло собой одно большое помещение с высоким потолком; бесчисленные круглые столики были освещены мягким светом ламп. Пол постепенно понижался, в дальнем конце находилась сцена. В основном за столами сидели существа Нижнего Мира, но Корделия заметила нескольких простых людей, одетых сообразно случаю. Перед ними на столиках стояли рюмки с абсентом. Без сомнения, они думали, что вампиры и оборотни – это такие же смертные, только в занятных маскарадных костюмах.

Представление еще не началось, в зале стоял гул голосов. Когда Мэтью и Корделия вошли, на несколько мгновений наступила тишина и посетители начали оборачиваться. Корделия задумалась о том, часто ли в этом заведении бывают Сумеречные охотники и являются ли они здесь желанными гостями.

---

⁹ «Ад», песнь первая (пер. М. Лозинского).

¹⁰ «Ад», песнь пятая (пер. М. Лозинского).

А затем из угла раздался хор высоких тонких голосов, завопивших: «Месье Фэйрчайлд!» В странном, неверном свете ламп Корделия разглядела за столом группу каких-то... брауни¹¹? Или это были феи? Во всяком случае, у них имелись разноцветные крылышки, ростом они были не больше фута, и всего их было около двадцати. Очевидно, эти существа знали Мэтью, и, что было еще удивительнее, все они обрадовались, увидев его. В центре стола, предназначенного для посетителей ростом с человека, стояла большая чаша для пунша, наполовину заполненная каким-то мерцающим напитком, и некоторые из этих маленьких существ плавали в ней, как в бассейне.

– Старые друзья? – улыбнулась девушка, которую эта картина позабавила.

– Однажды мы с Анной помогли им выбраться из затруднительной ситуации, – ответил Мэтью и весело помахал крылатым. – Это увлекательная история; была и дуэль, и гонка карет, и симпатичный принц из страны фэйри. По крайней мере, он сказал, что он принц, – добавил Мэтью. – У меня такое чувство, что их края населены сплошными принцами и принцессами – точно так же, как в книгах Люси, где действуют исключительно герцоги и герцогини инкогнито.

– Не вздумай утаить свою историю о прекрасном принце. – Корделия слегка толкнула его в бок. – Думаю, мне этот рассказ понравится.

Мэтью рассмеялся.

– Хорошо, будь по-твоему. Через минуту. Я должен поговорить с владельцем.

Он скрылся в толпе, но Корделия вскоре отыскала его: он разговаривал с каким-то фавном, украшенным гигантскими рогами; интересно, подумала она, как он проходит в дверь своего кабаре. Они довольно долгое время улыбались и кивали друг другу, после чего Мэтью вернулся, подал ей руку и повел к столику, стоявшему почти у самой сцены. Когда они сели, девушка заметила, что столики были освещены не свечами, как ей показалось сначала; свет исходил от фэйри, совсем крошечных, намного меньше тех, что приветствовали Мэтью.

Может быть, это блуждающие огоньки? В стеклянной чаше, скрестив ноги, сидело существо, одетое в коричневый костюм. Когда Сумеречные охотники уселись, оно окинуло их неодобрительным взглядом.

Мэтью постучал ногтем по стеклу.

– Не очень-то увлекательная работенка, верно? – с сочувствием произнес он.

Фэйри за стеклом пожал плечами и продемонстрировал миниатюрную книжечку. На носу у него поблескивали очки.

– Все мы должны чем-то зарабатывать на жизнь, – сказал он с сильным немецким акцентом и углубился в чтение.

Мэтью заказал две чашки кофе и проигнорировал неодобрительный взгляд официанта. Корделия подозревала, что основную выручку кабаре делают на продаже спиртного, но ей было безразлично, что о них подумают; она испытывала гордость за Мэтью, который успешно преодолевал искушение.

Тот откинулся на спинку стула.

– Итак, – начал он. – В прошлом году мы с Анной сидели в *Abbaye de Thélème*¹², это такой кафешантан, так сказать, на монастырскую тему, где девицы, танцующие канкан, одеты монахинями. Предполагаю, что это сильно шокирует простых – представь, что я открыл кабаре, в котором Железные Сестры и Безмолвные Братья выступают на сцене в чем мать родила.

Корделия рассмеялась и заметила сердитые взгляды фэйри, которые оккупировали столик с чашей. Мэтью продолжил свою занимательную историю, сопровождая рассказ жестами;

---

¹¹ Брауни – домашние духи в мифологии Шотландии и северной Англии. – *Прим. ред.*

¹² «Телемское аббатство» – утопическая обитель, жизнь которой описана в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1534).

по его словам, некий принц фэйри, которого преследовали наемные убийцы-демоны, спрятался под их с Анной столиком.

– Мы быстро вооружились, – рассказывал он. – При входе нам пришлось сдать клинки и прочее – таковы правила заведения, – так что пришлось импровизировать. Анна прикончила демона хлебным ножом. Я проломил второму череп вяленным окороком. Потом она, словно дискбол, швырнула во врага круг сыра. Еще один злодей выбыл из строя после того, как ему выплеснули в морду чашку дымящегося эспрессо.

Корделия скрестила руки на груди.

– Позволь, я угадаю, что было дальше. Принц фэйри привел Нижний Мир Франции в ярость, заказав хорошо прожаренный бифштекс.

Мэтью сделал вид, что не слышит.

– Одного из демонов покусали маленькие визгливые собачки, которых владелец каким-то необъяснимым образом сумел протащить в кабаре...

– Ты все выдумал.

Мэтью расхохотался.

– Как и во всех самых интересных историях, *кое-что* из этого – правда.

– *Das ist Blödsinn*¹³, – буркнул ламповый фэйри. – Мне кажется, все это чушь от начала до конца.

Мэтью взял светильник и переставил его на соседний столик. Когда он вернулся, официант уже принес им кофе в маленьких оловянных чашечках. Мэтью наклонился к Корделии и негромко произнес:

– У тебя с собой нет стила? Или какого-нибудь оружия?

Корделия напряглась.

– Что происходит?

– Ничего, – пробормотал Мэтью, вертя чашечку. – Я вдруг подумал, что рассказал тебе историю об импровизированном оружии, в то время как ты...

– В то время как я могу взять в руки оружие – настоящее или импровизированное, – только если буду сражаться по *ее* приказу. – Корделия попыталась говорить беспечно, но тщетно; она не хотела произносить вслух имя Лилит, не хотела уступать ей, давать демонессе повод торжествовать при виде ее бессильного гнева. – Но я действительно скучаю по Кортане. Наверное, ты считаешь, что это странно и глупо – скучать по мечу?

– Нет, если у меча в некотором роде есть душа, индивидуальность – которая, разумеется, есть у Кортаны.

Корделия улыбнулась ему в знак благодарности за то, что он ее понимает. Однако Мэтью вряд ли обрадуется, узнав, что она отдала меч на хранение Алистеру. Ее брат и Мэтью по-прежнему недолюбливали друг друга. Поэтому лучше было промолчать; кроме того, она понятия не имела, где Алистер спрятал Кортану. Но девушка была избавлена от необходимости продолжать разговор: светильники в зале начали гаснуть, и яркие огни осветили пустую сцену.

Разговоры внезапно прекратились, в зале стало тихо, и Корделии эта тишина почему-то показалась зловещей. Раздался стук каблуков, и через несколько секунд на подмостки вышла женщина. Чародейка, догадалась Корделия: ее окружала эта невидимая аура, которую трудно было описать словами, аура контролируемого могущества. Черные с проседью волосы были собраны на затылке в пучок, но лицо было молодым. Женщина была облачена в широкие одежды из темно-синего бархата, расшитые символами планет и звезд.

Глаза чародейки были завязаны синим шелковым шарфом, но это, судя по всему, не мешало ей ориентироваться. Остановившись посередине сцены, она вытянула руки, раскрыла

---

¹³ Вздор (нем.).

ладони, и Корделия ахнула. В центре каждой красовался ярко-зеленый человеческий глаз с длинными ресницами. Глаза обвели аудиторию пронизывающим взглядом.

– Оригинальный у этой чародейки знак, ты не находишь? – прошептал Мэтью.

– Она будет предсказывать судьбу? – поинтересовалась Корделия.

– Мадам Доротея – медиум, – объяснил Мэтью. – Она утверждает, что может говорить с умершими – конечно, так все спириты говорят, но она все-таки чародейка. Возможно, в ее словах что-то есть.

– *Bon soir, mes amis*¹⁴, – заговорила колдунья. У этой хрупкой женщины оказался глубокий, сильный голос, напоминавший раскаты грома. Ее наверняка хорошо слышали даже в задних рядах. – Меня зовут мадам Доротея, но для вас я Харон, сын Ночи, который перевозит души через реку, отделяющую мир живых от страны мертвых. Подобно Харону, я одинаково уютно себя чувствую как в этом мире, так и в мире ином. Могущество, которое мне дает... – и она снова выставила вперед ладони, – вторая пара глаз, позволяет мне заглядывать в промежуточные миры и туда, куда нет пути смертным.

Она шагнула к краю сцены. Глаза на ладонях поморгали, начали вращаться, осматривая аудиторию.

– Здесь есть кто-то, – произнесла мадам Доротея. – Кто-то, недавно потерявший брата. Любимого родственника, который кричит, в надежде быть услышанным... своим братом, Жан-Пьером. – Она повысила голос. – Жан-Пьер, вы здесь?

Последовала напряженная пауза, и, наконец, какой-то оборотень средних лет поднялся из-за столика в дальней части зала.

– Да, меня зовут Жан-Пьер Арлан. – Он почти шептал, но в полной тишине все слышали его слова.

– И вы лишились брата? – воскликнула мадам Доротея.

– Он скончался два года назад.

– У меня есть для вас сообщение от него, – сказала мадам Доротея. – От Клода. Ведь его так звали, верно?

Все молчали. Корделия обнаружила, что ее ладони взмокли от напряжения. Неужели Доротея действительно может общаться с мертвыми? Люси ведь это проделывала – значит, это возможно; Корделия сама видела, как ее подруга говорит с призраками, и не могла понять, почему ее это так взволновало.

– Да, – осторожно произнес Арлан. Ему *хочется* верить чародейке, подумала Корделия, но он боится. – Что... что он говорит?

Мадам Доротея сжала руки в кулаки. Когда она снова растопырила пальцы, зеленые глаза быстро заморгали. Она заговорила низким, грубым голосом:

– Жан-Пьер. Ты должен их вернуть.

Оборотень был ошарашен.

– Что вернуть?

– Цыплят! – сказала мадам Доротея. – Ты должен их вернуть!

– Я... я верну их, – пробормотал Жан-Пьер, все еще не придя в себя. – Обязательно, Клод...

– Ты должен их *всех* вернуть! – выкрикнула мадам Доротея. Жан-Пьер в панике огляделся и бросился к выходу.

– Может, он их съел, – прошептал Мэтью. Корделия хотела улыбнуться, но странная тревога не покидала ее. Она взглянула на Доротею, которая снова выставила вперед ладони. Глаза сердито уставились на зрителей.

– Я думал, мы будем задавать вопросы! – крикнул кто-то из угла.

---

¹⁴ Добрый вечер, друзья мои (*фр.*).

– Сначала я передаю сообщения! – прогрохотала мадам Доротея своим настоящим голосом. – Мертвые чувствуют лазейку. Они спешат сказать то, что считают необходимым. Мы обязаны позволить им высказаться. – Глаза у нее на ладонях закрылись, потом снова распахнулись. – Здесь есть кто-то, – произнесла она. – Женщина, потерявшая отца. – Взгляд зеленых глаз пошарил по залу и остановился на Корделии. – *Une chasseuse des ombres*.

Сумеречный охотник.

Корделия похолодела, услышав перешептывания гостей: большинство из них не заметили, что среди них сидят Сумеречные охотники. Она бросила быстрый взгляд на Мэтью – неужели он заранее знал об этом? Но ей показалось, что он изумлен не меньше ее. Он протянул к ней руку, коснулся ее кисти кончиками пальцев.

– Мы можем сейчас уйти...

– Нет, – прошептала Корделия. – Нет... я хочу остаться.

Подняв голову, она обнаружила, что мадам Доротея смотрит прямо на нее. Светильники, расположенные у сцены, освещали ее фигуру, и на стену падала огромная черная тень. Когда чародейка подняла руки, рукава ее платья взметнулись, словно темные крылья.

– Корделия, ваш отец здесь, – просто сказала мадам Доротея, и ее голос был сейчас совсем тихим, как будто она обращалась к одной Корделии и не хотела, чтобы ее слышали остальные. – Вы будете его слушать?

Девушка вцепилась в край стола и кивнула, зная, что к ней прикованы взгляды всех посетителей. Она понимала, что дает им возможность увидеть свои чувства, свое горе. Но не могла остановиться.

Мадам Доротея заговорила глубоким голосом, на этот раз не грубым и не хриплым. К тому же она говорила по-английски, совершенно без акцента.

– Лейли, – произнесла она, и Корделия замерла. Это был он. Это не мог быть никто другой; кому еще в этом городе могло быть известно имя, которым ее звали в семье? – Мне так жаль, Лейли.

– Отец, – прошептала она. Взглянув на Мэтью, она поняла, что он ошеломлен происходящим.

– Мне многое нужно тебе сказать, – продолжал Элиас. – Но прежде всего я должен тебя предупредить. Они не будут ждать. И самое опасное оружие лежит рядом.

Посетители заговорили вполголоса: те, кто знал английский язык, переводили друзьям слова духа.

– Я не понимаю, – с трудом выговорила Корделия. – Кто не будет ждать?

– Грядет время печали, – говорил Элиас. – Но не сожалений. Наступит тишина. Но не мир.

– Отец...

– Они пробуждаются, – прошептал Элиас. – Я не могу тебе больше ничего сказать, но я обязан предупредить тебя. Они пробуждаются. Это невозможно остановить.

– Но я не понимаю, – повторила Корделия. Зеленые глаза смотрели на нее с ладоней Доротеи; их взгляд был пустым, как у статуи, они не выражали ничего – ни сострадания, ни сочувствия. – Кто пробуждается?

– Не мы, – сказал Элиас. – Мы уже мертвы. Нам повезло.

И мадам Доротея без чувств рухнула на пол.

4. Небесный дух

*О, да! Пока я пил во сне,
И плоть моя пила.
Но я ее не замечал,
Так легок стал я вдруг,
Как будто умер я во сне,
И был небесный дух¹⁵.*

Сэмюэл Тейлор Кольридж, «Поэма о старом моряке»

Малкольм едва мог усидеть за столом десять минут, необходимых для того, чтобы поужинать. Еще раньше он нетерпеливо поморщился, когда через несколько часов после их разговора Люси напомнила ему, что им нужно поесть. Она подозревала, что чародею уже много лет не приходилось принимать гостей. Возможно, он редко давал себе труд накрывать на стол и есть полноценный обед или ужин. Может быть, Малкольм просто создавал себе какую-нибудь пищу в тот момент, когда ощущал голод, вне зависимости от места, где находился.

Чародей недовольно ворчал, но, в конце концов, на столе появились тарелки с едой. Он объяснил, что это простые, традиционные блюда корнуоллских рыбаков: сардины, небольшие рыбки, поджаренные в очаге над огнем, краюхи хлеба с коркой, о которую можно было сломать зубы, круглый мягкий сыр, кувшин сидра. Люси набросилась на еду, как будто не ела неделю – и вдруг поняла, что так оно и было на самом деле.

Джесс настороженно рассматривал сардин, а сардины, в свою очередь, рассматривали его белыми безжизненными глазами, но через какое-то время он смирился с положением вещей и съел несколько штук. Люси с интересом наблюдала за тем, как ест Джесс, и почти забыла о том, что голодна. Конечно, он должен был чем-то питаться, пока она спала, но этот процесс до сих пор явно не утратил для него новизны. Каждый раз, откусив кусочек хлеба или сыра, он закрывал глаза; он даже облизал с пальцев расплескавшийся сидр с таким выражением лица, при виде которого у Люси все сжалось внутри.

В середине ужина ей вдруг пришло в голову спросить у Малкольма, откуда конкретно взялась еда. Они с Джессом недовольно переглянулись, услышав о том, что чародей украл сардины, сыр и хлеб у семьи рыбаков, собиравшихся садиться за стол.

– Они подумают, что это проделки пикси, – добавил тот, очевидно, имея в виду каких-то озорных местных фэйри.

Люси испытывала угрызения совести по поводу кражи, но потом решила, что объедки возвращать неудобно, и постаралась не думать об этом.

Когда тарелки опустели, Малкольм вскочил из-за стола и направился к дверям. Он обернулся лишь затем, чтобы сказать, что они могут вскипятить чайник, если нужно, а потом буквально выбежал из дома и захлопнул за собой дверь.

– Интересно, куда это он все время ходит? – произнес Джесс и откусил небольшой кусочек пирога с патокой. – Знаешь, его почти никогда не бывало дома, пока ты лежала без сознания.

– Не знаю, куда именно он уходит, – ответила Люси. – Но знаю, что он пытается разузнать больше о том, что произошло с Аннабель Блэкторн.

---

¹⁵ Пер. Н. С. Гумилева.

– Ах, эта его единственная любовь, та, которая умерла? – сказал Джесс и улыбнулся, видя удивление девушки. – Малкольм рассказал мне о ней немного. Они любили друг друга в юности, но ее семье это не нравилось, а потом она трагически погибла, и он даже не знает, где ее похоронили.

Люси кивнула.

– Малкольм всегда считал, что она стала Железной Сестрой, но оказалось, что это была ложь. Ее родственники просто не хотели, чтобы он продолжал искать ее.

– Об этом он мне не рассказывал. Но сказал, что мне не следует беспокоиться, потому что те Блэкторны, которые дурно обошлись с ним, приходились мне очень дальними родственниками.

– О! Вот как. И что же ты ответил?

Он лукаво взглянул на нее.

– Ответил, что даже если я и ответственен за безобразное поведение дальних родственников, то у меня есть куда более серьезные проблемы дома.

Напоминание о Татьяне заставило Люси вздрогнуть. Джесс немедленно встревожился.

– Может быть, перейдем в гостиную? Там огонь в камине горит.

Люси показалось, что это неплохая мысль. Перед ужином она прихватила из своей комнаты тетрадь и ручку – подумала, что можно попытаться написать что-нибудь вечером.

В гостиной Джесс нашел шаль для Люси, потом опустился на колени у камина, чтобы разворошить кочергой тлеющие угли. Девушка вдруг обнаружила, что ей совсем не хочется писать, и вместо этого она, свернувшись на кушетке, наблюдала за Джессом. Люси размышляла о том, перестанет ли *реальность существования* этого нового Джесса когда-нибудь казаться ей чудом. Его лицо раскраснелось от жара; он закатал рукава до локтей, и когда он двигался, мышцы ходили у него под кожей.

Он поднялся и обернулся к ней. Люси беззвучно ахнула. Его лицо было прекрасно – она давно знала это, разумеется, знала, это было то же самое лицо, что и в момент их первой встречи – но раньше оно было словно размытым, выцветшим, далеким. Теперь же в его глазах пылал огонь, и Джесс как будто светился изнутри. Его волосы, кожа были настоящими, материальными, их можно было потрогать. Под глазами Люси заметила голубые круги – неужели он плохо спит? Должно быть, сон для него – тоже нечто странное; ведь прошло уже столько времени с тех пор, как он в последний раз спал.

– Джесс, – негромко заговорила она. – Что-то не так?

Уголок его рта слегка приподнялся.

– Ты так хорошо знаешь меня.

– Не настолько хорошо, – возразила она. – Я вижу, тебя что-то беспокоит, но не могу понять, что именно.

Он помолчал мгновение, потом произнес таким тоном, словно бросался очертя голову навстречу неизвестности:

– Дело в моих Метках.

– В твоих... Метках?

Он показал ей руки. Люси уже достаточно согрелась, она отбросила шаль и подошла ближе. До этого момента она не обращала особенного внимания на его Метки, поскольку их носили почти все, кого она знала. На тыльной стороне правой кисти Джесса она заметила бледный шрам от неудавшейся руны Ясновидения, а на внутренней стороне левой руки, ниже локтя – руна Ангельской силы. Она знала, что у него имеется еще четыре руны: руна Силы на груди, руны Быстроты и Точности на левом плече и еще новая руна Ясновидения на тыльной стороне левой кисти.

– Это не мои, – объяснил он, глядя на руны Ясновидения и энкели. – Они принадлежат умершим – тем, кого Велиал убил моими руками. С самого детства мне хотелось иметь руны, и вот теперь я получил их – я ношу на теле напоминание об этих смертях.

– Джесс. Это не твоя вина. Хватит себя упрекать. – Она взяла обеими руками его голову и заставила взглянуть ей в глаза. – Выслушай меня. Я могу только предполагать, как ужасно все это было для тебя. Но ты не мог контролировать свое тело, не мог помешать Велиалу. И... и я уверена, когда мы вернемся в Лондон, эти Метки можно будет снять, тебе нанесут новые, те, которые будут принадлежать тебе, которые ты сам выберешь. – Их лица разделяло несколько дюймов. – Я знаю, каково это – получить от Велиала то, о чем ты не просил, то, что тебе вовсе не нужно.

– Люси... это совсем другое...

– Вовсе нет, – прошептала она. – Ты и я, мы в этом похожи. И я надеюсь только на то, что смогу до конца жизни быть такой же смелой, каким был ты все это время, держаться так же мужественно, как ты...

Он поцеловал ее. Люси негромко ахнула, прежде чем их губы соприкоснулись, ее руки скользнули вниз, обхватили его за плечи. Они целовались прежде, на Сумеречном базаре. Но между этими двумя поцелуями была огромная разница – как будто кто-то до сих пор словами описывал ей какой-нибудь цвет, и вот, наконец, она увидела его собственными глазами.

Джесс гладил ее волосы, запуская пальцы в густые локоны; Люси *чувствовала*, что происходит с его телом, когда он обнимал ее, как напрягаются мышцы, ощущала жар, исходивший от него. Она позволила ему целовать себя страстно, так, как он желал, впадая в какое-то безумие, исступление, не веря в то, что способна вести себя подобным образом. Люси ощущала вкус его губ, вкус сидра и меда, его руки спускались ниже, гладили ее спину, остановились на талии. Девушка слышала бешеный стук собственного сердца, когда он снова прижал ее к себе, слышала низкий стон, вырвавшийся у него из груди. Дрожа, он шептал ей, что она живая, прекрасная, совершенная, повторял ее имя: «*Люси, Люси*».

У девушки закружилась голова, и ей показалось, что она падает. Проваливается во тьму, как в тех зловещих снах, которые она видела совсем недавно в маленькой спальне. Почти такое же ощущение Люси испытала, когда вернула его из страны мертвых – как будто она теряла себя, собственную душу, теряла все, что связывало ее с реальным миром.

– О... – Она слегка отшатнулась, заморгала, не понимая, где находится. Встретила взгляд его зеленых глаз, потемневших от желания. – *Проклятье*, – выговорила она.

Его щеки горели, волосы были взлохмачены.

– С тобой все в порядке?

– У меня просто голова закружилась – наверное, я еще слаба и не пришла в себя после болезни, – грустно произнесла она. – Очень обидно, потому что это было прекрасно – целоваться с тобой.

Джесс резко втянул воздух сквозь зубы. У него был растерянный вид, как будто его только что разбудили.

– Не говори таких вещей, не то мне захочется поцеловать тебя снова. Но, наверное, мне не следует этого делать, если ты... еще слаба.

– Может быть, ты просто поцелуешь меня в шею? – предложила она, глядя на него из-под полуопущенных ресниц.

– *Люси*. – Он судорожно вздохнул, коснулся губами ее щеки и отступил. – Должен тебе сказать, – пробормотал он, – что после этого мне трудно будет остановиться. А это значит, что мне лучше взять кочергу и заняться камином, как подобает благовоспитанному джентльмену.

– А если я попытаюсь снова тебя поцеловать, ты стукнешь меня кочергой? – улыбнулась она.

– Отнюдь. Я опять же поступлю как джентльмен и стукну кочергой *себя*, а когда вернется Малкольм, ты можешь объяснить эту кровавую сцену, как тебе будет угодно.

– Не думаю, что Малкольм задержится здесь надолго, – вздохнула Люси, глядя, как искры пляшут за решеткой, подобно алым и золотым пылинкам. – Рано или поздно ему придется вернуться в Лондон. Не забывай, он же *Верховный Маг*.

– Люси, – мягко произнес Джесс и взглянул на огонь. Оранжевые язычки отражались в его зеленых глазах. – Каковы *наши* планы на будущее? Нам тоже придется возвращаться в реальный мир.

Люси подумала.

– Если Малкольм нас выгонит отсюда, можно будет выйти на большую дорогу и стать грабителями. Разумеется, мы будем грабить только злых людей и отнимать несправедно нажитое добро.

Джесс невесело улыбнулся.

– К несчастью, ходят слухи, что для грабителей с большой дороги настали тяжелые времена из-за растущей популярности автомобилей.

– Значит, поступим в цирк, – предложила Люси.

– Мне жаль, но я боюсь клоунов и полосатых занавесей.

– Тогда сядем на какой-нибудь пароход, идущий в Европу, – сказала Люси, которую внезапно вдохновила эта мысль, – и станем бродячими музыкантами на континенте.

– У меня нет слуха, – возразил Джесс. – Люси...

– А что *ты* думаешь? Как нам следует поступить?

Он сделал глубокий вдох.

– Я думаю, что тебе следует вернуться в Лондон без меня.

Люси сделала шаг назад.

– Нет. Ни за что. Я...

– У тебя есть семья, Люси. Твои родные любят тебя. Они никогда не примут меня – было бы безумием надеяться на это. Но даже если они уступят тебе... – Он раздраженно тряхнул головой. – Даже если они согласятся, *как* они объяснят Анклаву мое появление? У них будут неприятности. Я не хочу отнимать их у тебя. Ты должна вернуться к ним. Скажи им то, что считаешь нужным, сочини какую-нибудь историю, все что угодно. Я буду держаться от тебя подальше, чтобы тебя не судили, не заключили в тюрьму за то, что ты сделала.

– За то, что я сделала? – шепотом повторила она.

Разумеется, Люси думала о том, в какой ужас придут ее друзья и родные, когда узнают о ее могуществе. Когда узнают о том, что она не только видит призраков, но и способна их контролировать. О том, что она приказала Джессу вернуться обратно, вернуться из теней, из того «промежуточного места», где он томился по воле Татьяны. О том, что буквально *перетасщила* его через порог, отделяющий жизнь от смерти, вырвала его из мрака, привела в мир живых, полный света и красок. Потому что хотела этого слишком сильно.

Она боялась того, что подумают в лондонском Анклаве; но ей не приходило в голову, что Джесс тоже этого боится.

Люси натянуто произнесла:

– Я вернула тебя сюда. Я несу за тебя ответственность. Ты не можешь просто остаться здесь и... стать рыбаком в корнуоллской деревне, отказаться от встречи с Грейс! Не только у меня есть семья.

– Я думал об этом, и, конечно, я намерен увидеться с Грейс. Сначала я напишу ей, как только смогу сделать это, не выдав себя. Я поговорил с Малкольмом. Он считает, что для меня лучше всего будет переместиться с помощью Портала в какой-нибудь далекий Институт, поступить на службу в качестве простого Сумеречного охотника там, где никто не знает меня в лицо, где не слышали о моей семье.

Люси хотела что-то сказать, но слова замерли у нее на языке. Она не догадывалась о том, что Малкольм и Джесс говорили о его дальнейших планах и о ней, пока она спала. Девушке это не очень понравилось.

– Джесс, это просто смешно. Я не хочу, чтобы ты вел такую жизнь... жизнь изгнанника.

– Но это все-таки жизнь, – произнес он. – Которой я обязан тебе.

Она покачала головой.

– Я вернула тебя из мира мертвых не для того, чтобы...

«Чтобы ты ушел от меня», – едва не сказала она, но оборвала себя на полуслове. Со стороны парадной двери донесся какой-то шум. Они с Джессом в страхе переглянулись.

– Кто бы это мог быть? – прошептала она.

– Не волнуйся, нам ничто не угрожает. Наверное, кто-то из деревни ищет Малкольма. Я открою.

Но прежде, чем выйти из гостиной, он прихватил с собой кочергу. Люси поспешила за ним, размышляя о том, по какой причине Блэкторнам так нравилось использовать каминные принадлежности в качестве оружия.

Она успела подойти к двери раньше него и загородила его собой – инстинкт всегда приказывал защищать Джесса, даже если он не нуждался в защите. Девушка знаком велела ему отойти и распахнула дверь. Со смесью ужаса и облегчения Люси смотрела на троих мужчин, стоявших у порога, одетых в зимние пальто и раскрасневшихся от холода и долгого подъема на холм.

Ее брат. Ее отец. И Магнус Бейн.

Корделии снилось, что она стоит на бескрайней шахматной доске, протянувшейся во все стороны до самого горизонта под таким же бескрайним ночным небом. Звезды поблескивали на черном фоне, как россыпь бриллиантов. Вдруг она увидела отца, который, пошатываясь, брел ей навстречу. Его изорванное пальто было покрыто кровавыми пятнами. Он упал на колени, и она бросилась к нему, но, как бы быстро она ни бежала, расстояние между ними не сокращалось. Их по-прежнему разделяли черные и белые клетки, по которым расплывалась багровая лужа.

– *Bâbâ! Bâbâ!* – закричала она. – Папа, не умирай, *прошу тебя!*

Видение растаяло, и Корделия очутилась в гостиной дома на Керзон-стрит. Огонь, пылавший в камине, освещал шахматную доску, за которой они с Джеймсом так часто сидели по вечерам. Сам Джеймс стоял у камина, положив руку на мраморную полку. Он обернулся и взглянул на нее глазами цвета расплавленного золота. Его волосы блестели в свете канделябров. Он был так прекрасен, что у нее защемило сердце.

В золотых глазах она не заметила даже искры узнавания.

– Кто вы? – спросил он. – Где Грейс?

Корделия проснулась оттого, что ей нечем было дышать, спутанные простыни не давали ей пошевелиться. Она высвободилась, отшвырнула подушку. Ее едва не стошнило. Она тосковала по матери, по Алистеру, по Люси. Корделия спрятала лицо в ладонях, дрожа всем телом.

Дверь распахнулась, и на кровать упал прямоугольник света. В дверях, завязывая халат, стоял взъерошенный Мэтью.

– Я слышал крики, – встревоженно произнес он. – Что случилось?

Девушка испустила долгий вздох, отняла руки от лица и подняла голову.

– Ничего, – пробормотала она. – Просто сон. Мне снилось, что... что отец звал меня. Просил его спасти.

Он сел на постель рядом с ней, и матрац прогнулся под его весом. От него уютно пахло мылом и одеколоном. Мэтью взял ее за руку и держал, пока сердцебиение не унялось.

– Мы с тобой похожи, – произнес он. – Мы оба страдаем от незаживающих душевных ран. Я знаю, ты винишь себя в том, что произошло с Лилит, с Джеймсом, но ты неправа. Мы вместе излечимся и найдем покой. Здесь, в Париже, мы сумеем справиться с болью.

Он не выпускал ее руку до тех пор, пока она не уснула.

Джеймс сам не знал, какого поведения ждал от Люси при встрече, но тем не менее его потряс страх, промелькнувший в ее взгляде.

Она отпрянула, едва не наткнувшись на юношу, стоявшего позади – *Джесс Блэкторн, это был Джесс Блэкторн*, – и выставила перед собой руки, словно желая их прогнать. Прогнать Джеймса и своего отца.

– О, чтоб мне провалиться, – пробормотал Магнус.

Это выражение показалось Джеймсу слишком мягким. Он очень устал. Несколько бессонных ночей, полных кошмаров, путешествие в неудобном экипаже, исповедь Магнусу и отцу, долгий путь на пронизывающем ветру по скользкой каменной тропе к вершине утеса, на котором стоял дом Малкольма Фейда, совершенно лишили его сил. И все же при виде Люси – встревоженной, испуганной – инстинкт, который приказывал ему защищать и оберегать младшую сестру, взял верх.

– Люс, – произнес он, переступая через порог. – Все хорошо...

Люси бросила на него благодарный взгляд, потом вздрогнула – это Уилл, вытащив из ножен клинок, бросился к Джессу Блэкторну и схватил его за ворот рубахи. Голубые глаза свирепо сверкнули. Сжимая в руке кинжал, Уилл с силой толкнул Джесса к стене.

– Злой дух, – прорычал он. – Что ты сделал с моей дочерью, как ты заставил ее вернуть тебя в мир? Где Малкольм Фейд?

– Папа... постой, *не надо*... – Люси хотела подойти к отцу, но Джеймс поймал ее руку. Он редко видел отца в гневе, но тот обладал взрывным темпераментом, причем опасность, угрожавшая семье, приводила отца в ярость мгновенно.

– *Tad*, – настойчиво произнес Джеймс. Он называл Уилла валлийским словом, означавшим «отец», только когда хотел привлечь его внимание. – Подожди.

– Да, прошу тебя, подожди, – вмешалась Люси. – Прости, что я уехала, никому не сказав, но ты не понимаешь...

– Я понимаю, что *это* было трупом, в который вселился Велиал, – рявкнул Уилл, держа клинок у горла Джесса.

Тот не пошевелился; он не двигался с того момента, как Уилл схватил его, не произнес ни слова. Он был очень бледен (*еще бы* ему не быть бледным, подумал Джеймс), но его зеленые глаза горели. Руки безвольно висели вдоль тела, словно он всем своим видом давал понять, что не представляет угрозы.

– Я понимаю, что у моей дочери доброе сердце, и она думает, что может спасти всех бездомных котят и птенцов, выпавших из гнезда. И еще я понимаю, что мертвые не могут воскреснуть, а если такое происходит, живым приходится платить за это высокую цену.

Джеймс, Люси и Магнус заговорили одновременно. Уилл что-то сердито рявкнул, но Джеймс не разобрал его слов. У Магнуса был вид человека, доведенного до белого каления. Он щелкнул пальцами, на пол посыпались синие искры, и в доме неожиданно стало очень тихо. И не только в доме – даже ветер, завывавший над утесами, подчинился чарам Магнуса и умолк.

– Довольно, – отрезал маг. Он стоял в дверном проеме; шляпа слегка съехала ему на лоб, и вся его фигура представляла собой воплощение безмятежного спокойствия. – Если мы собираемся обсуждать некромантию, или *возможность* некромантии, напомню, что это *моя* специальность, но никоим образом не ваша. – Он пристально смотрел на Джесса, и взгляд его зелено-золотых глаз выражал глубокую задумчивость. – Он может говорить?

Джесс приподнял брови.

– Ах да, и верно, – вздохнул Магнус и снова шелкнул пальцами. – Заклинание Молчания больше не действует. Говорите.

– Я говорю, – бесстрастно произнес Джесс, – когда мне есть что сказать.

– Интересно, – буркнул Магнус. – А кровь у него идет?

– О, нет, – воскликнула Люси. – Не нужно поощрять моего отца. Папа, не вздумай...

– Люси, – перебил ее Джесс. – Все хорошо.

Он поднял руку – ту, на которой чернела украденная руна Ясновидения. Повернул ее ладонью вверх и прижал к острию кинжала Уилла.

Ярко-красная кровь выступила вокруг лезвия, потекла по запястью и впиталась в манжету белой рубашки.

Магнус прищурился.

– А это еще интереснее. Ну хорошо, мне надоело мерзнуть в дверях. У Малкольма должно быть нечто вроде гостиной; он любит житейский комфорт. Люси, отведите нас туда.

Когда они собрались в небольшой зале – к удивлению Джеймса, комната оказалась уютной и обставленной со вкусом, – Уилл и Джеймс расположились на диване. Люси осталась стоять и наблюдала за тем, как Магнус, усадив Джесса перед камином, проводил нечто вроде полного магического обследования.

– Что вы ищете? – спросил Джесс. Джеймсу показалось, что он нервничает.

Магнус на миг встретился с ним взглядом, и на кончиках его пальцев заплескались синие искорки. Некоторые запутались в волосах Джесса, черных и блестящих, как надкрылья жука-скабаея.

– Смерть, – ответил чародей.

Джесс был мрачен, но безропотно терпел. Джеймс подумал, что бедняга, конечно, должен был научиться терпению за свою полную несчастий жизнь – и кстати, можно ли это назвать жизнью? Когда-то он жил, верно; но во что он превратился после смерти? В какой-то дух, «жизнь по смерти», чудовище из поэмы Кольриджа?¹⁶

– Он не мертв, – возмутилась Люси. – И никогда не был мертв. Дайте мне объяснить.

Голос у нее был усталый – Джеймс вспомнил, что тоже чувствовал невероятную усталость, когда делился со взрослыми своими секретами в придорожной гостинице. Скольких неприятностей и хлопот можно было бы избежать, если бы они все с самого начала доверились друг другу, подумал он.

– Люс, – мягко произнес Джеймс. Она выглядит изможденной, думал он, девочка повзрослела с того дня, когда он видел ее в последний раз – и в то же время казалась совсем юной. – Расскажи нам.

О многом из того, что рассказала Люси, Джеймс догадывался, по крайней мере, в общих чертах. Сначала она изложила историю Джесса, описала то, что сотворили с ним Велиал и его собственная мать. Джеймсу было кое-что известно: например, он знал, что Велиал воспользовался услугами продажного мага Эммануила Гаста, и тот поместил в тело новорожденного Джесса частицу демонической сущности. Когда настало время наносить первые Метки, эта сущность «убила» Джесса, и Татьяна превратила умирающего сына в живого мертвеца: по ночам он был призраком, а днем лежал в гробу. Знал, что она сохранила его последний вздох в золотом медальоне, который теперь носила на шее Люси, в надежде когда-нибудь с помощью этого медальона вернуть Джесса к жизни.

Рассказала она и о том, как Джесс пожертвовал своим шансом на возвращение ради того, чтобы спасти его, Джеймса.

---

¹⁶ Nightmare Life-in-Death (в разных переводах «Жизнь по Смерти» или «Жизнь-и-в-Смерти») – в «Поэме о старом моряке» женщина-призрак, которая разыгрывает в кости со Смертью души матросов.

– Спасти? – Уилл наклонился вперед. Он хмурился, но это был признак глубокой задумчивости, а не гнева. – Но как?..

– Это правда, – подтвердил Джеймс. – Я его видел.

Над ним склонился юноша с темными волосами и глазами цвета листьев боярышника; силуэт юноши постепенно расплывался, подобно облаку, которое разгоняет ветер.

– Ты сказал: «Кто ты?», – напомнил Джесс.

Магнус закончил свой осмотр. Джесс стоял, опираясь на каминную полку; у него был такой вид, словно история Люси, произнесенная вслух, – которая, конечно, была и его историей, – тоже высасывала из него энергию.

– Но... я не мог тебе ответить.

– Я помню, – сказал Джеймс. – Спасибо тебе. За то, что ты спас мне жизнь. Прежде у меня не было возможности поблагодарить тебя.

Магнус кашлянул.

– Пока достаточно сентиментальных речей, – объявил он, явно желая предупредить Уилла, который, похоже, собирался вскочить с дивана и заключить Джесса в объятия, как родного сына. – Мы более или менее хорошо представляем, что произошло с Джессом. Но вот чего мы не понимаем, дорогая Люси, так это того, как вы вернули его из состояния, в котором он находился. Однако, боюсь, мы обязаны спросить.

– Сейчас? – сказал Джеймс. – Уже поздно, она, должно быть, устала...

– Ничего страшного, Джейми, – перебила Люси. – Я хочу рассказать об этом.

И они узнали о том, как она обнаружила свою власть над мертвыми. Это была не просто способность видеть призраков, когда они желали оставаться невидимыми – таким даром были наделены и Джеймс с отцом. Люси могла повелевать духами. История сестры напомнила Джеймсу знакомство с его собственными скрытыми силами и те смешанные ощущения, которые принесло ему это открытие. Смесь стыда и чувства всемогущества.

Ему хотелось встать, обнять сестру. Особенно в те минуты, когда она говорила о ночи на берегу Темзы, о том, как она вызвала целую армию утопленников и приказала им вытащить Корделию из воды. Ему хотелось сказать, как многое для него значит спасение Корделии; хотелось рассказать о смертельном страхе, который охватывал его при мысли, что он может потерять жену. Но он молчал. Люси до сих пор считала, что он влюблен в Грейс, и Джеймс понимал, что после таких речей она сочтет его ужасным лицемером.

– Должен сказать, меня задело то обстоятельство, – заметил Магнус, – что за советом относительно Джесса вы отправились не ко мне, а к Малкольму Фейду. Обычно именно я являюсь тем магом, которого Сумеречные охотники отрывают от дел в первую очередь, и я считаю это доброй традицией.

– Вы находились в Спиральном Лабиринте, – напомнила ему Люси. – И... у нас были кое-какие причины для того, чтобы обратиться к Малкольму, но сейчас это не имеет значения.

Джеймс, который за последнее время поднатерел в искусстве рассказывать о себе только то, без чего нельзя обойтись в данный момент, заподозрил, что эти причины все же имеют значение, и немалое. Но оставил свои мысли при себе.

– Малкольм объяснил нам... то есть *мне*, что Джесс, если можно так выразиться, застрял на пороге между жизнью и смертью. Поэтому ты и не мог видеть его, как видишь обычных призраков. – Это она произнесла, глядя на Уилла. – Понимаете, он ведь не был мертв в полном смысле слова. То, что я совершила, возвращая его к живым, не было некромантией. Я просто... – Она помолчала, сплела перед собой пальцы. – Я приказала ему жить. У меня ничего не вышло бы, если бы он действительно был мертв, но, поскольку я только объединила живую душу и живое тело, разделенные черной магией... у меня все получилось.

Уилл убрал со лба прядь черных волос, в которых серебрилась седина.

– Что вы думаете, Магнус?

Магнус взглянул на Джесса, который по-прежнему стоял с напряженным видом, облокотившись о каминную полку, и вздохнул.

– Я обнаружил на Джессе несколько пятен энергии смерти. – Прежде чем кто-либо успел его перебить, он поднял палец. – Но они расположены *только* возле рун, которые Велиал поместил на его тело.

Выходит, Джеймс рассказал Уиллу и Магнусу всю правду о том, что Велиал сделал с Джессом, подумала Люси. У самого Джесса был такой вид, будто его мутило.

Магнус добавил:

– Во всех прочих отношениях, насколько я могу судить, перед нами здоровое, живое человеческое существо. Я видел, что получается, когда возвращают к жизни мертвых. Это... не такой случай.

Джеймс вмешался:

– Я был рядом и видел, как Люси приказала Джессу изгнать из своего тела Велиала. И он сделал это. Нелегко сражаться с Принцем Ада за свою душу. Для того чтобы выиграть эту битву... – Он встретился взглядом с Джессом. – Для этого нужна смелость, но не только. Это доступно лишь добрым, хорошим людям. Люси верит ему; я считаю, что мы тоже должны ему поверить.

Ему показалось, что напряжение начало покидать юношу, как будто ослабили невидимые цепи, сковавшие его тело. Он тоже взглянул на Уилла – они все смотрели на Уилла, и во взгляде Люси читалась отчаянная надежда.

Уилл поднялся на ноги, пересек комнату и остановился перед Джессом. Юноша не дрогнул, но было видно, что он взволнован. Он стоял неподвижно, приготовившись к обороне, смотрел Уиллу прямо в лицо и ждал, пока тот сделает первый шаг.

– Ты спас жизнь Джеймсу, – заговорил Уилл. – Моя дочь доверяет тебе. Для меня этого достаточно. – Он протянул Джессу руку. – Прошу прощения за то, что усомнился в тебе, сын мой.

Когда Джесс услышал последние два слова, в его глазах что-то сверкнуло – как будто солнце выглянуло из-за туч. Джеймс вдруг вспомнил, что он никогда не видел отца. У него была лишь Татьяна; вторым, так сказать, взрослым в его жизни был Велиал.

Уиллу, видимо, пришла в голову та же мысль.

– Знаешь, ты действительно копия своего отца, – заметил он. – Вы и Руперт – одно лицо. Жаль, что ты не знал его. Уверен, он гордился бы тобой.

Джесс как будто бы стал выше на несколько дюймов. Люси лучезарно улыбалась. «Ах, вот оно что, – подумал Джеймс. – Это не просто детское увлечение. Она по-настоящему влюблена в Джесса Блэкторна. Как же я не догадался о том, что происходит?»

С другой стороны, он сам хранил от сестры тайну своей любви. Даже слишком надежно. Он вспомнил о Мэтью, который находился в Париже с Корделией. Мысль причинила физическую боль, и ему стало трудно дышать.

– Итак, – воскликнул Уилл и с решительным видом хлопнул Джесса по плечу. – Мы можем без конца повторять одно и то же и винить во всем Татьяну, и, поверьте мне, я считаю, что она виновата, но это не поможет нам решить стоящую перед нами проблему. Кажется, нам следует позаботиться о тебе, юный Джесс. Что же нам с тобой теперь делать?

Люси нахмурилась.

– А почему мы просто не можем вернуться домой и обратиться к Конклаву? Объяснить, что произошло? Они уже знают, что Татьяна водилась с демонами. Они не осудят Джесса за то, что с ним сделали.

Магнус закатил глаза.

– Нет. Совершенно неудачная идея. Категорическое «нет».

Люси сердито уставилась на него.

Чародей пожал плечами.

– Люси, у вас слишком доброе сердце. – Она показала ему язык, и он улыбнулся. – Но для нас сейчас весьма опасно оповещать всех членов Конклава о происшедшем. Безусловно, найдутся люди, которые поверят нашей истории, но половина Конклава, если не большая часть, назовет ее ложью.

– Магнус прав, – кивнул Уилл. – К сожалению. Здесь имеется один нюанс. Джесса *не* воскресили из мертвых, и прежде всего потому, что он не умирал. И все же Велиал вселялся в его тело. И, вселившись в тело Джесса, демон...

Свет в глазах Джесса погас.

– Я совершал ужасные вещи, – прошептал он. – Они скажут: «Ну что ж, если он был жив, значит, он несет ответственность за убийства; если он был мертв, значит, это некромантия». – Он бросил быстрый взгляд на Люси. – Я говорил тебе, что не могу вернуться в Лондон, – продолжал он. – Моя история слишком запутана, а люди не хотят слушать запутанные истории. Им нужны простые вещи: чтобы действующие лица были либо добрыми, либо злыми и чтобы хорошие герои никогда не совершали ошибок, а злые не раскаивались в содеянном.

– Тебе не в чем раскаиваться, – сказал Джеймс. – Если и есть человек, который знает, что такое постоянное присутствие Велиала рядом, так это я.

– Но ведь ты никогда не выполнял его приказы, разве не так? – горько усмехнулся Джесс. – Я думаю, что здесь ничего нельзя сделать – мне нужно уехать подальше отсюда, взять новое имя...

– Джесс, *нет*. – Люси шагнула к нему, но опомнилась и застыла на месте. – Ты заслуживаешь того, чтобы жить *своей жизнью*. Той, которую Татьяна пыталась у тебя отнять.

Джесс промолчал. Джеймс, которому слова Люси напомнили о том, что к юноше следует относиться как к самостоятельной личности, произнес:

– Джесс, чем ты *сам* хочешь заняться?

– Чем я хочу заняться? – печально повторил Джесс. – У меня есть четыре невыполнимых желания. Я хочу присоединиться к лондонскому Анклаву. Я хочу быть Сумеречным охотником, как мне предназначено от рождения. Я хочу, чтобы меня считали нормальным живым человеком. Я хочу общаться с сестрой, единственной родственницей, которая действительно любила меня все эти годы. Но я понимаю, что все это невозможно.

Пока Сумеречные охотники и маг размышляли над этими словами, в комнате воцарилась тишина; громкий скрип заставил всех чуть ли не подскочить на месте. Звук доносился со стороны двери. В следующее мгновение в комнату вошел Малкольм Фейд и несколько раз топнул по каменному полу, чтобы стряхнуть снег с сапог. Он был без шляпы, и белые хлопья таяли на белых прядях. Джеймсу показалось, что со дня их последней встречи маг похудел; у него был какой-то странный взгляд: горящий, пристальный, но устремленный не на присутствующих, а куда-то вдаль. Только через несколько секунд чародей осознал, что в его доме полно гостей. Разглядев, кто перед ним, он застыл как вкопанный.

– Я подумал, что неплохо бы заглянуть на огонек, Малкольм, – легкомысленно произнес Магнус.

У Малкольма было такое лицо, словно сейчас ему больше всего на свете хотелось оказаться, например, в Рио-де-Жанейро или каком-нибудь другом далеком городе. Вместо этого он вздохнул и воспользовался универсальным средством, к которому прибегает англичанин в любой трудной ситуации.

– Может быть, чаю? – предложил он.

Был поздний час, и Анна Лайтвуд чувствовала усталость. Увы, по всем признакам, до окончания вечера, который она устроила у себя в квартире, было еще далеко. Почти все ее друзья из числа Сумеречных охотников уехали из Лондона по разным вздорным причинам, и она

воспользовалась этой возможностью, чтобы пригласить к себе существ Нижнего Мира, с которыми ей хотелось познакомиться поближе. Клод Келлингтон, концертмейстер Адского Алькова, сочинил новое произведение и хотел представить его узкому кругу избранных прежде, чем исполнять перед аудиторией. По его словам, квартира Анны была для этого самым подходящим местом.

В новом произведении было много песен, но, к несчастью, вокал не являлся сильной стороной Клода. Более того, Анна сначала не поняла, что на самом деле это был целый цикл песен, точнее, адаптация эпической поэмы, также сочиненной Келлингтоном. Представление продолжалось уже три с лишним часа, и гости Анны, несмотря на благосклонное отношение к артисту, успели соскучиться и напиться. Сам же исполнитель, чьими обычными слушателями являлись скучающие нетрезвые посетители Адского Алькова, этого даже не заметил; также Анна отметила, что он, по-видимому, никогда не слышал слова «антракт».

А теперь какая-то парочка, вампир и оборотень, чьих имен Анна не помнила, предавались страсти на ее диване – по крайней мере, наметился позитивный сдвиг в отношениях между представителями Нижнего Мира, подумала она. В углу у горки с фарфором кто-то нюхал табак. Даже чучело змеи по имени Перси выглядело обессиленным. Время от времени Анна украдкой вытаскивала карманные часы, чтобы узнать, который час, но не могла придумать, как закончить представление, не обидев Клода. Каждый раз, когда он останавливался, чтобы перевести дыхание, она поднималась со стула, намереваясь заговорить, но он, не обращая на нее внимания, с удвоенной энергией продолжал петь и аккомпанировать себе на пианино.

Гиацинта, фэйри с бледно-голубой кожей, состоявшая в свите Гипатии Векс, тоже была здесь и весь вечер бросала в сторону Анны многозначительные взгляды. Когда-то они встречались, но у Анны не было ни малейшего желания повторять безумства прошлого. Да, при обычных обстоятельствах пение Келлингтона заставило бы ее уже через час броситься в объятия Гиацинты. Но сегодня она старательно избегала встречаться глазами с девушкой-фэйри. Вид ее напоминал Анне о последних словах Ариадны, сказанных перед расставанием. «Именно из-за меня ты стала такой, как сейчас. Недоступной, холодной и твердой, словно алмаз».

Последние несколько дней эти слова возникали у нее в памяти всякий раз, когда она думала о романтических приключениях. Все, что когда-то интересовало ее, – шуршание нижних юбок, падающих на пол, шелест распущенных волос, похожий на любовный шепот, – утратило для нее всякую привлекательность. Если, конечно, речь не шла о волосах Ариадны. О юбках Ариадны.

Я забуду, говорила она себе. Я заставлю себя забыть. Она пыталась развеяться. Одной из таких попыток был сегодняшний концерт Келлингтона. Она организовала занятие по рисованию с натуры, предоставив Перси в качестве объекта, она посетила несколько на удивление неинтересных вечеров с танцами в домах разных вампиров, она до утра играла с Гипатией в криббедж. Она никогда не думала, что будет так сильно скучать по Мэтью. Наверняка он смог бы ее отвлечь.

Неожиданно в дверь постучали; Анна вздрогнула и очнулась. Для гостей было довольно поздно. Может быть, кто-то из соседей пришел пожаловаться на шум? Это было бы прекрасно.

Она пробралась мимо приунывших меломанов и распахнула дверь. На пороге стояла Ариадна Бриджсток, дрожащая от холода.

Глаза у нее опухли, лицо было покрыто красными пятнами. Видимо, она плакала. У Анны упало сердце; слова, которые она собиралась сказать при встрече с Ариадной, вылетели у нее из головы. Ее охватил страх – что случилось? *Какая-то новая беда?*

– Извини, – заговорила Ариадна. – За то, что беспокою тебя не вовремя. – Несмотря ни на что она высоко держала голову, смотрела гордо, с достоинством. – Я знаю, что мне не следовало приходить сюда. Но мне некуда больше пойти.

Анна молча отошла в сторону, чтобы впустить ее в квартиру. Ариадна вошла. Она несла саквояж, и ее пальто было слишком тонким для такой холодной погоды. Перчаток на руках не было. Тревога Анны усиливалась. Что-то определенно стряслось.

Ариадна молчала, но Анна уже приняла решение.

Она быстро подошла к пианино, на котором Келлингтон как раз очень громко и энергично исполнял свое сочинение, напевая что-то насчет одинокого волка под луной, и закрыла крышку, чуть не прищемив ему пальцы. Музыка смолкла, и Клод обиженно надулся. Анна не обратила на это внимания.

– Большое спасибо всем, кто пришел ко мне сегодня, – громко произнесла она, – но, увы, возникло неотложное дело, касающееся только нефилимов. К сожалению, я вынуждена попросить вас всех уйти.

– Я только половину исполнил, – запротестовал Келлингтон.

– В таком случае мы соберемся здесь как-нибудь в другой раз, чтобы услышать вторую половину, – лицемерно улыбнулась Анна, и через несколько минут ей удалось выпроводить дюжину гостей из квартиры. Некоторые ворчали, но большинство просто были озадачены. Когда за последним из них закрылась дверь, в квартире воцарилась странная, неприятная тишина, какая всегда бывает после окончания вечера. Осталась только Ариадна.

Через десять минут девушка с неловким видом примостилась на кушетке, поджав под себя ноги, а ее пальто сушилось у камина. Когда Анна заставила ее выпить чаю, она перестала дрожать, но ее лицо было по-прежнему мрачным, и она смотрела куда-то в пространство. Анна ждала, с показной небрежностью откинувшись на спинку дивана.

Отпивая маленькими глотками чай, Ариадна медленно оглядывала квартиру, оценивала ее. Анну это несколько удивило, но внезапно она вспомнила, что Ариадна никогда не бывала здесь до сегодняшнего вечера. Анна всегда назначала девушке свидания в других местах.

– Ты, наверное, удивляешься, зачем я здесь, – заговорила Ариадна.

«О, слава Ангелу, она собирается сама все рассказать», – подумала Анна. Она всегда готова была принять у себя людей, нуждающихся в утешении: Евгению, рыдавшую об Огастесе Паунсби, Мэтью, который не мог назвать ей причину своей печали, Кристофера, который волновался, что из его научных экспериментов ничего не выйдет, Корделию, отчаянно влюбленную в Джеймса, но слишком гордую для того, чтобы это признать. Она знала, как говорить с теми, кто страдает от разбитого сердца; она понимала, что не следует ничего спрашивать, нужно просто подождать, пока собеседник заговорит первым.

Но с Ариадной все было иначе; Анна знала, что не может больше ждать, что она обязана спросить, в чем дело. Это было слишком важно. В этом и заключалась проблема. С Ариадной все всегда было слишком важно.

Ариадна начала говорить – медленно, потом быстрее. Она объяснила, что примерно в середине дня Консул приходила к ним в дом, чтобы узнать новости об отце, и что после этого Ариадна зашла в его кабинет. Там она обнаружила пачку бумаг с информацией об Эрондейлах и Лайтвудах, с записями о тех случаях, когда кто-либо из них совершал мелкие, незначительные нарушения или ошибался, вызывая тем самым некую проблему в Анклаве. Но ничто из перечисленного, говорила она, не было настолько существенным, чтобы привлечь внимание Инквизитора.

Анне очень хотелось сразу же поинтересоваться у Ариадны, не было ли в бумагах Инквизитора записей, касавшихся лично ее, но она не стала этого делать. Она лишь нахмурилась и произнесла:

– Мне это не нравится. Чего он надеялся достичь, когда начинал собирать эти сведения?

– Я не знаю, – вздохнула Ариадна. – Но это было еще не самое худшее. В камине, среди золы, я нашла вот это.

Она потянулась к пальто, достала из кармана помятый лист бумаги с почерневшими краями и отдала его Анне. Было совершенно очевидно, что это письмо; примерно посередине страницы она заметила имя Инквизитора и его неразборчивую подпись; в бумаге были прожжены небольшие дырочки, и первой страницы не хватало.

...и я всегда считал, что по интеллекту Вы превосходите большинство [черное пятно] в мире Сумеречных охотников. Я обнаружил, что наши с Вами мнения относительно поведения, подобающего Сумеречному охотнику, о важности Закона и его строгого соблюдения совпадают. По этой причине я с растущей озабоченностью наблюдал за Вашей, как мне показалось, усиливающейся симпатией и даже предпочтением, которое Вы оказывали Эрондейлам и некоторым скандально известным Лайтвудам, с которыми они якишаются. Я приводил Вам свои возражения и спорил с Вами, но, как мне кажется, безрезультатно. Итак, я решил предпринять следующий шаг и дать Вам знать, что секреты, которые Вы считаете надежно скрытыми от посторонних, мне известны. В Вашей жизни есть нечто такое, на что я готов закрыть глаза. Но, уверяю Вас, остальные члены Конклава не настолько терпимы. Вам следует иметь в виду, что я намереваюсь [пятно] Эрондейлов и сделать так, чтобы их изгнали из [пятно]. С Вашей помощью я надеюсь также предъявить серьезные обвинения кое-кому из Лайтвудов. Я ожидаю сопротивления со стороны лондонского Анклава, поскольку некоторые люди излишне сентиментальны, и мне крайне необходимо Ваше содействие в этом вопросе. Если Вы поддержите мои действия, направленные на то, чтобы срезать пораженные неизлечимой болезнью ветви с дерева нефилимов, я забуду о Ваших неосторожных поступках. Ваша семья разбогатела за счет добра, полученного от — часть предложения невозможно было прочесть из-за большой кляксы — но все это может быть утрачено, если Вы не наведете порядок в своем доме.

*Остаюсь Вашим покорным слугой,
Инквизитор Морис Бриджсток.*

Анна подняла взгляд.

— Шантаж? — прошептала она. — Инквизитор... твой отец кого-то шантажирует?

— По-моему, все указывает на это, — угрюмо ответила Ариадна. — Но из этого обрывка непонятно, кого именно он шантажирует, зачем и какие именно компрометирующие сведения попали к нему в руки. Я знаю только одно: моя мать пришла в ярость, когда поняла, что именно я нашла в камине.

— Может быть, все не так, как кажется, — предположила Анна. — Во-первых, он не отправил это письмо.

— Нет, — протянула Ариадна, — но видишь эту кляксу? «Ваша семья получила большую выгоду в результате...» Я думаю, это был черновик, и он бросил его в камин, чтобы уничтожить.

Анна нахмурилась.

— Не имея первой страницы, трудно даже предположить, кем может быть адресат. Однако из текста можно понять, что он не является членом семей Эрондейлов или Лайтвудов. — Анна помолчала. — Твоя мать выгнала тебя из дома только из-за того, что ты нашла эти бумаги?

— Не... не совсем, — пробормотала Ариадна. — Я разволновалась и расстроилась, когда прочитала заметки и письмо. Она сказала, что это не мое дело. Мое дело — быть послушной дочерью, выполнять свой долг и найти хорошего мужа. И вот когда она сказала это... вероятно, я потеряла самообладание.

– Вот как? – произнесла Анна.

– Я сказала ей, что не собираюсь искать хорошего мужа, что я *вообще* не собираюсь искать мужа, что никогда не выйду замуж, потому что меня не интересуют мужчины.

Анне показалось, что в комнате вдруг стало нечем дышать. Она очень тихо спросила:

– И?

– И у нее началась истерика, – вздохнула Ариадна. – Она умоляла меня сказать, что это неправда, а когда я отказалась, она сказала, что нельзя позволять подобным импульсам разрушить мою жизнь. – Она нетерпеливым жестом вытерла слезы. – Я видела по ее глазам, что она уже знала. Или, по крайней мере, подозревала. Мать просила меня подумать о собственном будущем, о том, что я останусь одинокой, что у меня не будет детей.

– Ах, – едва слышно пробормотала Анна. У нее заболело сердце. Она знала, как сильно Ариадна всегда хотела детей, знала, что именно это желание послужило истинной причиной их разрыва два года назад.

– Я ушла в свою комнату, бросила кое-что из вещей в саквояж... Я заявила, что не намерена жить под одной крышей с ней и папой, если они не примут меня такой, какая я есть. Какой я *всегда* была. И тогда она... поклялась забыть все, что я сказала ей. Уверяла меня, что мы можем сделать вид, будто этого разговора не было. Что если я повторю папе то, что сейчас говорила, он вышвырнет меня на улицу.

Анна затаила дыхание.

– И я сбежала, – закончила Ариадна. – Ушла из дома и явилась сюда. Потому что ты не зависишь от мнения окружающих. Я не могу вернуться в этот дом. Я *не вернусь* туда. Это значило бы растоптать свою гордость, свою... *личность*. Я должна научиться жить самостоятельно. Быть независимой, как ты. – Она придала лицу упрямое выражение, но руки у нее дрожали. – Я подумала... если бы ты могла научить меня этому...

Ложечка звенела о блюдце. Анна осторожно забрала у Ариадны чашку с остатками чая.

– Конечно, – сказала она. – Ты будешь независимой настолько, насколько захочешь. Но не сегодня. Сегодня ты пережила потрясение, уже очень поздно, и ты должна отдохнуть. Утром ты начнешь новую жизнь. И это будет чудесная жизнь.

Лицо Ариадны осветила улыбка. И на мгновение Анна забыла обо всем на свете, кроме этой совершенной красоты. Она пожирала взглядом грациозную фигуру, блестящие темные волосы, изящную шею и подрагивающие длинные ресницы. Ею овладело желание сжать девушку в объятиях, осыпать ее глаза и губы поцелуями. Она спрятала руки за спину, чтобы Ариадна не видела их, и стиснула кулаки.

– Можешь занять спальню, – ровным голосом произнесла она. – Я буду спать здесь, на кушетке; она вполне удобна.

– Спасибо. – Ариадна поднялась и взяла свой саквояж. – Анна... в последний раз, когда мы виделись... я была рассержена, – произнесла она. – Мне не следовало говорить тебе, что ты холодна и тверда. У тебя самое доброе и великодушное сердце из всех, кого я знаю, ведь ты всегда готова прийти на помощь тем, кто заблудился, потерялся, кому некуда больше пойти. Вроде меня, – добавила она с грустной улыбкой.

Анна вздохнула про себя. В конце концов оказалось, что Ариадна пришла к ней по той же самой причине, что Мэтью или Евгения: потому что с Анной было легко, с ней можно было поговорить по душам, потому что у нее всегда можно было получить сочувствие, чашку чая и ночлег. Она не сердилась на Ариадну за это, не презирала ее. Просто надеялась, что, возможно, была и другая причина.

Некоторое время спустя, когда Ариадна улеглась спать, Анна подошла к камину, чтобы засыпать угли золой на ночь. Обернувшись, она поймала неодобрительный взгляд Перси.

– Я знаю, – спокойно сказала она. – Позволив ей остаться здесь, я совершила большую ошибку. Я пожалею об этом. Я знаю.

Перси ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Выяснилось, что чаю никто не хочет.

– Малкольм Фейд, – прошипел Уилл, наступая на чародея. Его гнев, который довольно быстро угас после рассказа Люси, казалось, вернулся вместе с Малкольмом. Джеймс поднялся, чтобы вмешаться в случае необходимости; ему был знаком этот отцовский тон. – Знаете, мне следовало бы арестовать вас и передать Конклаву. Чтобы вас судили за нарушение Соглашений.

Малкольм прошел мимо Уилла и бросился в кресло у камина.

– Какое обвинение вы хотите мне предъявить? – усталым голосом произнес он. – Некромантия? Я не занимаюсь некромантией.

– Тем не менее, – процедил Магнус, скрестив руки на груди, – *ты* увез несовершеннолетнюю девушку, Сумеречного охотника, в неизвестное место без согласия ее родителей. Это серьезный проступок. Ах да, и еще ты выкрал тело Сумеречного охотника. Я практически уверен, что это тоже серьезно.

– *Et tu*¹⁷, Магнус? – вздохнул Малкольм. – А как же чувство солидарности с братьями-магами?

– Только не с теми, кто занимается похищением детей, – сухо ответил Магнус.

– Малкольм, – вмешался Уилл, и Джеймс понял, что отец с трудом сдерживается, чтобы не заорать, – вы являетесь Верховным Магом Лондона. Когда Люси пришла к вам с просьбой об участии в этом запретном деле, вы должны были отказать ей. Более того, вы обязаны были сообщить мне.

Малкольм снова вздохнул с таким видом, словно весь этот разговор успел ему смертельно надоеть.

– Очень давно я потерял женщину, которую любил. Ее смерть... ее смерть едва не сломила меня. – Он смотрел в окно, на серое море. – Когда ваша дочь обратилась ко мне за помощью, я невольно проникся сочувствием к ней. Я не смог сказать ей «нет». Если из-за этого я лишусь своего поста, пусть будет так.

– Я не допущу, чтобы Малкольм лишился своего поста из-за меня, – воскликнула Люси. – Я сама нашла его. Я *потребовала*, чтобы он помог мне. Я сама вернула Джесса к жизни, Малкольм даже не знал, что произошло. Когда он появился в Институте, я... – Она помолчала. – Я настояла на том, чтобы он забрал меня в Корнуолл. Я боялась, что Джесса схватят, заключат в тюрьму, убьют. Я пыталась его защитить, и Малкольм тоже. Все это произошло из-за меня. И я охотно предстану перед Конклавом, чтобы повторить эти слова.

– Люси, – сказал Джеймс. – Это не очень удачная мысль.

Люси бросила на него взгляд, который напомнил ему некоторые эпизоды из ее первого романа, «Спасение Загадочной Принцессы Люси от ее ужасных родственников». Если ему не изменяла память, брат главной героини, Жестокий Принц Джеймс, имел привычку сажать в волосы сестры летучих мышей-вампиров, а потом встретил вполне заслуженную смерть, свалившись в бочку с патокой.

– Джеймс прав. Конклав жесток и безжалостен, – угрюмо произнес Малкольм. – Я не пожелал бы вам оказаться на месте подсудимой, Люси.

– Меч Смерти... – начала Люси.

– Меч Смерти заставит вас рассказать не только о том, что вы воскресили Джесса, но и о том, что свое могущество вы получили от Велиала, – перебил ее Магнус.

– Но тогда Джеймс... и мама...

---

¹⁷ *Et tu, Brute?* (лат. – «И ты, Брут?») – якобы последние слова Цезаря, обращенные к убийце. Эта фраза появляется в пьесе Шекспира «Юлий Цезарь».

– Вот именно, – подхватил Уилл. – Теперь ты понимаешь, что Конклав ни в коем случае не должен узнать об этом деле.

– И поэтому я остаюсь проблемой, – напомнил Джесс. – Я имею в виду мое возвращение в мир Сумеречных охотников – в той или иной роли.

– Нет, – возразила Люси. – Мы что-нибудь придумаем...

– Джесс Блэкторн, – произнес Малкольм, – сын Татьяны, юноша из рода Блэкторнов, который, как всем известно, умер, не может вернуться в общество Сумеречных охотников, по крайней мере, в Лондоне.

Люси в отчаянии озиралась по сторонам; на лице Джесса появилось отрешенное выражение человека, смирившегося с судьбой.

Магнус прищурился.

– Малкольм, – заговорил он, – я чувствую, что ты пытаешься нам что-то сообщить.

– *Джесс* Блэкторн не может присоединиться к лондонскому Анклаву, – продолжал Малкольм. – Но... благодаря моей прошлой близости с их семьей, а также проведенным мною изысканиям, мне больше остальных известно о роде Блэкторнов. Если я сумею найти способ вернуть Джесса в общество Сумеречных охотников так, чтобы ни у кого не возникло подозрений... можем ли мы после этого считать, что дело улажено, и вы оставите меня в покое?

Уилл долго смотрел на Люси. Потом сказал:

– Договорились.

Люси с облегчением вздохнула и прикрыла глаза. Уилл ткнул пальцем в сторону Малкольма.

– Даю вам время до завтрашнего утра.

5. Темные тайны

*Увы! Они в юности были друзья,
Но людской язык ядовит, как змея;
Лишь в небе верность суждена;
И юность напрасна, и жизнь мрачна;
И нами любимый бывает презрен;
И много на свете темных тайн¹⁸.*

Сэмюэл Тейлор Кольридж, «Кристабель»

Джеймс не мог расслабиться. Впервые за пять дней он ночевал в отдельной комнате; больше не было необходимости терпеть отцовский храп или кошмарный запах от курительной трубки Магнуса. Но несмотря на то что события последней недели и поиски Люси совершенно лишили его сил, он продолжал лежать без сна, разглядывая трещины в потолке и думая о Корделии.

Вчера, после заката, зашла речь о ночлеге, и при этом Уилл сумел представить дело так, будто они не вломились в дом Малкольма без приглашения, а явились желанными гостями. Ловко, подумал Джеймс, и только потом ему пришло в голову, что отец уже многие годы успешно руководил Институтом именно благодаря присущим ему такту и любезности.

Коттедж оказался довольно просторным, хотя со стороны здание походило на бедный рыбацкий домик. На втором этаже, по обеим сторонам коридора, располагались спальни, просто обставленные, но чистенькие. Магнус при помощи своих чар перенес багаж из кареты в дом, и таким образом вопрос был решен.

Когда Джеймс остался один, мысли о Корделии вернулись. Он-то думал, что все эти дни тосковал по ней, что терзался сожалениями. Но сейчас он осознал, что постоянное присутствие отца и Магнуса и цель, на которой необходимо было сосредоточиться, притупляли чувства; и лишь когда проблема была решена, он *начал* представлять себе, что такое настоящая боль. Теперь он понимал, почему поэты проклинали страсть, несбыточные мечты и сердечные страдания. Фальшивая любовь, которую он якобы испытывал к Грейс, не могла сравниться с этим. Когда он находился во власти чар браслета, разум говорил, что его сердце разбито, но он не *чувствовал* этого, не чувствовал боли, причиняемой осколками разбитых надежд, которые сейчас вонзались в грудь, подобно острым кускам стекла.

Ему вспомнились строки из Данте: «Тот страдает высшей мукой, кто радостные помнит времена в несчастьи»¹⁹. Оказывается, до сих пор эти слова были для него пустым звуком. Смех Корделии, прикосновение руки во время танца, сосредоточенный взгляд, устремленный на шахматную доску, фигура из слоновой кости в ее руке, ее лицо во время бракосочетания, золотое платье, золотые украшения – все эти воспоминания лишь усиливали его отчаяние. Он боялся, что Корделию оскорбят его оправдания, объяснения, что он был не в себе и подчинялся чужой воле, уверения в том, что он никогда не любил Грейс. Но он не мог оставить все как есть, он должен был объясниться. Он знал, что это его единственная надежда, что в противном случае он будет обречен на жизнь без нее.

«Следи за дыханием», – приказал он себе. Сейчас он был благодарен Джему за уроки, полученные в детстве и ранней юности; он долго практиковался в умении контролировать себя,

---

¹⁸ Пер. Г. В. Иванова.

¹⁹ Пер. М. Лозинского.

учился подавлять ненужные эмоции и страхи. Лишь благодаря многолетним тренировкам он не сломался, не впал в истерику, не лишился рассудка после несчастья, обрушившегося на него.

Как же получилось, что он ничего не заметил? Письмо Мэтью лежало в кармане пиджака – измятое, потрепанное. Он перечитывал его, наверное, сотню раз – оно поразило его, как молния. Джеймс даже не догадывался о чувствах Мэтью и до сих пор не знал, что именно испытывает Корделия к нему самому или к его другу. *Как* он мог быть таким слепцом? Джеймс знал, что частично в этом виноват браслет, и все-таки... Вот, например, несколько часов назад, в гостиной, он заметил, как Люси смотрит на Джесса, и догадался, что она уже давно влюблена в этого незнакомого юношу. А он, Джеймс, до недавнего времени не имел ни малейшего понятия о том, что происходит в душе его родной сестры, парабата и жены. Оказывается, он вовсе не знал своих близких.

Шерстяное одеяло превратилось в жгут, простыни сбились. Джеймс отбросил тряпки и поднялся. В окно проникал яркий свет луны, и он без труда нашел пиджак, висевший на крючке. В кармане все еще лежали серые лайковые перчатки Корделии. Он вытащил одну, провел указательным пальцем по вышитым узорам в виде листьев. Джеймс видел, как она сидит, опираясь подбородком на руку, затянутую в эту перчатку, – видел ее лицо, блестящие глаза, черные, бездонные. Вот она оборачивается и смотрит на Мэтью; ее рот слегка приоткрыт, щеки порозовели. Он испытывал острую боль, словно резал себе ладонь острым кинжалом; он понимал, что напрасно терзает сам себя, – но не мог остановиться.

Вдруг его внимание привлекло какое-то движение. Прямоугольник серебристого лунного света, лежавший на полу, пересекла тень. Джеймс сунул перчатку обратно в карман и шагнул к окну. Из его спальни открывался вид на острые скалы Церковного утеса – причудливые каменные уступы, изъеденные непогодой, спускались к черной воде.

На самом краю обрыва, там, где камни были покрыты слоем льда, виднелась какая-то фигура, высокая, стройная, облаченная в белый плащ... нет, не белый. Джеймс разглядел рясу цвета пергамента, черные руны на подоле и краях рукавов.

Джем.

Он знал, что это его дядя. Кто еще это мог быть? Но что он здесь делает? Джеймс не призывал его. Если бы Джем хотел дать знать о своем появлении, он наверняка постучал бы в дверь, разбудил всех. Джеймс, стараясь производить как можно меньше шума, снял с вешалки пальто, нашел ботинки и спустился на первый этаж.

Когда он открыл дверь и шагнул за порог, на него обрушилась стена холодного воздуха. Снег прекратился, но ночь была морозной, и ему казалось, что он вдыхает микроскопические колючие льдинки.

К тому времени, как он обогнул дом и добрался до утеса, у юноши уже слезились от холода глаза. Джем был одет лишь в тонкую рясу, на нем не было ни перчаток, ни головного убора, однако на Безмолвных Братьев не действовали ни жара, ни холод. Когда Джеймс приблизился, он поднял голову, но ничего не сказал; видимо, дяде было достаточно, что они вдвоем стоят и смотрят на море.

– Ты нас искал? – заговорил Джеймс. – Я думал, матушка сказала тебе, куда мы поехали.

«Я не обращался к ней, в этом не было нужды. Твой отец отправил мне письмо в ту ночь, когда вы покинули Лондон, – услышал он ответ Джема. – Мне необходимо срочно переговорить с тобой, я не мог ждать твоего возвращения».

Его голос звучал серьезно, и несмотря на то, что Безмолвные Братья всегда говорили серьезно, что-то в манере Джема заставило Джеймса насторожиться.

– Снова Велиал? – прошептал он.

К его изумлению, Джем покачал головой.

«Дело в Грейс».

Ах, вот оно что.

«Как тебе известно, – продолжал Джем, – вскоре после твоего отъезда ее забрали в Безмолвный город».

– В Безмолвном городе она будет в безопасности, – сказал Джеймс. А затем, неожиданно для самого себя, со злобой воскликнул: – И все остальные будут в безопасности, пока она там находится – под постоянным наблюдением, я надеюсь.

«Согласен и с первым, и со вторым, – заметил Джем и, после короткой паузы, продолжал: – Есть причина, по которой ты не сообщил родителям о том, что Грейс с тобой сделала?»

– Откуда ты знаешь, что я им не сообщил? – удивился Джеймс. Джем молча смотрел на него. – Ничего, не обращай внимания. Сверхъестественные способности Безмолвных Братьев, насколько я понимаю.

«И знание человеческой натуры, – добавил Джем. – Если бы Уилл узнал о поступке Грейс прежде, чем уехать из Лондона, его письмо было бы совсем иным. И я почти уверен, что ты до сих пор не поделился с ним этими сведениями».

– Почему же ты так в этом уверен?

«Я хорошо тебя знаю, Джеймс, – ответил дядя. – Я знаю, что ты не любишь, когда тебя жалеют. И ты считаешь, что именно это и произойдет, если ты расскажешь родным о действиях Грейс... и ее матери».

– Да, считаю, потому что так и будет, – воскликнул юноша. – Ничуть в этом не сомневаюсь.

Он некоторое время смотрел на море; вдалеке, словно искорки, мерцали огни рыбацких лодок. Каким же одиноким, думал он, должен чувствовать себя человек, в утлом суденышке в темноте, на пронизывающем холоде, среди бескрайнего океана.

– Но теперь у меня нет выбора. Грейс предстанет перед судом, и все откроется.

«Должен тебе кое-что сообщить, – ответил Джем. – Безмолвные Братья решили, что информацию о магических способностях Грейс пока следует держать в секрете. Мы не хотим, чтобы Татьяна узнала о том, что ее дочь перешла на сторону врагов. Пусть она думает, что нам неизвестно о ее кознях. По крайней мере, до того дня, когда ее можно будет допросить с помощью Меча Смерти».

– Как удобно для Грейс, – ответил Джеймс. Горечь, прозвучавшая в его голосе, поразила его самого.

«Джеймс, – беззвучно произнес Джем. – Разве я прошу всю жизнь скрывать правду о заговоре Грейс и Татьяны против тебя? Безмолвным Братьям нужно, чтобы Конклав пока не знал об этом. Я понимаю, что тебе нужно объяснить все семье, успокоить родителей и жену, облегчить душу. Однако я надеюсь, что ты убедишь родственников и друзей не распространяться об этом в ближайшее время. – Он помолчал несколько секунд. – У меня создалось впечатление, что ты не хочешь ни с кем делиться своей тайной. Что тебе будет легче, если для них все останется по-прежнему».

Джеймс не мог выговорить ни слова. Потому что действительно испытывал облегчение. Он прекрасно представлял себе, как поведут себя родители, сестра и другие, когда истина выйдет наружу: на него обрушится эта их жалость, потом желание понять, необходимость без конца обсуждать происшедшее. Ему необходима была передышка, время для того, чтобы самому привыкнуть к правде. Время для того, чтобы принять этот факт – что последние годы его жизни были ложью, что они были прожиты напрасно.

– Мне странно представлять себе, – заговорил он, – что ты общаешься с Грейс. Вероятно, ты – единственный человек во всем мире, с которым она искренне и правдиво обсуждает то... то, что она сделала.

Джеймс прикусил губу; он до сих пор не мог даже мысленно называть воздействие браслета и все, что было с ним связано, «колдовством» или «приворотным заклинанием»; было

легче произносить «то, что она сделала» или даже «то, что она сделала со мной». Он знал, что Джем его поймет.

– Я думаю, что она не рассказывала даже своему брату. Мне кажется, он ничего не знает об этом.

Резкий порыв ветра разметал волосы Джеймса, черные пряди упали ему на лицо. Было очень холодно, и ресницы слиплись от мелких брызг морской воды, висевших в воздухе.

– По крайней мере, я уверен, что он не упоминал о могуществе Грейс в разговорах с Люси. Совершенно уверен.

Люси не смогла бы сдерживать эмоций: она бросилась бы на шею Джеймсу как только увидела его, принялась бы бранить Грейс, возненавидела бы ее за зло, причиненное брату.

«Он не знает. Грейс заявила на допросе, что ничего не говорила ему. Вообще-то, она утверждает, что не говорила никому, кроме тебя».

– Никому?

«До того, как она призналась тебе, никто не знал о браслете и связанных с ним чарах, если не считать ее матери, – объяснил Джем. – И Велиала, естественно. Мне кажется, она стыдится своего могущества, хотя тебе, наверное, нелегко будет в это поверить».

– Верится с трудом, – процедил Джеймс, и Джем молча кивнул.

«Моя задача как Безмолвного Брата – составить общую картину происходящего, – заговорил дядя после паузы. – Каковы бы ни были намерения Велиала, я подозреваю, что он не оставит нас в покое. И прежде всего тебя. Он пытался подчинить тебя своей воле многими способами. Сначала он действовал через Грейс, но скоро поймет, что эта возможность упущена. Нам нужно знать, к каким еще методам он может прибегнуть».

– Сомневаюсь в том, что от Грейс будет толк, – угрюмо произнес Джеймс. – Она ничего не знала о его планах насчет Джесса. Ее поступки отвратительны, но вряд ли она согласилась бы участвовать в этом, если бы знала. Насколько я понимаю, Джесс – единственный человек во всем мире, к которому она испытывает хоть какую-то привязанность.

«Я согласен с тобой, – ответил Джем. – Возможно, Грейс неизвестны тайны Велиала, однако я надеюсь, узнав ее тайны, найти уязвимые места Принца Ада. – Он откинул голову назад, и ветер растрепал его темные волосы. – Обещаю больше не говорить с тобой о ней, если в этом не будет необходимости».

– Как ты сам только что сказал, – начал Джеймс, тщательно подбирая слова, – есть несколько человек, которым я должен все объяснить.

Джем, не отвечая, ждал продолжения.

– Корделия сейчас в Париже. Я бы хотел, чтобы она первой услышала правду. Я перед ней в долгу. Она... ей это нанесло больше вреда, чем кому-либо еще, если не считать меня, конечно.

«Это твоя история, сам решай, кому ты хочешь ее рассказать, – ответил Джем. – У меня только одна просьба. Если Корделия и... остальные узнают, я буду очень признателен, если ты сообщишь мне об этом. Ты можешь связаться со мной в любой момент, когда пожелаешь».

Джеймс подумал о коробке спичек в кармане; спичка представляла собой нечто вроде сигнала – зажигая ее, он вызывал к себе Джема. Он понятия не имел о том, что это за магия и как она работает, и не думал, что Джем объяснит ему, даже если он попросит об этом.

«Мне тоже нелегко, – продолжал Джем. Выражение его лица не изменилось, но белые руки взметнулись, выдавая волнение; он стиснул их, хрустнул пальцами. – Я знаю, что должен выслушивать показания Грейс бесстрастно. И все же, когда она говорит о том, что сотворили с тобой, мне хочется кричать: это жестоко, это гадко, отвратительно! Ты любишь так, как любит твой отец: всем сердцем, без условий, без колебаний. Использовать такую любовь в качестве оружия – это кощунство».

Джеймс быстро оглянулся на дом Малкольма, потом посмотрел на дядю. Он никогда не видел Джема таким взволнованным.

– Может быть, разбудить отца? – предложил он. – Не хочешь увидеть его?

«Нет. Не нужно его будить», – ответил Джем. Он не издал ни звука, но в том, как он *думал* об Уилле, была нежность, то чувство, которое он испытывал только к своему дорогому другу. Джеймс подумал о Мэтью, который, без сомнения, спал сейчас в какой-нибудь парижской гостинице, и ощутил ужасную смесь любви, ярости и ревности, отравлявшей ему кровь, словно яд. Мэтью *был* для него тем, кем Уилл был для Джема; как он мог потерять своего парабата? Как он мог лишиться Мэтью и даже не заметить этого?

«Мне жаль, что пришлось обратиться к тебе с такой просьбой. Ты не должен нести это бремя в одиночестве».

– Для меня вовсе не бремя знать, что в Безмолвном городе есть человек, который слушает ее рассказы. Который относится к ним не просто как к любопытной, неизвестной ранее магии, но как к преступлению, которое причинило людям настоящие страдания, – мягко произнес Джеймс. – Пусть ты испытываешь сочувствие к Грейс, пусть ты обязан быть беспристрастным судьей, ты не забываешь обо мне и моей семье. О Корделии. Это для меня многое значит. То, что ты не забываешь о нас.

Джем убрал волосы Джеймса со лба – это походило на жест благословения.

«Я всегда о вас помню», – ответил Безмолвный Брат, и, прежде чем следующая волна с грохотом обрушилась на камни, он исчез, растворился во тьме.

Джеймс вернулся в дом, поднялся на второй этаж и прямо в одежде бросился на постель. Он чувствовал себя так, словно его сердце превратилось в кусок льда, и когда он наконец уснул, сны его были тревожными. Джеймс видел Корделию в красном, как кровь, платье; она стояла на изящном мосту, освещенном десятками фонарей, и несмотря на то, что жена смотрела ему в глаза, было ясно: она его не узнает.

Очертания серого пятна на потолке напоминали Ариадне силуэт кролика.

Девушка думала, что от усталости уснет крепким сном, едва коснувшись подушки. Но все получилось иначе: она лежала с открытыми глазами, мозг лихорадочно работал. Она знала, что должна сейчас думать о подозрительных бумагах, найденных в кабинете отца. О матери, которая, заливаясь слезами, повторяла, что ей не нужно уходить из дома, стоит только признать, что она погорячилась, взять свои слова обратно. Что она может остаться.

Но она думала об Анне. Об Анне, которая спала в нескольких футах от нее, за стеной, о ее длинных ногах, прекрасной фигуре на лиловой кушетке. Она так ясно представляла себе эту картину: руку, закинутую за голову, завитки темных волос на щеке, безукоризненную, словно ее выточил какой-то гениальный скульптор, впадинку на шее, в которой поблескивал рубиновый кулон.

А может быть, Анна вовсе не спит. Может быть, ей, как и Ариадне, не удастся успокоиться. Возможно, она сейчас поднимается с дивана, завязывает потуже пояс халата, беззвучно идет к двери спальни, берется за ручку...

Ариадна закрыла глаза. Ее тело замерло в напряженном ожидании. Может быть, сейчас она почувствует, как Анна садится на кровать, услышит скрип матраса. А потом Анна склонится над ней, и она почувствует тепло ее тела, ее руку на своем плече, почувствует, как сорочка скользит вниз. Ощутит прикосновение губ к горячей коже...

Ариадна перевернулась и уткнулась лицом в подушку, чтобы подавить всхлип. Разумеется, ничего подобного не произойдет. В день расставания она твердо сказала Анне держаться от нее подальше, а та не имела привычки навязывать свое присутствие тем, кто не желал ее видеть. Ариадна уныло рассматривала спальню, небольшое помещение, в котором, кроме кровати, были лишь гардероб, забитый одеждой, и многочисленные полки с книгами.

Увы, Ариадне было не до чтения сейчас, когда каждая клеточка ее тела, казалось, изнывала от тоски по Анне. Еще недавно она говорила себе, что излечилась от любви, поняла, что Анна никогда не даст ей того, чего она желает. Но сейчас ей нужна была только она: ее руки, ее нежный шепот, ее страстные объятия.

Опершись на локоть, девушка потянулась к кувшину с водой, стоявшему на ночном столике. Над ним висела узкая деревянная полка, и Ариадна нечаянно задела ее рукавом. Какой-то предмет упал рядом с кувшином. Присмотревшись, Ариадна с удивлением обнаружила, что это куколка, совсем маленькая, не больше ладони. Она взяла куклу в руки; никогда бы не подумала, что Анна в детстве играла в куклы. Таких кукол часто сажали в домики – у нее была белая фарфоровая голова и туловище, набитое ватой. Точнее, у *него*. Кукла изображала джентльмена. К нему обычно прилагалась куколка-жена и крошечный фарфоровый младенец в миниатюрной колыбели.

Когда Ариадна была маленькой, у нее был кукольный дом с похожими обитателями: мужчины в нем ничем не отличались от женщин, если не считать искусно сшитых костюмчиков. Ариадна представила себе Анну с фигуркой, одетой в аккуратный полосатый пиджак и цилиндр. Возможно, в воображении девушки именно *эта* кукла была хозяйкой дома, только в одежде, которую предпочитала сама Анна; а возможно, куколка была беспутной представительницей богемы и писала стихи микроскопической ручкой в тетради размером с ноготь.

Девушка улыбнулась и осторожно посадила куклу обратно на полку. Детская игрушка напомнила ей о том, что она впервые очутилась в доме Анны, среди ее вещей. О том, что даже если Анна для нее потеряна, то она сама ступила на тропу, ведущую к независимости, которую ее подруга выбрала несколько лет назад. Настала очередь Ариадны получить свободу, сохранить ее и выбирать, как ею распоряжаться. Она свернулась под одеялом и закрыла глаза.

От дома Томаса до площади Корнуолл-гарденс было довольно далеко – не меньше сорока пяти минут ходу, даже час, если по дороге останавливаться и любоваться парком. Но Томас не жаловался. Выдался безоблачный день, редкий для зимнего Лондона. Похолодало, но воздух был чистым и прозрачным, и в ярком солнечном свете выделялась каждая деталь городского пейзажа, от цветастых реклам на стенках omnibuses до неугомонных серо-коричневых воробьев, чьи тени металась по белоснежным сугробам.

«Тени неугомонных серо-коричневых воробьев на белоснежных сугробах, – подумал он. – Томас, ты выражаешься как идиот». Пропади все пропадом. Что подумает Алистер, если он появится на пороге дома на Корнуолл-гарденс с глупой ухмылкой и начнет бормотать какой-то вздор насчет птичек? Захлопнет дверь у него перед носом, да и все. К сожалению, даже эти здравые рассуждения не могли испортить Томасу настроения. Мысли безостановочно крутились в голове, обгоняя друг друга; нужно было срочно вернуться к началу, чтобы привести их в порядок.

За завтраком – когда он спокойно, с чистой совестью, ел тост – появился скороход и принес ему сообщение. Родители удивились, но сильнее всех удивился сам Томас.

Сообщение было от Алистера.

Томасу потребовалось целых пять минут для того, чтобы осознать этот факт. *Письмо от Алистера, Алистера Карстеса, не какого-то другого Алистера*. Оно содержало следующую информацию: Алистер хотел встретиться с Томасом в своем доме как можно скорее.

Переважив новость, Томас вскочил из-за стола так стремительно, что перевернул чайник, и убежал наверх, оставив ошеломленных родителей в обществе Евгении. Сестра лишь пожала плечами, словно желая сказать, что никто не может надеяться разгадать такую удивительную и прекрасную загадку, как Томас.

– Еще яиц? – предложила она, подавая блюдо отцу.

Томас тем временем в панике рылся в шкафу, выбирая одежду. Собственно, выбор был ограничен: так как на мужчину такого роста и телосложения вещи найти было трудно, его гардероб состоял из одинаковых скучных брюк и пиджаков коричневого, черного и серого цветов. Вспомнив, что Мэтью когда-то говорил насчет одной зеленой рубашки, которая якобы подчеркивала ореховый цвет глаз Томаса, он схватил ее, надел, причесался и выбежал из дома – но ему почти сразу же пришлось вернуться, потому что он забыл шарф, ботинки и стило.

Юноша оставил позади красные кирпичные здания Найтсбриджа, модные лавки и суетливых людей, занятых покупками, и шагал по тихим улицам Южного Кенсингтона, мимо величественных особняков с белыми оштукатуренными фасадами. Он говорил себе, что приглашение Алистера само по себе еще ничего не значит. Возможно, Алистеру нужно что-то перевести на испанский, а может быть, он хочет посоветоваться по какому-то вопросу с очень высоким мужчиной. (Хотя Томас не мог себе представить, какое значение имеет его рост.) Существовала даже возможность того, что Алистер хотел поговорить о Чарльзе, – почему именно с ним, Томасом, непонятно. При мысли об этом беднягу бросило в жар. Добравшись до площади, он успел погрузиться в уныние – но оно тут же исчезло, когда он свернул к нужному дому и заметил Алистера, взъерошенного, без пиджака. Он стоял у парадной двери и держал в руке хорошо знакомый Томасу меч.

Алистер был мрачен, как туча. Услышав шаги, он поднял голову, и Томас сразу же заметил две вещи. Во-первых, Алистер, с его гладкой смуглой кожей и изящной фигурой, был прекрасен, и это по-прежнему сводило с ума. Во-вторых, его руки были покрыты глубокими царапинами, а рубашка – черными пятнами, как будто на него выплеснули кислоту.

Демонический ихор.

– Что случилось? – Томас застыл на месте. – Алистер... это – демон? Средь бела дня? Только не говори мне...

Только не говори мне, что они вернулись. Несколько месяцев назад лондонские Сумеречные охотники подверглись атакам демонов, которые обладали способностью появляться при дневном свете, но в этом деле был замешан Велиал. Если это началось снова...

– Нет, – быстро произнес Алистер, словно угадав мысли Томаса. – Я сделал глупость – зашел в конюшню, мне надо было кое-что там взять. В помещении было темно, и один из демонов, видимо, решил устроить мне засаду.

– Один из... *каких* демонов? – пробормотал Томас.

Алистер небрежно махнул рукой.

– Хорошо, что я прихватил с собой Кортану, – произнес он.

Томас, окончательно перестав соображать, что происходит, пролепетал:

– Но почему Кортана *у тебя*?

Кортаной называли меч Корделии, который переходил из поколения в поколение в роду Карстерсов. Это была драгоценная вещь, выкованная в старину тем же Сумеречным охотником, который изготовил Дюрандаль, клинок Роланда, и Экскалибур, меч короля Артура. Томас редко видел Корделию без ее любимого оружия.

Алистер вздохнул. Томас подумал, что ему, наверное, холодно стоять вот так на улице в одной рубашке с закатанными рукавами, но решил ничего не говорить, потому что у Алистера были красивые, мускулистые руки. Кроме того, возможно, холод его вовсе не беспокоил.

– Корделия оставила меч мне, когда уезжала в Париж. Она решила, что должна отказаться от него из-за этой истории с «паладином».

– Странно, правда, – несмело произнес Томас, – что Корделия поехала в Париж с Мэтью?

– Странно, – кивнул Алистер. – Но это никого не касается, кроме нее. – Он повернул меч, и зимнее солнце блеснуло на золотом клинке. – Что до Кортаны... я стараюсь не выпускать ее из рук. Что не так уж трудно при свете дня, однако вызывает некоторые проблемы после заката. Всякий раз, когда я выхожу из дома, треклятые демоны слетаются на него, как мухи на мед.

– Ты уверен в том, что они нападают на тебя именно из-за *меча*?

– Хочешь сказать, их интересуют мои выдающиеся личные качества? – огрызнулся Алистер. – Они не лезли ко мне до тех пор, пока Корделия не передала мне оружие, а она сделала это потому, что хотела его спрятать подальше от посторонних глаз. Догадываюсь, что эти гнусные твари подсланы ко мне в качестве шпионов демоном, которому зачем-то понадобилась Кортана. Велиалом, Лилит... у нас врагов немало, есть из кого выбрать.

– Значит, кто бы это ни был... тот, кто ищет меч, теперь знает, что Кортана у тебя?

– Они определенно подозревают, что он здесь, – ответил Алистер. – Я *надеюсь*, что перебил всех демонов прежде, чем они смогли доложить хозяевам. Во всяком случае, на могущественных Принцев Ада я в нашем сарае пока не наткнулся. Но долго я так жить не смогу.

Томас переступил с ноги на ногу.

– Скажи, ты... э-э... позвал меня сюда, чтобы попросить о помощи? – спросил он. – Ты не волнуйся, я с радостью тебе помогу. Мы можем приставить к тебе охрану. Мы с Кристофером будем дежурить по очереди, и Анна тоже согласится, я уверен...

– Нет, – перебил его Алистер.

– Я ведь хочу помочь, – оправдывался Томас.

– Я пригласил тебя не за этим. Просто получилось так, что ты пришел сразу после... – Алистер сделал жест, очевидно, означавший демонов, скрывающихся в конюшнях, и сунул Кортану в ножны, висевшие на поясе. – Я пригласил тебя для того, чтобы *узнать*, почему ты прислал мне записку, в которой назвал меня безмозглым.

– Ничего подобного я тебе не присылал, – возмутился Томас и в следующий миг похолодел, вспомнив письмо, которое нацарапал на клочке бумаги в лаборатории Генри. «*Дорогой Алистер, почему ты такой безмозглый, неужели ты нарочно стараешься разозлить меня своим поведением? Почему я все время думаю о тебе?*»

О нет. Но как?..

Алистер вытащил из кармана обгоревшую бумажку и протянул Томасу. Большая часть письма была испорчена, можно было разобрать лишь несколько фраз:

Дорогой Алистер, почему ты такой безмозглый

.....я чищу зубы.....

.....никто не должен об этом знать.....

.....Томас.

– Не могу понять, почему ты так стесняешься привычки чистить зубы, – хмыкнул Алистер, – но, разумеется, ты можешь на меня положиться. Твоя тайна умрет вместе со мной.

Томаса одолевало одновременно два чувства: ужасный стыд после такого унижения и странное возбуждение. Это был единственный раз на его памяти, когда нелепый эксперимент Кристофера дал положительный результат, но с другой стороны – ведь получилось же, хотя и не так, как они планировали! Ему не терпелось побежать и рассказать обо всем Киту.

– Алистер, – пробормотал он. – Это письмо – просто ерунда, не имеет значения. Кристофер попросил меня быстро написать что-нибудь на бумажке, это нужно для проекта, над которым он сейчас работает.

На лице Алистера отразилось сомнение.

– Как скажешь.

– Послушай, – продолжал Томас, – я понимаю, что ты позвал меня не за этим, но я все равно хочу помочь. Мне... – *Мне невыносимо думать о том, что ты постоянно подвергаешься опасности.* – Мне кажется, что жить, ежечасно ожидая нападения демонов, не очень комфортно, и я сомневаюсь в том, что Корделия оставила бы тебе меч, если бы думала, что такое произойдет.

– Верно, – согласился Алистер.

– Так почему бы нам не спрятать ее? – предложил Томас. – Я имею в виду Кортану.

– Я понимаю, что это разумное решение, – сказал Алистер. – Но, несмотря на атаки демонов, я чувствую себя спокойнее, когда Кортана у меня под рукой. Если я спрячу меч, лучше не станет: я буду постоянно волноваться о том, что демоны *найдут* ее, и что я тогда скажу Корделии? И еще: а вдруг демон, которому так нужен этот меч, воспользуется им для того, чтобы уничтожить Вселенную или чего-нибудь в таком духе? Представляешь, как это будет унижительно для меня? Едва ли существует место, где меч находился бы в полной безопасности.

– Хм. А что, если я знаю тайник, который *является* достаточно надежным?

Алистер приподнял черные, красиво изогнутые брови.

– Лайтвуд, ты, как всегда, полон сюрпризов. Расскажи, что у тебя на уме.

И Томас рассказал.

Корделия вышла из спальни в полосатом платье для прогулок и обнаружила Мэтью за столом, накрытым к завтраку. Он намазывал маслом круассан.

День был погожий, и лучи солнца, желтые, как сердцевина ромашки, лились в высокие арочные окна; блестящие волосы Мэтью походили на шлем из чистого золота.

– Я не хотел тебя будить, – улыбнулся он, – все-таки вчера мы улеглись *довольно поздно*. – Он откинулся на спинку стула. – Будешь завтракать?

Она ошеломленно рассматривала изобилие на столе. Здесь были круассаны, сливочное масло, мармелад, фруктовые джемы и желе, овсянка, бекон, жареный картофель, сдобные булочки, копченая рыба, яичница и чай.

– Мы собираемся накормить армию? – спросила она, устраиваясь напротив него.

Мэтью едва заметно пожал плечами.

– Я не знал, что ты предпочитаешь есть на завтрак, поэтому заказал все, что предлагали в ресторане.

Корделия испытала странное чувство – нежность, благодарность. Она заметила, что Мэтью нервничает, хотя он неплохо это скрывал. Вчера вечером она была не в себе. Корделия помнила, как Мэтью обнимал ее, когда они стояли под уличным фонарем на бульваре Клиши, а мимо грохотали фиакры, словно товарные поезда. Тогда девушка сказала ему, что он слишком добр к ней, и это была правда.

Пока Корделия наливала себе чай, Мэтью сказал:

– Я подумал, что сегодня можно посетить музей Гревен, не хочешь? Осмотрим восковые скульптуры, а еще там есть зеркальный зал, который похож на внутренность гигантского калейдоскопа...

– Мэтью, – перебила она. – Сегодня вечером я хотела бы вернуться в *Cabaret de l'Enfer*.

– Мне кажется, что ты не очень...

– Не очень приятно провела там время? – усмехнулась она, играя чайной ложечкой. – Наверное, ты прав, но, если... а вдруг это действительно был мой отец? Я хочу это проверить. Я собираюсь задать мадам Доротее вопрос, ответ на который известен только ему.

Мэтью покачал головой, и тщательно уложенные золотистые пряди рассыпались.

– Тебе я ни в чем не могу отказать, – произнес он, и Корделия почувствовала, что заливается краской. – Но... только при одном условии. Целый день перед этим мы будем развлекаться, *не* думая о призраках и зловещих предупреждениях. Согласна?

Корделия согласилась, и они провели день, осматривая достопримечательности. Мэтью решил взять с собой недавно купленный маленький фотоаппарат «Кодак Брауни», так что в музее Гревен ей пришлось позировать рядом с восковыми фигурами Папы Римского, Наполеона, Виктора Гюго, Марии-Антуанетты и других персонажей эпохи Французской революции. Фигуры были расположены в соответствующих интерьерах, и некоторые были так похожи на живых людей, что ей было жутковато ходить среди них.

Потом Мэтью объявил, что нуждается в свежем воздухе, поэтому они поймали фиакр и велели кучеру ехать в Булонский лес.

– В Париже все лучше, чем в Лондоне, – заметил он, когда они, оставив позади здание Оперы, ползли по улице Сен-Лазар, – за исключением, разве что, дорожного движения.

Корделия согласилась: когда они, миновав Триумфальную арку, подъезжали к Булонскому лесу, она увидела десятки карет, направлявшихся к воротам парка, яростно сигналившие автомобили, верховых, велосипедистов и, конечно, толпы пешеходов. Фиакр медленно двигался по аллее, обсаженной деревьями, которая заканчивалась на берегу озера. Группа горластых студентов, несмотря на холод, устроила пикник у воды.

Когда наемная карета наконец остановилась, они со вздохом облегчения выбрались на дорожку; Корделия невольно вспомнила тот пикник в Риджентс-парке, на котором она познакомилась с «Веселыми Разбойниками». Она представила себе Кристофера, поглощающего пирожки с лимоном, улыбчивого Томаса, смех Анны, вспомнила расспросы любопытной Люси, разговор с Джеймсом...

Нет, довольно; она же запретила себе думать о Джеймсе! Она не удержалась и бросила грустный взгляд на смеющихся студентов. Они выглядели совсем юными, казались моложе Корделии и ее друзей, хотя на самом деле были на несколько лет старше и учились в университете. Эти молодые люди не подозревали о существовании Сумеречного Мира, не видели его, не представляли, какие монстры таятся по ту сторону хрупкой иллюзии, отделявшей их от другой реальности, темной и опасной.

Она завидовала им.

В конце концов они с Мэтью нашли свободную скамейку. Мэтью подставил лицо лучам холодного зимнего солнца; в этом безжалостном свете Корделия вдруг заметила, какой у него усталый вид. Мэтью, кроме светлых волос, обладал очень бледной кожей; на ней мгновенно проступали синяки, и сейчас у него под глазами, будто нарисованные краской, чернели круги. Ну конечно, он же *полночи* не спал, напомнила себе Корделия и ощутила вину, думая о том, как Мэтью держал ее руку, пока она не забылась коротким, беспокойным сном.

– Мэтью, – заговорила она.

– Хм-м-м? – промычал он, не открывая глаз.

– Я подумала, что нам, наверное, следовало бы обсудить наших братьев, моего и твоего. Мэтью по-прежнему сидел с закрытыми глазами, но она заметила, что он напрягся.

– Алистера и Чарльза? А что с ними такое?

– Ну, – протянула Корделия, – уверена, от твоего внимания не ускользнуло...

– Допустим.

Она никогда не слышала, чтобы он говорил таким холодным, жестким тоном – по крайней мере, с ней. Она вспомнила их первую встречу, когда она решила, что не нравится ему, но все равно была очарована. *Светлые волосы, пряный восточный одеколон, любезная улыбка.*

– Я не дурак. Я видел, как Чарльз смотрит на твоего брата, и как Алистер *не* смотрит на него. Неразделенная любовь. – С этими словами он все-таки открыл глаза. На солнце они казались выцветшими. – Откровенно говоря, я сомневаюсь, что мой братец заслуживает такой же сильной ответной любви, какую он, очевидно, сам испытывает.

– Правда? Ты считаешь, что Чарльз по-настоящему любит Алистера? Ведь это он хотел сохранить их отношения в тайне.

– Ах да, естественно. Чтобы не испортить свою *карьеру*, а как же иначе. – Мэтью, видимо, хотел сказать что-то еще, но промолчал. – Наверное, все зависит от того, что ты понимаешь под словом «любовь». Любовь, ради которой человек не готов ни с чем и ни с кем расстаться, любовь, от которой он способен отказаться ради богатства и высокого положения, я не считаю любовью. Настоящая любовь должна быть превыше всего.

Его страстные слова взволновали Корделию. Ей показалось, что в них таится упрек. Может быть, она должна была пожертвовать большим ради Джеймса? Ради Люси? Ради своей семьи?

– Не обращай на меня внимания, – уже мягче произнес Мэтью. – По-моему, Алистер давно не интересуется Чарльзом, так что вся эта история со временем забудется. Честно говоря, у меня голова разболелась. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

– Тогда я расскажу тебе историю, – предложила Корделия. – Может быть, что-нибудь из «Шахнаме»? Не желаешь послушать о падении Заххака, жестокого царя змей?

У Мэтью загорелись глаза.

– Разумеется, желаю, – сказал он и снова откинулся на спинку скамьи. – Расскажи мне сказку, дорогая.

Наутро Джеймс проснулся совершенно разбитым, как будто вовсе не спал. Он подошел к умывальнику и плеснул в лицо ледяной водой. Это сразу помогло прийти в себя. Он задержал взгляд на своем отражении: погасшие глаза, набрякшие веки, влажные растрепанные волосы, опущенные уголки рта. Он не помнил, чтобы когда-нибудь раньше так отвратительно выглядел.

Неудивительно, что Корделия тебя бросила.

Он сурово приказал себе прекратить это и принялся одеваться. Застегивая пуговицы на манжетах, он услышал какой-то шорох – как будто по коридору кралась любопытная мышь. В два шага Джеймс очутился у двери и распахнул ее. Он совершенно не удивился, обнаружив на пороге Люси в синем платье с кружевным воротником, которое показалось ему не по сезону легкомысленным. Сестра окинула его рассерженным взглядом.

– Смотрите-ка, неужели это сама Загадочная Принцесса Люси, – улыбнулся он. – Пришла навестить своего ужасного родственника?

Люси затолкала его обратно в комнату и ногой захлопнула за собой дверь.

– Нам надо обсудить кое-что без посторонних.

– Будь осторожна, – предупредил ее Джеймс. – Ты говоришь точь-в-точь таким тоном, каким говорила матушка, когда собиралась нас за что-то выбранить.

Люси издала возглас, выражавший досаду.

– *Ничего подобного*, – отрезала она. – Кстати, раз уж речь зашла о родителях, ты помнишь ту огромную морскую свинку, которую мы с тобой однажды купили? А когда мама с папой ее увидели, мы наврали, что это подарок, присланный специально для нас из Института Лимы.

– Ах да, Крапинка, – снова улыбнулся Джеймс. – Прекрасно помню. Он меня укусил.

– Он всех кусал, – пренебрежительно бросила Люси. – Уверена, с его стороны это был знак благосклонности. К чему я все это говорю. Истории про Крапинку поверили потому, что мы с тобой рассказывали *одно и то же* и основывались на *одной и той же* информации.

– Ты совершенно права, – кивнул Джеймс. Он с удовлетворением отметил, что, несмотря на плохое настроение, ему все равно нравится дразнить сестру. – Эх, золотые деньки...

– *Должна тебе напомнить*, – нетерпеливо перебила его Люси, – я понятия не имею, что ты рассказал отцу о... обо всем. А ты слышал все, что говорила я, до последнего слова. В любом случае, это нечестно. И недальновидно.

– Ну что ж. Я рассказал им – я имею в виду отца и Магнуса – обо всем, что произошло. – Джеймс сел на кровать. – По крайней мере все то, что знал сам. Если в моем рассказе и остались какие-то пробелы и неясности, уверен, события вчерашнего вечера все расставили по местам.

– *Обо всем?* – грозно повторила Люси.

– Я ничего не сказал о Корделии, – быстро пробормотал Джеймс. – Ни о Лилит, ни о палadiniх, ни о... в общем, ничего такого.

– Хорошо. – Люси немного успокоилась. – Мне кажется, нельзя им говорить об этом, как ты считаешь? Это тайна Корделии. Это было бы нехорошо по отношению к ней.

– Согласен, – вздохнул Джеймс. – Послушай, Люс... а почему ты ничего не говорила мне о Джессе? Я не имею в виду попытки вернуть его к жизни, – быстро добавил он, заметив, что Люси собирается возражать. – Я понимаю, почему ты это скрывала. Ты знала, что я твоих намерений не одобрю и что мне не понравится твое сотрудничество с Грейс.

– Конечно, тебе бы все это не понравилось, – пожала плечами Люси.

– И до сих пор не нравится, – признался Джеймс, – но я понимаю, почему ты решилась на такое дело. Но почему же ты молчала о том, что видела Джесса, о том, что он вообще существует?

Люси, с нехарактерным для нее смущением, поддала носком ботинка клубок пыли на полу.

– Наверное... я подозревала, что в способности его видеть есть нечто... неправильное. Нечто темное и нехорошее. И что людям не понравится, если они узнают об этом.

– Люс, мне лучше других известно, что значит обладать способностями, которые кажутся другим людям неправильными и темными. Даже, можно сказать, отвратительными.

Она резко выпрямилась.

– Ты не *отвратителен*, Джейми, и не мерзок, не вздумай больше так говорить...

– Наше с тобой могущество получено от одного и того же существа, – продолжал Джеймс. – От Велиала. Кто, кроме меня, способен понять, насколько это тяжело? Я пытаюсь убедить себя в том, что могу творить добро даже с помощью силы, которая дана мне тьмой. Я верю в это ради себя, но и ради тебя тоже.

Люси быстро заморгала, потом присела на кровать рядом с Джеймсом. Они сидели так несколько минут, прижавшись друг к другу, и молчали. Но это молчание успокаивало.

– Джеймс, – заговорила она наконец. – Джессу потребуется твоя помощь. Есть вещи, с которыми нельзя справиться в одиночку, а я здесь бессильна. В его тело вселялся Велиал, он носит на коже Метки погибших Сумеречных охотников. Это причиняет ему страдания. Я вижу это по его глазам.

«Я тоже», – подумал Джеймс.

– Я могу с ним поговорить. Когда мы вернемся в Лондон.

Люси улыбнулась. Это была спокойная улыбка взрослой женщины, немного печальная, улыбка, которая не вязалась в представлении Джеймса с его младшей сестренкой. Все-таки она сильно изменилась. Они все изменились.

– Папа мне сказал, – вздохнула она. – Насчет Корделии. И Мэтью. Сказал, что они уехали в Париж вдвоем. Видимо, он полагает, что тебе это безразлично, но я... – Она повернулась к брату и взглянула ему в глаза. – Так тебе *безразлично* или нет?

– Нет, – прошептал Джеймс. – Я никогда не думал, что на свете бывает такая боль.

– Значит, ты не любишь Грейс?

– *Нет*. Нет, – ответил Джеймс. – И мне кажется теперь, что я никогда ее не любил. Я...

Он едва не решился рассказать обо всем, так сильно хотелось ему открыть сестре правду. *Это было колдовство, она всегда была мне безразлична, она при помощи чар заставила меня думать, что я в нее влюблен.* Но ему казалось неправильным говорить с Люси сейчас, когда Корделия еще ничего не знала. Корделия должна была услышать о тайне браслета первой.

– Как ты думаешь, Корделия любит его? Я имею в виду Мэтью. Если так...

– Я все поняла, – оборвала его Люси. – Если она его любит, ты без возражений отойдешь в тень и не будешь мешать их счастью. Поверь, мне хорошо известно, что мужчины семьи Эрондейл склонны к абсурдному самопожертвованию. Но ты должен знать: *если* Корделия и испытывает к Мэтью какие-то чувства, она ни разу не дала мне это понять, ни словом, ни намеком. С другой стороны...

Джеймс заставил себя сделать бесстрастное лицо.

– С другой стороны, – продолжала Люси, – Париж – романтический город. Очень советую тебе немедленно ехать туда и рассказать Корделии о своих истинных чувствах. – Для пущей убедительности она стукнула его кулаком по плечу. – *Не теряй время зря.*

– Обязательно бить меня? – проворчал Джеймс. – Думаешь, без этого твои советы не задержатся у меня в голове?

В открытую дверь постучали, и в комнату заглянул Магнус.

– Мне очень не хочется прерывать трогательную беседу брата и сестры, воссоединившихся после долгой разлуки, – извинился он, – но Малкольм желает поговорить с нами и приглашает всех вниз.

Спустившись в гостиную, Люси и Джеймс обнаружили Малкольма на стуле у камина. На коленях он держал огромную книгу в черном кожаном переплете с коваными железными уголками. Он был одет в тот же костюм, что и вчера.

Магнус и Джесс сидели на диване, а хмурый Уилл медленно расхаживал по комнате у них за спиной. Джесс натянуто улыбнулся Люси; она понимала, что юноша пытался успокоить ее, но у него не слишком хорошо получилось скрыть волнение. Как же ей хотелось подбежать к нему, заключить его в объятия... Но девушка догадывалась, что этим лишь шокирует брата, отца и двух чародеев. Нужно было подождать.

Когда все нашли себе места, Малкольм откашлялся.

– Я провел ночь в размышлениях над проблемой, которую мы обсуждали вчера, и мне кажется, что я нашел решение. По моему мнению, Джесс должен вернуться в Лондон, причем под фамилией Блэкторн.

Уилл издал удивленное восклицание.

– У него узнаваемая внешность Блэкторна, – добавил Малкольм, – и едва ли он сможет притвориться Сумеречным охотником из другой семьи. Он копия Руперта.

– Все это верно, – нетерпеливо воскликнул Уилл, – но ведь мы уже решили, что возвращение под собственным именем для него невозможно. Это не только навлечет на него обвинение в некромантии; в последний раз, когда его имя упоминалось перед Конклавом, он считался мертвым, и в его тело вселился демон, убивающий Сумеречных охотников.

Джесс посмотрел на свои руки. На руну Ясновидения, когда-то принадлежавшую Элиасу Карстерсу. Потом убрал левую руку за спину, словно ему невыносимо было ее видеть.

– Да, мы все это обсуждали, – сухо ответил Малкольм. – Я не предлагаю ему представиться *Джессом* Блэкторном. Сколько человек видели его таким, каков он сейчас, то есть после того, как демона изгнали из его тела?

После короткой паузы Джеймс заговорил:

– Люси, естественно. Я видел. Мэтью, Корделия... Безмолвные Братья, которые готовили его тело к...

– Итак, большая часть лондонского Анклава слышала о том, что произошло, – подытожил Малкольм. – Но они *не видели Джесса*.

– Нет, – подтвердил Уилл. – Не видели.

– Напомню, что я связан с семьей Блэкторн особыми узами, – продолжал Малкольм. – Я был их воспитанником; сто лет назад Феликс и Аделаида Блэкторн приняли меня в свою семью.

– Они вас вырастили? – удивился Джеймс.

Губы мага сжались в тонкую линию.

– Я бы это так не назвал. Они рассматривали меня как свою собственность, и в качестве платы за такие редкостные привилегии, как пища, одежда и крыша над головой, я обязан был работать: колдовать по их приказу.

Уилл заметил:

– Среди Сумеречных охотников время от времени попадаются негодяи. Членам моей семьи это очень хорошо известно.

Малкольм отмахнулся от этих слов.

– Я далек от того, чтобы ненавидеть всю расу нефилимов за поведение Блэкторнов. За их поступки должны отвечать только они, и никто другой. Но *в данный момент* для нас имеет значение лишь тот факт, что у Феликса и Аделаиды было четверо детей. Аннабель, Абнер, Джером и Эзекиель.

– В стародавние времена людям давали кошмарные имена, – пробормотала Люси. – Просто кошмарные.

– У детей были... несколько иные взгляды на то, как следует обращаться с существами Нижнего Мира, – говорил Малкольм. – В частности, Эзекиель, подобно мне, находил нетерпимость и жестокость родителей отвратительными. Достигнув совершеннолетия, он порвал с семьей и ушел из дома. Вы не найдете в Безмолвном городе записей о детях Эзекиеля, но мне известно о нем кое-что.

Джесс поднял голову.

– Я выяснил, – сказал Малкольм, – что у Эзекиеля все-таки *имелись* дети. Он уехал в Америку, которая тогда была совсем молодой страной. Сумеречные охотники там встречались редко, и он женился на простой женщине. Они воспитали своих детей как самых обычных людей, но, разумеется, кровь нефилимов сильнее, и его потомки являются такими же Сумеречными охотниками, как любой из вас.

Итак, я предлагаю такой вариант. Джесс назовется одним из внуков Эзекиеля, который приехал в Англию, чтобы воссоединиться с нефилимами и отыскать своих родственников. Он скажет, что, узнав истину о своем происхождении, пожелал стать Сумеречным охотником и с этой целью явился к Уиллу в Институт. В конце концов, история Уилла чем-то похожа на эту.

Верно, подумала Люси; ее отец считал себя простым, пока не узнал правду, после чего пришел пешком из Уэльса в Лондон, чтобы присоединиться к Анклаву. Ему было всего двенадцать лет.

– Превосходный план, – объявила она несмотря на то, что на лицах Уилла и Магнуса было написано сомнение. – Будем называть Джесса Езекия Блэкторн.

– Нет, не будем, – отрезал Джесс.

– А как насчет Корнелиуса? – спросил Джеймс. – Мне всегда нравилось имя Корнелиус.

– Ни в коем случае, – ужаснулся Джесс.

– Имя должно начинаться на «Дж», – произнес Уилл, который стоял, скрестив руки на груди. – Таким образом Джессу будет легче его запомнить, и он быстрее привыкнет отзываться на него. Что-нибудь вроде Джереми.

– Значит, вы согласны с планом Малкольма? – спросил Магнус. – Джесс превратится в Джереми?

– У вас есть идеи получше? – У Уилла был усталый вид. – Или вы хотите, чтобы мы бросили Джесса на произвол судьбы в мире простых людей? В Институте мы сможем его защитить. Кроме того, он – Сумеречный охотник. Один из нас.

Магнус с задумчивым видом кивнул. Джеймс спросил:

– Можем ли мы, по крайней мере, назвать его настоящее имя Лайтвудам? Габриэлю, Гидеону, Софи и Сесили? В конце концов, они же родственники Джесса, а он с ними незнаком.

– И моей сестре, – добавил Джесс. – Грейс должна знать правду.

Люси заметила, что Джеймс помрачнел.

– Конечно, – ответил Уилл. – Только... Джесс, я не знаю, говорили тебе об этом или нет, но...

– Грейс находится в Безмолвном городе, – каменным голосом произнес Джеймс. – Под охраной Безмолвных Братьев.

– Узнав, что мать с тобой сделала, она добровольно явилась туда, – быстро заговорил Уилл. – Безмолвные Братья позаботятся о том, чтобы подобная темная магия не коснулась ее.

Джесс был ошеломлен.

– В Безмолвном городе? Должно быть, она ужасно напугана. – Он обернулся к Уиллу. – Мне необходимо видеть ее.

Люси заметила, что он с большим трудом сохраняет спокойствие.

– Я знаю, что Безмолвные Братья – такие же Сумеречные охотники, но вы должны понять... мать с раннего детства твердила нам, что они изверги, исчадия ада.

– Уверен, свидание можно будет устроить, – заметил Уилл. – А что касается отношения к Безмолвным Братьям как к исчадиям ада... если бы не Эммануил Гаст, а Безмолвный Брат наложил на тебя защитные чары, удалось бы избежать многих несчастий и смертей.

– Чары! – Люси выпрямилась. – Это нужно сделать как можно скорее. Без них Джесс беззащитен, любой демон может снова вселиться в его тело.

– Я поговорю с Джемом, он это устроит, – пообещал Уилл, и Люси заметила странное выражение, промелькнувшее на лице брата. – Все равно обман не удастся без помощи Братьев; я им все расскажу.

– Малкольм, у кого-нибудь, кроме тебя, есть доступ к этой информации насчет американских Блэкторнов? – спросил Магнус. – Если кто-то заподозрит...

– Мы должны подробно обговорить этот план, – вмешался Джеймс. – Сесть, представить себе любые возможные возражения и вопросы, которые могут возникнуть у людей по поводу истории Джесса, и придумать правдоподобные ответы. В нашей легенде не должно быть слабых мест.

Все хором выразили согласие, промолчал только Джесс. Когда снова наступила тишина, он сказал:

– Спасибо вам. Спасибо вам всем за то, что вы делаете для меня.

Магнус сделал вид, что поднимает тост.

– Джереми Блэкторн, возможно, мои поздравления несколько преждевременны, но... добро пожаловать в лондонский Анклав.

* * *

В тот вечер Корделия надела алое бархатное платье, накидку, отороченную мехом, и шелковые перчатки до локтей и, усевшись в фиакр рядом с Мэтью, отправилась на Монмартр. Вскоре карета выехала на рю де ла Пэ, за окном мелькали ярко освещенные витрины магазинов, похожие на ряды золотых прямоугольников среди непроницаемого мрака.

Мэтью облачился в алый бархатный жилет и гетры в тон наряду Корделии, и, когда они проезжали под фонарями, казалось, что его грудь залита кровью. Перчатки у него были черные, и его глаза тоже казались черными, когда он разглядывал ее в темноте кареты.

– Здесь полно других кабаре, можем пойти в любое, – предложил он, когда карета со стуком проезжала мимо церкви Святой Троицы с огромным окном-розой. – Например, *Rat Mort*...

Корделия заставила себя улыбнуться.

– «Дохлая крыса»?

– Совершенно верно. Свое название это заведение получило от крысы, появление которой возмутило клиентов. Крыса была умерщвлена, а ее чучело выставлено в зале. – Он ухмыльнулся. – Народ ломится туда, чтобы поесть омаров в четыре утра.

– Мы тоже обязательно туда заглянем – но *после L'Enfer*. – Она высоко подняла голову. – Я твердо решила, Мэтью.

– Я понимаю, – бесстрастно произнес он. – У каждого из нас есть родственник или друг, с которым мы хотели бы поговорить, любой ценой. Некоторых отняла у нас смерть, некоторых – их нежелание выслушать нас или наше молчание.

Повинуясь импульсу, она схватила его за руку, переплела пальцы. Черные перчатки резко контрастировали с алыми. Черный и красный, как фигуры на шахматной доске. Корделия прошептала:

– Мэтью. После возвращения в Лондон – а ведь в один прекрасный день нам придется вернуться туда – ты *обязан* поговорить с родителями. Они простят тебя. Это же твои родные отец и мать.

Его глаза стали совсем черными. Он усмехнулся:

– А ты простила своего родного отца?

Эти слова причинили ей боль.

– При жизни он никогда не просил меня о прощении, – сказала она. – Возможно, если бы он... да, возможно, именно эти слова я хочу услышать, именно поэтому я хотела бы поговорить с ним еще раз. Мне очень жаль, но я до сих пор не могу простить его. Горечь и обида – тяжелое бремя.

Он сжал ее руку.

А мне очень жаль, что я не могу взять на себя хотя бы часть твоего бремени.

– У тебя достаточно своих горестей.

В этот момент карета остановилась у кабаре. Из разверстой пасти демона лился свет. Корделия ответила на пожатие и убрала руку. Они приехали.

Выйдя из кареты, девушка увидела вчерашнего бородатого, широкоплечего швейцара, сторожившего вход. Мэтью задержался у фиакра, чтобы расплатиться с кучером, а Корделия подошла к двери и хотела войти, но охранник покачал головой.

– Вам запрещено входить, – произнес он по-английски с сильным акцентом. – *Паладин*.

6. Ступая по крови

*Чьи сердца разбивать я буду? Какую ложь поддерживать должен?
По чьей крови мне придется ступать?²⁰
Артур Рембо, «Одно лето в аду»*

Корделии стало холодно. Никто не знает об этом, подумала она. *Никто не знает*. Ее злосчастная клятва верности Лилит оставалась тайной для всех, кроме брата и лучших друзей. Да, прошлой ночью в этом самом кабаре они с Мэтью говорили о Кортане, но они не упоминали ни имени Матери Демонов, ни слова «паладин». Она пробормотала:

– Вы, должно быть, ошиблись. Я...

– *Non. Je sais ce que je sais. Vous n'avez pas le droit d'entrer*, – сурово произнес швейцар. «Я знаю то, что знаю. Вы не имеете права входить сюда».

– Что происходит? – спросил по-французски Мэтью, подходя к ним. – Вы не хотите нас впускать?

Страж что-то ответил, и они начали переговариваться так быстро, что Корделия с трудом могла уловить суть. Охранник по-прежнему упорствовал; Мэтью объяснял ему, что это какая-то ошибка, что ее приняли за кого-то другого. Корделия была Сумеречным охотником с незапятнанной репутацией. Но швейцар лишь качал головой. «Я знаю то, что знаю», – повторял он.

Корделия стиснула руки, чтобы не было заметно, как они дрожат.

– Мне нужно только поговорить с мадам Доротеей, – вмешалась она в спор. – Может быть, вы согласитесь передать ей записку...

– Сегодня ее здесь нет. – Какой-то молодой человек на входе указал на афишу, приколотую к двери; действительно, имени мадам Доротеи на ней не было. Сегодняшним «гвоздем программы» являлся заклинатель змей. – Мне очень жаль разочаровывать прекрасную *mademoiselle*.

Прежде чем войти, он прикоснулся к полям шляпы, и Корделия заметила, что его глаза в лунном свете отливают золотом. *Оборотень*.

– Послушайте-ка, – начал Мэтью, намереваясь продолжить спор с швейцаром и театрально размахивая тростью. Корделии показалось, что в глубине души он наслаждается сценикой. Она прикоснулась к его плечу.

– Перестань, – произнесла она. – Если ее здесь нет, нам все равно нечего делать в кабаре. Пойдем, Мэтью.

Паладин. Это слово звучало в ушах Корделии еще долгое время после того, как они с Мэтью сели обратно в фиакр. Карета уже покинула Монмартр, но Корделия живо представляла, как стоит у входа в кабаре, слышала голос швейцара, преградившего ей дорогу. «Я знаю то, что знаю. Вы не имеете права входить сюда».

«Потому что ты похожа на яблоко, такое красивое, но изнутри источенное червем, – произнес какой-то голосок у нее в голове. – Потому что теперь ты – собственность Лилит, Матери Демонов. Потому что ты проклята, и все из-за своей глупости. Людям следует держаться от тебя подальше».

Она вспомнила слова Алистера: «Наши страхи имеют свойство становиться реальными, Лейли».

– Корделия? – Озабоченный голос Мэтью доносился откуда-то издалека. – Корделия, поговори со мной, прошу тебя.

---

²⁰ Пер. М. П. Кудинова.

Она хотела повернуть голову, взглянуть ему в лицо, но ее окутал черный туман, и она не видела и не слышала ничего, кроме разочарованных лиц и суровых, обвиняющих голосов. Ей показалось, что время повернуло вспять, что она в Лондоне, снова переживает тот час, когда ее сердце разбилось на тысячу осколков, и отчаяние заставило ее холодной зимней ночью бежать из дома в одном платье. Невыносимое чувство потери, жестокого разочарования в себе самой и в своей жизни обрушилось на нее, подобно лавине. Она подняла руки, словно это могло защитить ее.

– Карета... останови карету, – услышала она собственный голос. – Мне нечем дышать... Мэтью...

Окно открылось, повеяло холодом. Мэтью постучал кучеру, крикнул что-то по-французски. Лошади резко остановились, и фиакр покачнулся. Корделия толкнула дверь и спрыгнула на мостовую, едва не запутавшись в подоле тяжелого бархатного платья. Она услышала голос Мэтью, потом его торопливые шаги. *«Ne vous inquiétez pas. Tout va bien»*. «Ничего страшного, все в порядке». Он догнал ее в тот момент, когда она ухватила за фонарный столб, чтобы не упасть.

– Корделия. – Он осторожно обнял ее, пока она пыталась перевести дыхание. – Все хорошо. Ты не сделала ничего дурного, дорогая...

Он внезапно замолчал, как будто сожалел о невольно вырвавшемся ласковом слове. Но Корделии было уже все равно. Она возразила:

– Не надо меня успокаивать. Я по собственной воле стала ее паладином. Все узнают об этом – если даже швейцару в кабаре об этом известно, скоро весь Лондон будет говорить...

– Ничего подобного, – твердо произнес Мэтью. – Допустим, в Нижнем Мире ходят какие-то слухи, но они совершенно не обязательно разойдутся среди Сумеречных охотников. Ты сама видела, как мало интересует нефилимов болтовня вампиров и оборотней. Корделия, *дыши глубже*.

Корделия сделала над собой усилие и вдохнула холодный воздух. Еще раз, и еще. Точки, мелькавшие перед глазами, постепенно исчезли.

– Я не смогу хранить эту тайну вечно, Мэтью. Мне очень хорошо здесь с тобой, но рано или поздно придется вернуться...

– Придется, – вздохнул он. Его голос показался ей усталым. – Я не хочу сейчас думать о будущем, но это не означает, что я о нем забыл. Будущее наступит, от него никуда не денешься. Зачем спешить ему навстречу?

Она печально усмехнулась.

– Неужели оно так ужасно, наше будущее?

– Может быть, и нет, – ответил он, – но я не вижу в нем ни Парижа, ни нас с тобой в Париже. Иди сюда, взгляни.

Она взяла протянутую руку, и он повел ее на середину моста Александра III – город спал, и на мосту не было ни экипажей, ни пешеходов. Она различила очертания золотого купола Дома инвалидов на левом берегу Сены. На правом берегу возвышались выставочные павильоны, Большой и Малый дворцы, освещенные сотнями электрических ламп. Волшебный лунный свет заливал город, и мост мерцал, как огромный слиток белого золота, перекинутый через реку. Позолоченные бронзовые статуи пегасов смотрели на пешеходов с высоких каменных столбов. Река сверкала, словно ковер, расшитый алмазами, и звезды отражались в ее волнах.

Они с Мэтью стояли, держась за руки, и смотрели на воду. Сена пронзала сердце Парижа, как серебряная стрела, – точно так же Темза разделяла Лондон на две части.

– Мы приехали сюда не только для того, чтобы забыть, – заговорил Мэтью, – но и затем, чтобы вспомнить. Вспомнить, что в мире существуют и всегда будут существовать добро и красота. Наши ошибки не смогут отнять у нас то хорошее и прекрасное, что нас окружает. Ничто не сможет. Добро и красота вечны.

Корделия сжала его руку, чувствуя тепло сквозь перчатки.

– Мэтью, ты слышишь сам себя? Если ты веришь в то, что говоришь, то вспомни: к тебе это тоже относится. Ничто не сможет лишить тебя того хорошего, что есть у тебя в жизни. В том числе любви твоих друзей и родных. Они всегда будут любить тебя.

Мэтью наклонился к ней. Они стояли совсем близко друг к другу; Корделия знала, что со стороны они похожи на любовников, которые ищут укромный уголок. Но ей было безразлично, что о ней подумают. Она видела боль на лице Мэтью, в его темно-зеленых глазах. Юноша начал было:

– Как ты думаешь, Джеймс...

И умолк. Никто из них не упоминал имени Джеймса со дня отъезда из Лондона. Мэтью быстро заговорил:

– Может быть, вернемся в отель пешком? Мне кажется, нам нужно проветрить головы.

Они спустились к воде по каменной лестнице. Вдоль набережной Сены тянулся причал, вымощенный булыжником. Днем здесь обычно удили рыбу; сейчас же на причале никого не было, лишь пришвартованные лодки слегка покачивались на волнах. По каменным плитам сновали мыши, разыскивая пропитание, и Корделия вслух пожалела о том, что у нее нет с собой хлеба. Мэтью возразил, что французские мыши, скорее всего, ужасные снобы и едят только французские сыры.

Корделия улыбнулась. Ни остроты Мэтью, ни виды Парижа, ни разумные рассуждения – увы, ничто не могло ее утешить. Она с содроганием думала о том, что произойдет, когда мать узнает о ее договоре с Лилит. Когда об этом узнают в Анклаве. Когда об этом станет известно Уиллу и Тессе. После этого они недолго останутся ее свекром и свекровью, но тем не менее их мнение почему-то было очень важно для нее.

И еще Люси. Сильнее всего пострадает от этого Люси. Они уже столько лет собирались стать парабатами; и вот теперь ей придется бросить подругу, оставить без поддержки в бою, без сестры и защитницы. И она думала: было бы лучше, если бы они никогда не встречались – тогда у нее, Корделии, была бы иная жизнь, другая сестра-парабатай, другие возможности.

– Маргаритка, – негромко произнес Мэтью, сжимая ее руку. – Не хочу тебя беспокоить, но... *слушай*.

Ей передалась его тревога. Она заставила себя выбросить из головы Лилит, Эрондейлов, Анклав. Она оглядела пристань, похожую на туннель: с одной стороны чернела река, с другой вздымалась каменная стена, а город остался где-то наверху, как будто они спустились в подземелье.

Она расслышала какой-то звук. Нет, это не ветер шумел в голых ветвях; это было шипение живых существ и шорох тел, ползущих по мостовой.

Ветер принес отвратительный горький запах.

Демоны.

Мэтью сделал шаг назад, загородив ее собой. Она услышала свист клинка, извлекаемого из ножен, блеснул металл. Оказалось, что внутри трости Мэтью было скрыто оружие. Он отбросил в сторону полую деревяшку, и в этот миг из-под моста полезли какие-то извивающиеся твари.

– *Нага*, – прошептала Корделия. Это были ползучие демоны, похожие на гигантских водяных змей, покрытые черной блестящей чешуей. Но когда они открыли пасти, чтобы зашипеть, она увидела, что их головы похожи на крокодильи морды; вытянутые челюсти были усажены острыми зубами, которые поблескивали в свете уличных фонарей.

Мимо пронеслась какая-то серая волна, по камням застучали крохотные коготки. Мыши, собиравшие объедки у воды, спасались бегством. Демоны приближались.

Мэтью сбросил пальто на мостовую и прыгнул навстречу врагам. Корделия, замерев на месте, смотрела, как он отрубает голову одному демону, потом другому, и ее руки непроиз-

вольно сжались в кулаки. Она *ненавидела* себя в эту минуту. Прятаться за спинами других во время сражения было противно ее природе. Но она знала, что если возьмет в руки оружие, то призовет Лилит и сделается послушным орудием демонессы.

Мэтью вонзил клинок в тело врага – и промахнулся. Демон нага метнулся, как молния, и зубастые челюсти впились в щиколотку Сумеречного охотника.

– Мои *гетры*! – взревел Мэтью и рубанул врага.

Фонтан ихора залил ему брюки, и он, сразу же забыв о жертве, развернулся на сто восемьдесят градусов. Следующий демон с влажным шлепком упал на мостовую. По камням расплывалась черная лужа, хвост подрагивал в агонии. Мэтью попятился с криком боли: на щеке у него алела длинная царапина.

Все было неправильно. Корделия должна была находиться там, рядом с Мэтью, сжимать в руке золотой меч, окрашенный кровью врагов. Она больше не могла сдерживаться: сорвала с себя плащ, схватила полую трость Мэтью и ринулась в бой.

Мэтью, отступая под натиском десятка демонов, что-то кричал ей. Он не мог разделаться со всеми, но велел ей уходить, спасаться. «От Лилит», – закончила она мысленно, но какой смысл будет в ее спасении, если с Мэтью что-то случится?

Она с силой опустила палку, покрытую рунами, на голову какого-то демона, услышала треск черепа, и обмякшее тело исчезло в ином измерении. Мэтью больше не кричал – видимо, решил, что останавливать Корделию бесполезно. Его клинок описал широкую дугу и разрубил черное чешуйчатое тело на две равные части. Корделия ткнула тростью в гущу извивающихся скользких колец, задела кого-то, нанесла смертельную рану. От демона осталась лишь лужа ихора. Корделия ударила снова – и растерялась. Демоны нага поползли назад, прочь от Сумеречных охотников.

– Мы сделали это, – тяжело дыша, выговорил Мэтью и ощупал окровавленную щеку. – Мы прогнали этих ублюдочных...

Он замер. Не потому, что удивился или насторожился. Он просто застыл с рапирой в вытянутой руке, как статуя. Пока Корделия с бешено бьющимся сердцем оглядывалась по сторонам, демоны нага склонили уродливые головы и уткнулись носами в мостовую.

– *Матерь*, – шипели они. – *Матерь*.

У Корделии закружилась голова. По причалу навстречу ей неторопливо шла женщина в черном шелковом платье. Лилит.

Ветер развеивал ее распущенные волосы, как штандарт. Глаза без белков походили на черные стеклянные шарики. Она улыбалась. У нее была очень белая кожа, шея стройная, как колонна из слоновой кости. Когда-то она была так прекрасна, что соблазняла демонов и ангелов. И сейчас Лилит выглядела юной, хотя Корделия подозревала, что за многие века она изменилась, обиды и потери озлобили ее. Демонесса смотрела на смертную девушку со злорадным удовольствием, но выражение ее лица оставалось угрюмым и жестоким.

– Я знала, что ты не сможешь совладать с собой, маленькая воительница, – заговорила Матерь Демонов. – Жажда битвы у тебя в крови.

Корделия отшвырнула бесполезную трость, палка покатилась по булыжнику и остановилась у ног Лилит. Светлое дерево было запятнано ихором.

– Я защищала своего друга.

– Ах да, этого красивого мальчишку, Фэйрчайлда.

Лилит взглянула на Мэтью, потом щелкнула пальцами, и демоны нага уползли прочь, во тьму. Корделия не знала, что думать. Радоваться было рано. Лилит была гораздо опаснее своих подручных.

– У тебя много *друзей*. Тобой несложно манипулировать. – Она склонила голову набок. – Однако прискорбно видеть, как ты, мой паладин, сражаешься этим... этим куском дерева. – Она скорчила презрительную гримасу и поддала трость носком туфли. – Где Кортана?

Корделия улыбнулась.

– Я не знаю.

Она действительно не знала этого. Она отдала меч Алистеру и попросила спрятать его понадежнее. Она надеялась, что брат выполнил ее просьбу. Больше ей ничего не нужно было знать.

– Я устроила так, чтобы ее спрятали, в том числе и от меня, – добавила она. – Чтобы я не могла ее выдать. Можешь делать со мной все что угодно.

– Какая смелая девушка, – насмешливо произнесла Лилит. – В конце концов, именно за это я тебя и выбрала. За храброе маленькое сердце, которое бьется у тебя в груди.

Демонесса сделала шаг вперед, но Корделия не тронулась с места. Она боялась не за себя, а за Мэтью. Лилит вполне могла причинить ему вред или даже убить, чтобы продемонстрировать Корделии свою власть над ней.

В этот момент девушка поклялась себе: если Лилит хоть пальцем прикоснется к Мэтью, она посвятит свою жизнь поискам способа отомстить Матери Демонов.

Лилит перевела взгляд с Мэтью на Корделию, и ее улыбка стала еще шире.

– Я не трону его, – пообещала она. – Пока что. Он и сам успешно сводит себя в могилу, верно? Ты предана своим друзьям, но иногда мне кажется, что ты слишком умна.

– Нет ничего умного, – возразила Корделия, – в том, чтобы выполнять *твою* волю. Меч нужен тебе для того, чтобы убить Велиала...

– Чего и ты сама желаешь, – напомнила ей Лилит. – Возможно, ты рада будешь услышать, что две раны, нанесенные тобой, до сих пор кровоточат. Ничто не может облегчить его страданий.

– Возможно, мы желаем одного и того же, – признала Корделия. – И все равно по-настоящему *умный* человек не отдаст того, что тебе необходимо, – не станет паладином, твоим могущественным орудием. Ты *ничуть* не лучше Велиала. Ты просто ненавидишь его так же, как я. И если я смирюсь с тем, что ты – моя госпожа, возьму в руки оружие, стану твоим паладином, мне придет конец. Конец моей жизни, или, по крайней мере, той жизни, которая стоит того, чтобы ее прожить.

– Значит, ты уверена, что тебя ждет долгая и счастливая жизнь? – Волосы Лилит зашуршали. Возможно, это змеи, которых она обожала, притаились среди густых черных кудрей. – Думаешь, вы устранили все угрозы? Самое серьезное испытание еще впереди. Велиал не отказался от своих намерений. Я тоже слышала шепот, который приносит ветер. *«Они пробуждаются»*.

Корделия вздрогнула.

– Что?.. – начала она, но Лилит лишь рассмеялась и исчезла. Пристань была пуста, и лишь пятна ихора, брошенная одежда и оружие свидетельствовали о том, что недавно здесь произошла драка с демонами.

Мэтью. Она резко обернулась и увидела, что он рухнул на колени. Она подбежала к нему, но он поднялся сам. Алая царапина выделялась на смертельно бледном лице.

– Я слышал, что она сказала, – прошептал он. – Я не мог пошевелиться, но я видел... я все слышал. *«Они пробуждаются»*. – Он взглянул ей в лицо. – С тобой все в порядке? Корделия...

– Прости. – Трясущимися руками она сняла длинные перчатки, нащупала в кармане стил. Она дрожала от холода и от пережитого потрясения. – Дай руку... тебе нужна *иратце*. – Она расстегнула его манжету, отодвинула рукав и начала наносить исцеляющую руну. – Мне так жаль, это из-за меня тебя ранили. Прости...

– Сейчас же прекрати извиняться, – негромко перебил ее Мэтью. – Иначе я закричу. *Ты ни в чем не виновата*.

– Я позволила себя обмануть, – возразила она. На бледной коже Мэтью выделялись голубоватые вены и белые, переплетающиеся, словно кружево, следы ранее нанесенных рун. – Мне хотелось верить, что кузнец Велунд выбрал меня. Какой же я была дурочкой...

– Корделия. – Мэтью неожиданно схватил ее за запястье и стиснул с такой силой, что она выронила стило. Порез на щеке уже начал затягиваться, синяки бледнели. – Посмотри на меня. Я поверил фэйри, убеждавшему меня купить «эликсир правды», якобы безвредный для здоровья. Я едва не убил собственную... – Он резко втянул воздух сквозь зубы, как будто эти слова причиняли ему боль. – Ты думаешь, я не понимаю, что это такое – принять неверное решение, считая, будто поступаешь правильно? Думаешь, кто-нибудь понимает это лучше меня?

– Мне надо отрубить себе руки, чтобы я никогда в жизни больше не смогла взяться за оружие, – прошептала Корделия. – Что я наделала?

– Не смей. – В его голосе прозвучала такая боль, что она подняла голову, хотя до этого у нее не было сил смотреть ему в глаза. – Как только тебе в голову могла прийти мысль причинить себе увечье? Когда ты страдаешь, я тоже страдаю. Я люблю тебя, Маргаритка, я...

Он не договорил. Корделии казалось, что все это ей снится. Она помнила, что сняла плащ, чувствовала, как холод просачивается сквозь тонкую ткань платья. Она знала, что еще не отошла от шока, потому что, несмотря на прошлый опыт, в глубине души не ожидала, что Лилит придет. Она стояла на краю бездны, и из этой бездны отчаяние тянуло к ней свои черные щупальца; подобно сирене, оно стремилось увлечь ее на дно, утопить в страдании, оглушить навязчивым шепотом: *«Ты потеряла Джеймса. У тебя больше нет семьи. Нет парабата. Скоро весь мир отвернется от тебя, Корделия»*.

– Корделия, – заговорил Мэтью. – Прости.

Она прижала ладони к его груди. Сделала глубокий вдох, услышала какой-то хрип в груди. Потом прошептала:

– Мэтью. Обними меня.

Он молча привлек ее к себе. Будущее было темным и неясным, но Мэтью согрел ее, отогнал стусившиеся тени. От него пахло ночным воздухом, одеколоном, потом и кровью. *«Ты – все, что у меня осталось. Прогони тьму. Прогони горькие воспоминания. Удержи меня на краю пропасти»*.

– Мэтью, – спросила она, – почему ты ни разу не попытался поцеловать меня с тех пор, как мы приехали в Париж?

Его рука, гладившая ее волосы, замерла. Он отвечал:

– Ты сказала мне, что я для тебя только друг. Помимо всего прочего, ты замужняя женщина. Возможно, ты считаешь меня пьяницей и никудышным человеком, но у меня еще остались кое-какие понятия о чести.

– Уверена, что в Лондоне наша поездка служит пищей для пикантных сплетен.

– Мне наплевать на сплетни, – воскликнул Мэтью, – и ты должна была уже давно это понять. Но я установил эти границы ради... себя самого. – Его голос дрогнул. – Неужели ты считаешь, что мне не хотелось поцеловать тебя? Я хотел этого каждый день, каждый час, каждую минуту. Но я запретил себе даже думать о таком... И никогда не нарушу запрет, если только... – Его голос выражал отчаяние, тоску, мучительную жажду любви. – Если только ты не скажешь мне, что сдерживать себя больше нет нужды.

Она вцепилась в его рубашку. Притянула его к себе. И прошептала:

– Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

– Маргаритка, не надо так шутить...

Она приподнялась на цыпочки, быстро прикоснулась губами к его губам. На мгновение тьму озарило воспоминание: Комната Шепота, голубоватое пламя в камине, поцелуй Джеймса, первый поцелуй в ее жизни, который разжег в ее крови пожар, не утихавший до сих пор. Нет, приказала она себе. *Забудь. Забудь.*

– Пожалуйста, – добавила она.

– Маргаритка, – хрипло прошептал Мэтью, и силы оставили его. Со стоном он прижал к себе Корделию и склонился к ней.

Когда Брат Захария сообщил ей, что пришел посетитель, Грейс почувствовала, как участилось сердцебиение. Она не могла представить себе посетителя, который принес бы ей хорошие новости. Это не мог быть Джесс; если бы стало известно, что Люси вернула его к жизни, если бы он находился в Лондоне, Захария, разумеется, дал бы ей знать. А если к ней пришла Люси... Наверняка Джеймс уже рассказал Люси правду о браслете и любовных чарах. Если девушка и пришла, то лишь затем, чтобы обвинить ее, обрушиться на нее с проклятиями. То же относилось и к остальным ее знакомым из Лондона.

С другой стороны... она запуталась и не знала, давно ли находится в Городе Костей. Грейс думала, что сидит в тюрьме около недели, но отсутствие солнечного света и нерегулярность допросов у Безмолвных Братьев мешали вести счет времени. Она спала, когда чувствовала усталость, а когда была голодна, кто-нибудь приносил ей поесть. Это была комфортабельная тюрьма, но тем не менее она оставалась тюрьмой. Местом, где царила вечная тишина; иногда Грейс хотелось закричать просто для того, чтобы услышать *человеческий голос*.

К тому моменту, когда в коридоре показалась тень, приближавшаяся к ее камере, она смирилась с судьбой: пусть это будет неприятный разговор, решила она, но он хотя бы нарушит отупляющее однообразие ее существования. Она села на узкой кровати, пригладила волосы. Собралась с силами, приготовилась к...

– Кристофер?

– Здравствуйте, Грейс, – произнес Кристофер Лайтвуд. Он был одет в свой обычный костюм, заляпанный чернилами и прожженный кислотами, и волосы торчали во все стороны, как будто он не причесывался несколько дней. – Я узнал, что вы здесь, и подумал, что должен провести вас.

У Грейс пересохло в горле. Неужели он *не знает*? Неужели Джеймс не рассказал ему о чарах? Нет, он смотрел на нее со всегдашним выражением вежливого любопытства. В его взгляде не было гнева.

– Долго, – очень тихо произнесла Грейс, – долго ли я здесь сижу?

Кристофер, к ее изумлению, покраснел.

– Неделью или около того, – пробормотал он. – Я бы пришел раньше, но только Джем сказал, что я должен дать вам время, подождать, пока вы привыкнете.

Он стоял по другую сторону решетки. Грейс не сразу поняла, что он *извинялся* перед ней за пренебрежение, за то, что не навестил ее раньше.

– О, – воскликнула она, – нет, я вовсе не хотела... Я очень рада, что вы пришли, Кристофер.

Он улыбнулся своей доброй, рассеянной улыбкой, и в его необычных глазах вспыхнул свет. Кристофер не был красавцем в общепринятом смысле слова, и Грейс отлично знала, что многие люди, в том числе, ее мать, сочли бы его бесцветным и непривлекательным. Но Грейс встречала толпы привлекательных мужчин и знала, что красивое лицо и стройная фигура – отнюдь не гарантия ума, душевной чуткости и доброты.

– Я тоже рад, – ответил он. – Я уже давно хотел узнать, как вам здесь живется. Думаю, это очень смелый поступок – сдать Безмолвным Братьям и позволить им изучать себя. Чтобы узнать, сделала ли ваша матушка... сделала ли она с вами что-нибудь ужасное.

«Он действительно ничего не знает». В этот миг Грейс осознала, что не хочет ничего ему рассказывать. По крайней мере, сейчас. Она понимала, что это нечестно, что это нарушение собственного обещания говорить только правду. Но разве Захария не сказал, что они соби-

раются пока хранить в секрете информацию о ее способностях? Промолчав, она всего лишь выполнит приказ Безмолвных Братьев.

Кристофер переминался с ноги на ногу.

– Ну так вот, – смущенно бормотал он, – *я на самом деле* пришел потому, что хотел узнать, все ли у вас в порядке. Но *не только* поэтому.

– Вот как?

– Да, – сказал Кристофер и, торопливо порывшись в карманах брюк, выудил пачку каких-то страниц, аккуратно сложенных в четыре раза. – Понимаете, я уже некоторое время работаю над одним новым проектом – пытаюсь, так сказать, объединить науку простых людей и магию Сумеречных охотников. Видите ли, моя цель – изобрести способ отправки сообщений на дальние расстояния, и я кое в чем преуспел, но потом возникла неожиданная загвоздка, и сейчас я, можно сказать, зашел в тупик, и... о нет, теперь я запутался во фразеологизмах.

Увидев листы, исписанные неразборчивыми каракулями Кристофера, Грейс моментально успокоилась и вдруг поняла, что слегка улыбается.

– У вас научный склад ума, – продолжал Кристофер, – что *очень* редко встречается среди Сумеречных охотников, а Генри слишком занят, чтобы помочь мне, и я думаю, что остальным моим друзьям уже надоело, что их вещи неожиданно загораются. И вот я подумал, может быть, вы это почитаете? Я буду очень благодарен, если вы выскажете свое мнение насчет того, где я мог допустить ошибку.

Грейс улыбнулась по-настоящему, вероятно, впервые с того дня, когда... да, пожалуй, с того дня, когда она в последний раз видела Кристофера.

– Кристофер Лайтвуд, – ответила она, – я с огромным удовольствием помогу вам.

Когда он поцеловал ее, все тревоги, страхи, сожаления, отчаяние куда-то исчезли. Коснувшись ее губ, он неловко пошатнулся, оперся о фонарный столб. Он целовал ее жадно, снова и снова, перебирал ее волосы. Он все крепче прижимал ее к себе, совсем потеряв голову от страсти. Его поцелуи были сладкими, как сахар или леденцовые конфеты.

Она гладила его стройное тело, руки, которыми недавно восхищалась, мускулистую грудь под рубашкой. Кожа Мэтью была горячее, как у больного лихорадкой. Корделия запустила пальцы в его густые локоны – на ощупь они были не такими мягкими, как волосы Джеймса, – прикасалась к его щекам, притянула его голову ближе к себе.

Мэтью снял перчатки, и его ладони заскользили по алому бархату, потом он провел кончиком пальца по ее ключице, по вороту платья. Корделия негромко застонала и почувствовала, как он задрожал всем телом. Юноша уткнулся лицом ей в шею, и она слышала, как быстро-быстро стучит его сердце.

– Мы должны вернуться в отель, Маргаритка, – прошептал он, целуя ее шею. – Надо вернуться, боже мой, иначе я не вынесу и мы опозоримся на весь Париж.

Корделия смутно помнила обратную дорогу. Они нашли одежду, оставили на набережной оружие Мэтью и в каком-то странном полусонном состоянии вернулись в отель. Они несколько раз останавливались под темными арками и целовались. Мэтью прижимал ее к себе с такой силой, что ей было больно; ее прическа растрепалась, и он наматывал на пальцы пряди ее волос.

Это *действительно* похоже на сон, подумала Корделия, когда они проходили мимо стойки портье в гостинице. В какой-то момент ей показалось, что работник пытается привлечь их внимание, но они уже зашли в лифт, украшенный позолотой и хрустальными побрякушками, и начали подниматься. Корделия не смогла сдержать истерический смех, когда Мэтью, прижав ее к зеркальной стене, зарылся лицом в ее волосы. Обняв его за шею, она взглянула на себя в зеркало на противоположной стене. Девушка покраснела и почти походила на пьяную; рукав алого платья был порван. Может быть, это случилось во время стычки с демонами, а может, его разорвал Мэтью – она не помнила.

В номере было темно. Мэтью пинком захлопнул за собой дверь, одновременно трясущимися руками срывая с себя пальто. Его щеки тоже горели румянцем, и Корделия растрепала его золотые кудри. Девушка привлекла его к себе – они так и стояли у входа, но дверь была заперта, и они наконец остались вдвоем. Корделия никогда не видела у Мэтью таких глаз, они стали огромными и черными, как ночь, когда юноша снимал с нее плащ. Одежда с шуршанием упала к ее ногам.

Мэтью знал, как ласкать женщин. Длинные пальцы гладили ее затылок; она подняла голову, подставила лицо его поцелуям. «Пусть не думает, что Джеймс никогда не целовал меня», – промелькнуло у нее в голове, и она ответила на его поцелуй, усилием воли заставив себя забыть о муже. Она обвила руками шею Мэтью, ощущая прикосновение его нежных губ, стройного тела, чувствуя, как напряглись его мускулы. Провела кончиком языка по его нижней губе, и он снова задрожал. Свободной рукой он потянул вниз край ее платья, поцеловал обнаженное плечо, и Корделия услышала свой страстный вздох.

Кто это, отстраненно подумала она, кто эта смелая девушка, которая целуется с юношей в парижском отеле? Не может быть, чтобы это была она, Корделия. Это наверняка какая-то другая молодая женщина, беззаботная, смелая; о, она не будет напрасно страдать по мужу, который к ней равнодушен. Эта женщина *желанна*, ее любят по-настоящему; об этом говорили ей объятия Мэтью, его горячее дыхание, голос, произносивший ее имя, дрожащие руки – казалось, он до сих пор не мог поверить в свою удачу.

– Мэтью, – прошептала она. Она расстегнула его пиджак и гладила тело, прикрытое лишь тонкой рубашкой; он вздрагивал, когда она касалась его груди и живота. – Мы не можем... только не здесь... идем в твою комнату...

– Там беспорядок. Идем к тебе, – сказал он и, закрыв ей рот поцелуем, подхватил на руки. Распахнув высокие стеклянные двери, он принес ее в гостиную, освещенную лишь светом, проникавшим с улицы, светом луны и фонарей. В углах сгустились тени. Мэтью наткнулся на кофейный столик, выругался, потом рассмеялся и поставил Корделию на пол.

– Больно ударился? – прошептала она, не выпуская его рубашку.

– С тобой мне никогда не больно, – ответил он, и его поцелуй был таким жадным, таким жарким, полным такого томительного желания, что он наконец разжег в ней тот, прежний, огонь.

Как прекрасно было снова *чувствовать* что-то, отдаться физическим ощущениям, забыть обо всем, что долгие дни и недели давило, угнетало ее. Она подняла руку, чтобы коснуться его лица, бледного пятна в темноте, и в этот момент в комнате вспыхнул свет.

Она поморгала – лампа на несколько секунд ослепила ее. Это была витражная лампа от Тиффани на письменном столе в углу. Кто-то включил ее. Человек, который сидел в плюшевом кресле у стола. Черный дорожный костюм, белое лицо, обрамленное черными, как вороново крыло, локонами. Глаза, золотые, как электрический свет, как языки пламени.

Джеймс.

7. Кровоточащее сердце

*Я любил тебя, как мало в мире кто любил,
И ужесли для забвенья не хватает сил?
Нет, я вырву это чувство, если б заодно
Вырвать собственное сердце было суждено!*²¹
Альфред Теннисон, «Замок Локсли»

Томасу еще ни разу в жизни не приходилось руководить тайной операцией.

Обычно такие дела планировал Джеймс (по крайней мере, самые важные; Мэтью чаще всего планировал миссии абсолютно фривольные). Этот новый опыт оставил у него неоднозначные впечатления. Пока они с Алистером спускались с крыльца Института, Томас анализировал свои эмоции. С одной стороны, он чувствовал вину перед доброй тетушкой Тессой за то, что обманул ее насчет цели своего визита. С другой – радовался тому, что у него появился секрет, особенно такой, который они делили с Алистером.

Особенно такой секрет, говорил себе Томас, который не вызывал неприятных ассоциаций, не имел никакого отношения к безнадежной любви, ревности, семейным делам и всяким интригам. Алистер, казалось, разделял его чувства; нельзя было сказать, что он лопался от радости, но молчал и, против обыкновения, не отпускал язвительных замечаний по любому поводу. Томас всегда считал, что Алистер прибегает к сарказму машинально, как будто чувствуя необходимость уравновесить хорошие слова или поступки злыми речами.

Спустившись с крыльца, Алистер остановился и сунул руки в карманы.

– Хороший тайник, Лайтвуд, – произнес он вполне нормальным тоном, без брюзжания, которым обычно маскировал хорошее настроение. – Мне бы такое никогда в голову не пришло.

Они были одеты по-зимнему: Томас закутался в твидовое пальто, которое подарила ему Барбара несколько лет назад, а облегающее темно-синее пальто Алистера было сшито по последней моде и подчеркивало линию плеч. Вокруг шеи был повязан темно-зеленый шарф. Солнце в Англии даже летом показывалось довольно редко, а сейчас, зимой, кожа Алистера была еще светлее, чем обычно, отчего ресницы казались темнее. Они обрамляли его черные глаза подобно лепесткам цветка.

«Лепестки цветка»? ЗАМОЛЧИ, ТОМАС.

Томас отвел взгляд.

– Итак, что же случится, когда демоны снова явятся за мечом? Ты скажешь им, что Кортаны у тебя нет, и они уберутся туда, откуда пришли?

Алистер хмыкнул.

– Я думаю, меч каким-то образом притягивает их, они чувствуют его присутствие. Если демоны еще несколько раз навесят меня и поймут, что в нашем доме его нет, они отвяжутся от меня. По крайней мере, у меня такая теория. Надеюсь, она подтвердится, – добавил он, – потому что меньше всего моей матери сейчас нужно, чтобы демоны резвились в ее цветочных бордюрах.

Несмотря на небрежный тон и легкомысленные слова, Томас понял, что Алистер искренне тревожится за мать. Сона Карстерс была беременна, и ребенок должен был появиться на свет совсем скоро. Беременность протекала тяжело, а несколько недель назад на бедную женщину обрушился жестокий удар: ее мужа убили.

– Если я могу быть тебе полезен еще в чем-то, – сказал Томас, – обязательно обращайся. Я люблю быть полезным.

---

²¹ Пер. О. Н. Чюминой.

«А в настоящий момент я могу быть полезным только Кристоферу, который смотрит на меня как на один из своих физических приборов».

Алистер, нахмурившись, оглядел Томаса и заметил:

– Это пальто тебе велико. У тебя, наверное, шея совсем замерзла.

Он снял свой шарф и обмотал его вокруг шеи изумленного юноши.

– Вот так лучше, – сказал он. – Можешь его пока поносить. Отдашь, когда мы в следующий раз увидимся.

Томас невольно улыбнулся. Он понял, что таким образом молодой человек выражает ему свою благодарность. Он вдохнул аромат дорогого мыла тройного помола, аромат Алистера. Алистера, который еще не отпустил концы шарфа и смотрел Томасу прямо в глаза.

Пошел снег. Белые пушинки опускались на волосы Алистера, на его ресницы. У него были такие темные глаза, что зрачки практически сливались с радужными оболочками. Он слегка улыбался, и при виде этой улыбки Томас ощутил прилив желания, настолько сильный, что у него зашумело в ушах. Он хотел прижать Алистера к себе, прямо здесь, у дверей Института, и запустить пальцы в его темные локоны. Он хотел целовать этот рот с приподнятыми уголками, похожими на перевернутые запяты, хотел провести кончиком языка по этим саркастически ухмыляющимся губам.

Но тут он вспомнил о существовании Чарльза. Томас до сих пор не мог толком понять, что же происходит между Алистером и Чарльзом; ведь совсем недавно Алистер навещал бывшего возлюбленного в его доме! Томас не знал, что делать, он колебался, и Алистер, который всегда был чувствителен к настроениям других, к неприязни, настороженности, даже неявной, опустил руку и прикусил нижнюю губу.

– Алистер, – начал Томас, ощущая одновременно холод и жар, а еще почему-то приступ головокружения, – я должен знать, как ты...

Раздался громкий треск, и Томас с Алистером, отскочив друг от друга, потянулись к оружию. В центре двора возник Портал – огромный, гораздо шире обычных. Томас боковым зрением заметил, что Алистер пригнулся, приготовившись к бою, и сжимает в руке короткое копье. Очевидно, им в голову пришла одна и та же мысль. В последний раз неожиданное странное явление во дворе Института оказалось предвестником нападения Принца Ада, вооруженного толстыми щупальцами.

Но они не услышали рева демонов, не увидели потоков морской воды, хлещущих из трещин в каменных плитах. Вместо этого раздался топот лошадей, предупредительный крик, и из Портала на полной скорости вылетела карета Института. Не касаясь колесами земли, она развернулась в воздухе и приземлилась у подножия крыльца с грохотом, от которого содрогнулось все здание. Балий и Ксанф казались очень довольными собой. На месте кучера сидел Магнус Бейн в эффектном белом шелковом шарфе и держал поводья одной рукой. Вид у него был еще более довольный, чем у лошадей.

– Мне стало *интересно*, можно ли проехать сквозь Портал в карете, – объяснил он, спрыгнув на землю. – Оказалось, что да. Восхитительно.

Дверцы кареты распахнулись, и появились пассажиры, не совсем твердо державшиеся на ногах: Уилл, Люси и какой-то незнакомый Томасу юноша. Люси, приветственно помахав Томасу, прислонилась к стенке кареты; ее лицо имело нездоровый зеленоватый оттенок.

Уилл обошел карету, чтобы отстегнуть багаж, а незнакомый мальчишка – высокий и стройный, с прямыми черными волосами и красивым лицом – прикоснулся к плечу Люси. Томас удивился. Такой жест был довольно интимным и считался неприличным, если девушка и юноша не являлись близкими друзьями, родственниками или же не были помолвлены. Вряд ли к Люси сватался мужчина, которого Томас никогда прежде не видел. Сама эта мысль возмутила его, как будто речь шла о его младшей сестре... Джеймса нигде не было видно, поэтому кто-то же должен был возмущаться вместо него!

– А я говорил вам, что это сработает! – крикнул Уилл, обращаясь к Магнусу.

Чародей был занят тем, что при помощи магии перемещал кофры и саквояжи на крыльцо, к дверям Института, и с кончиков его пальцев, обтянутых перчатками, сыпались синие искорки, похожие на рой светлячков.

– Надо было применить этот способ на пути туда, зря мы поехали по дороге!

– Вы *не говорили*, что это сработает, – поправил его Магнус. – Если память мне не изменяет, вы пробурчали: «Клянусь Ангелом, из-за него мы все погибнем».

– Быть того не может, – защищался Уилл. – Ничто не способно поколебать мою веру в ваши возможности, Магнус. И очень хорошо, – добавил он, пошатнувшись, – потому что мое тело сейчас колеблется, и весьма заметно. – Он повернулся к Томасу, ничуть ни удивляясь его присутствию, словно для того было совершенно обычным делом целыми днями слоняться у крыльца Института. – Здравствуй, Томас! Рад тебя видеть. Нельзя ли попросить тебя сбегать к Тессе и сообщить, что мы приехали?

Томас поморгал. Уилл не поздоровался с Алистером, и Томас подумал, что он ведет себя очень невоспитанно; однако, оглянувшись, увидел, что рядом никого нет. В какой-то момент после открытия Портала Алистер незаметно ускользнул.

– Конечно, – пробормотал Томас, – но... где же Джеймс?

Уилл и Магнус переглянулись, и у Томаса едва не остановилось сердце. После смерти Барбары, после всего, что произошло за последние полгода, он не вынесет, если Джеймс...

– С ним все в порядке, – быстро произнесла Люси, очевидно, догадавшись обо всем по его лицу.

– Он сейчас в Париже, – добавил незнакомый юноша. Он смотрел на собеседника с сочувствием, и это переполнило чашу терпения Томаса. Томас даже не знал, *кто это*, и уж тем более ему не нужны были сострадательные взгляды посторонних.

– А вы кто такой? – резким тоном спросил он.

Последовало короткое молчание, во время которого Магнус, Уилл, Люси и черноволосый мальчишка многозначительно переглядывались, явно размышляя о чем-то, неизвестном Томасу. У того сжалось сердце от дурного предчувствия, и в этот момент Уилл заговорил:

– Томас, я вижу, мы должны тебе все рассказать. Наверное, все наши самые близкие родственники и друзья заслуживают объяснения. Пойдем с нами в Институт. Пора провести небольшое совещание.

Корделия застыла. В первое мгновение она решила, что ей это снится, что Джеймс – всего лишь видение, кошмарное порождение ее воображения. Но нет, он действительно находился здесь, в их номере, хотя это было невероятно, невозможно; его лицо было бесстрастным, но в золотых глазах полыхало адское пламя.

Мэтью тоже видел его.

Он разжал объятия, и они отошли друг от друга, но Мэтью при этом не особенно торопился и не пытался сделать вид, будто ничего не произошло. И действительно, зачем было притворяться? Ситуация была унижительной, Корделия чувствовала себя глупо, ей было стыдно, неловко, но она знала, что на самом деле Джеймсу *все равно*.

Она взяла руку Мэтью и сжала его пальцы. Его рука была холодна, как лед, но он заговорил вполне дружелюбным тоном:

– Джеймс. Не думал, что увижу тебя здесь.

– Я это понял, – ответил Джеймс. Он говорил спокойно, его лицо было бесстрастным, но он был белым, как мел, и черты его лица заострились, как будто кожа была слишком туго натянута на череп. – Ты не думал. Я тоже не думал... – Джеймс тряхнул головой. – Что я вам помешаю.

– Разве ты не получил мое письмо? – спросил Мэтью, и Корделия резко обернулась к нему; она впервые слышала о каком-то письме, адресованном ее мужу. – Я тебе все объяснил...

– Да. Я получил его, – медленно произнес Джеймс.

Его пиджак был брошен на спинку стула, стоявшего рядом. Он сидел в рубашке и брюках, и одна подтяжка сползла с плеча. Корделия подавила порыв подойти к нему, поправить одежду, убрать со лба растрепанные волосы. Он безостановочно вертел в руках какой-то предмет – присмотревшись, Корделия разглядела в полумраке зеленую бутылку.

– Что-то случилось? – спросила Корделия.

Внезапно у нее что-то оборвалось внутри – она вспомнила о матери. О том, что Сона со дня на день должна родить. Но нет; если бы с матерью произошло что-нибудь, Алистер обязательно сообщил бы ей. Он знал, в каком отеле она остановилась.

– Ты приехал в Париж...

– Я приехал бы на неделю раньше, – негромко сказал Джеймс. – Я приехал бы в ту ночь, когда мы расстались, но мне пришлось задержаться из-за Люси.

– Люси? – У Корделии пересохло в горле. – Но что с ней могло... она здорова?

Джеймс наклонился вперед.

– Она покинула Лондон в ту же ночь, что и вы, – произнес он медленно, осторожно выбирая слова. – Это связано с Джессом Блэкторном. Отец велел мне ехать с ним, чтобы забрать ее домой. У нее все в порядке, – добавил он и поднял руку в успокаивающем жесте, – и она хочет поскорее вас увидеть. Я тоже хотел как можно скорее увидеть вас.

– Она бежала из Лондона из-за Джесса Блэкторна? – удивилась Корделия. – Потому что он умер? Но куда, зачем она могла поехать?

Джеймс покачал головой.

– Я не могу говорить об этом. Люси сама расскажет тебе.

– И все-таки я не понимаю, – вмешался Мэтью. На лбу у него пролегла тонкая морщинка. – Ты сказал, что последовал бы за нами в Париж, если бы не Люси... Но мы решили...

– Что ты будешь счастливо проводить время в обществе Грейс. – Произнося эти слова, Корделия испытала острую боль, как будто ей в сердце вонзился шип. Она стиснула зубы, чтобы не выдать себя.

Джеймс улыбнулся. Корделия никогда не видела, чтобы он так улыбался: горько, презрительно, но это презрение было обращено не на них. Казалось, он презирает себя самого.

– *Грейс*, – повторил он. – У меня нет ни малейшего желания провести хотя бы минуту в ее обществе. Она мне отвратительна. Я готов на все что угодно, лишь бы никогда в жизни больше не встречаться с ней. Корделия, Эффи рассказала мне о том, что ты видела...

– Ясно, – перебила она. Девушка испытала странное чувство, как будто парила высоко над полом и смотрела на себя со стороны. Рядом тяжело, как загнанный зверь, дышал Мэтью. Корделия продолжала: – В тот вечер мне не показалось, что она тебе отвратительна, Джеймс. Ты обнял ее и сказал...

– Я помню, что я сказал.

– Это было в тот вечер, когда я уехала в Париж, – воскликнула Корделия, – *в тот самый вечер!* И теперь ты смеешь уверять меня, что хотел последовать за мной?

Когда Джеймс заговорил, его голос был хриплым, мрачным и горьким, как воздух в царстве Велиала.

– Я примчался сразу, как только смог. Я хотел видеть вас обоих. Я подумал, что если я все объясню вам...

– Джеймс, – вмешался Мэтью. Его голос дрогнул. – Ты же *не любишь* ее.

– Я был полным идиотом, – вздохнул Джеймс. – Я готов это признать. Я ошибался насчет собственных чувств. Я ошибался насчет нашего брака. Я не считал его настоящим, но он *был*

настоящим. Это самое реальное, что было у меня в жизни. – Он посмотрел Корделии в лицо. – Я хочу исправить свои ошибки, собрать и склеить осколки, вернуть все, что было. Я хочу...

– А тебе не приходило в голову задуматься о том, чего *я* хочу? – И Корделия сильнее сжала руку Мэтью. – Тебе, наверное, кажется, что я уже забыла, как на всех балах и вечерах ты смотрел только на Грейс, не обращая внимания на меня! Что ты целовался с ней уже после нашей свадьбы! Если я оскорбила тебя, уехав в Париж с Мэтью, что ж, мне жаль. Но я не думала, что мои поступки так интересуют тебя.

– Ты не думала, что твои поступки интересуют меня, – повторил Джеймс и взглянул на бутылку, которую по-прежнему держал в руках. – Знаете, я сижу здесь уже несколько часов. Я решил было выпить этой дряни, подумал, что это придаст мне храбрости, но на вкус она хуже самого смертоносного яда. Мне удалось сделать лишь один глоток. Как ты можешь вливать это в себя, Мэт, я не представляю.

Он поставил полупустую бутылку на стол, и Корделия только в этот момент заметила зеленую этикетку с белыми буквами: *ABSINTHE BLANQUI*.

Мэтью не шевелился.

– Это не его бутылка, – возразила Корделия.

Джеймс удивленно приподнял брови.

– Я взял абсент в его спальне...

«Нет», – мысленно произнесла Корделия. Джеймс, по-видимому, все еще не понимал, что происходит.

– Ты заходил в мою спальню? – прошипел Мэтью, и после этих слов надежда на то, что произошла какая-то ошибка, что алкоголь не принадлежит Мэтью, окончательно покинула ее.

– Я искал тебя, – объяснил Джеймс. – Я увидел абсент и шерри-бренди – наверное, надо было взять ликер, но, видно, я плохо разбираюсь в крепких напитках. Я... – Он взглянул на Мэтью, белого как полотно, потом на Корделию, и нахмурился. – В чем дело?

Корделия вспомнила вкус губ Мэтью, когда они целовались на мосту. Сладкий, как леденец... *Шерри-бренди*. Девушка выпустила руку Мэтью, прижала ладони к груди, сплела пальцы, чтобы никто не заметил, как они дрожат. Какой же она была дурочкой! Дурочкой, которую жизнь и смерть отца ничему не научили.

Она могла бы сейчас наброситься на Мэтью с упреками, накричать на него, назвать лжецом в присутствии Джеймса. Но он выглядел таким ошеломленным и несчастным. Мэтью стоял неподвижно, уставившись в одну точку, и только мускул подергивался у него на лице.

– Мне не следовало появляться здесь, – заговорил Джеймс, переводя взгляд с друга на жену.

В его глазах Корделия видела гнев, любовь, надежду и отчаяние. Она ощутила желание ободрить, утешить его и тут же возненавидела себя за это.

– Корделия, скажи мне, чего ты хочешь. Если ты хочешь быть с Мэтью, я уйду... исчезну из твоей жизни. Я не желаю причинять боль ни тебе, ни ему...

– Ты же *знал*, – прошептал Мэтью. – Я написал тебе в письме, что люблю Корделию. И вот ты являешься сюда, словно какой-то темный ангел, Джейми, говоришь Корделии, что она *внезапно* заинтересовала тебя как женщина...

– Ты написал только о том, что *ты* чувствуешь, – проговорил Джеймс, и его лицо покрыла смертельная бледность. – Мне нужно, чтобы Корделия сама сказала, с кем она предпочитает быть.

– Во имя Ангела, – застонал Мэтью, откинув голову назад. – Для меня нет и не будет избавления, да? Ничего хорошего в жизни, никогда...

– *Прекратите*.

Корделия вдруг почувствовала страшную усталость. Такая же, подобная морской волне, иногда накатывала на нее после сражения; ее как будто увлекало в морскую пучину, и она безвольно опускалась на дно, будучи не в состоянии сопротивляться.

– Я не желаю становиться причиной ссоры между вами двоими. Этого не будет. Если у вас появились какие-то разногласия, улаживайте их сами. А я пойду укладывать чемодан и завтра возвращаюсь в Лондон. Жаль, что ты проделал такой утомительный путь напрасно, Джеймс. Мэтью, мне тоже жаль... что я поехала с тобой в Париж. Это была ошибка. Доброй ночи.

Когда она закрывала за собой дверь спальни, из гостиной донесся голос Мэтью. Она никогда не слышала, чтобы тот говорил с такой горечью и злобой.

– Будь ты проклят, Джеймс.

Через несколько секунд хлопнула дверь номера. Мэтью ушел.

Джеймсу потребовалось минут пять или десять для того, чтобы набраться храбрости и постучать в дверь Корделии.

Он без особого труда разузнал у портье, в каком номере живут Мэтью и Корделия, сказав, что у него имеется сообщение. Поднялся на лифте, изобразил на двери Открывающую руну и принялся ходить по комнатам, искать их.

Сначала он зашел в спальню Мэтью; тот даже не попытался спрятать бутылки из-под бренди и абсента – большинство пустых, несколько початых. Они выстроились на подоконнике, словно зеленые стеклянные часовые. Повсюду, на спинках стульев, на полу, валялась небрежно брошенная одежда, мятые жилеты, гетры.

В комнате Корделии он провел всего минуту. В воздухе еще витал запах ее духов, косметики: пряности и жасмин. Воспоминания, вызванные этим сладким ароматом, были слишком свежими, слишком болезненными, и Джеймс сбежал в гостиную с одной из зеленых бутылок Мэтью, но не смог заставить себя выпить и рюмки. Горький напиток обжигал ему горло.

Он вспомнил облегчение, испытанное после того, как он понял, что Мэтью и Корделия спят в разных комнатах. Он сказал себе тогда, что не стоит удивляться. Мэтью все-таки был джентльменом, как бы сильно его ни влекло к Корделии. Он, Джеймс, поговорит с ними, расскажет о своих чувствах. Еще ничто не потеряно, думал он.

А потом он услышал, как открывается входная дверь. Он услышал их: негромкий смех, шорох одежды. Не подозревая, что он находится в комнате, они вошли в темную гостиную; двигаясь беззвучно, словно две тени, два призрака. Мэтью опустил Корделию на пол, продолжая обнимать, гладил ее тело, грудь, талию, бедра, и она целовала его, запрокинув голову, вцепившись ему в волосы... И Джеймс с болезненным чувством вспомнил, каково это – целовать Корделию, вспомнил сжигающую его страсть, жаркую, мучительную, нестерпимую. Он почувствовал отвращение к самому себе, стыд, отчаяние... Он даже не помнил, как потянулся к шнуру и включил лампу.

Итак, он объявил о своем присутствии, и вот чем все закончилось. Мэтью ушел, и Джеймс понял, что должен поговорить с Корделией. Должен рассказать ей всю правду, несмотря на возникающую неловкость.

Он дважды постучал и открыл дверь. Комната была отделана в светлых тонах: обои и полог кровати серовато-зеленого оттенка, ковер цвета листьев шалфея с золотыми полосками. Джеймс вдруг вспомнил платья, которые Корделия носила, когда ее семья переехала в Лондон. На обоях повторялись узоры из геральдических лилий и лент цвета слоновой кости. Мебель была украшена позолотой; небольшой письменный стол стоял у высокого арочного окна, из которого были видны огни Вандомской площади.

Маргаритка была посередине комнаты – она как раз несла платье в полоску из гардероба на кровать, где была разложена остальная одежда. Увидев его, она остановилась.

Корделия вопросительно приподняла брови, но ничего не сказала. Ее волосы были уложены в замысловатую высокую прическу, которая теперь была в беспорядке. Длинные пряди цвета красного дерева падали ей на плечи. Ее платье было почти такого же оттенка; Джеймс никогда его не видел, а он думал, что помнит наизусть все ее платья. Бархат плотно облегал бюст, талию и бедра и спадал на пол пышными складками, и очертания ее фигуры напомнили ему колокольчик.

Тревога, которая сдавливала ему грудь, уступила место болезненному трепету. Он не был так близко от нее с того момента, когда понял, как сильно любит ее на самом деле. Ему захотелось закрыть глаза и отдаться этому ощущению наслаждения, смешанного с болью, – тело реагировало на ее присутствие, хотя разум твердил ему, что сейчас его страсть не встретит взаимности. Оно вело себя так, словно неделю было лишено пищи, а сейчас перед ним поставили чудеснейшие яства. «Давай же, идиот, – как будто говорило ему тело. – Прикоснись к ней. Обними ее. Целуй ее».

Как Мэтью.

Джеймс сделал глубокий вдох.

– Маргаритка, – заговорил он. – Я хотел тебе сказать... я так и не извинился перед тобой.

Она повернулась к нему спиной, подошла к кровати и положила на постель полосатое платье. Не выпрямляясь, принялась возиться с пуговицами.

– За что?

– За все, – пробормотал он. – За мою глупость, за то, что я оскорбил тебя, дал тебе понять, что люблю *ее*, хотя на самом деле это была не любовь. Я не хотел причинять тебе боль.

Услышав это, она все-таки подняла голову. Ее глаза потемнели, кровь прилила к щекам.

– Я знаю, что ты не хотел причинять мне боль. Потому что ты вообще не думал обо мне.

Она говорила низким, хриплым голосом – таким же голосом она когда-то, так давно, читала ему поэму «Лейли и Меджнун». Тогда он влюбился в нее. Он любил ее с тех пор, сам не зная об этом; несмотря на чужое влияние и демонические чары, все эти годы ее голос приводил его в смятение.

– Я все время думал о тебе, – сказал Джеймс. Это была правда; он *на самом деле* думал о ней, мечтал о ней, видел ее во сне. Увы, браслет нашептывал ему, что все это ничего не значит. – Я хотел, чтобы ты была моей. С самого начала.

Она повернулась к нему лицом. Кроваво-красное платье сползло с плеча, он видел нежную золотистую кожу. Она блестела, как атлас, и была такой гладкой на ощупь – он вспомнил это и едва не застонал вслух от болезненного желания. Как же он мог жить с ней в одном доме несколько недель и не целовать ее, не прикасаться к ней каждый день? Сейчас он отдал бы полжизни за то, чтобы получить второй шанс.

– Джеймс, – произнесла она. – Я *была* твоей. Мы были женаты. Ты мог бы сказать эти слова в любой момент, но ты не сказал их. Ты говорил, что любишь Грейс; теперь ты говоришь, что любишь меня. Какой вывод, по-твоему, я должна сделать из этих признаний? Что ты желаешь лишь ту женщину, которую не можешь получить? Грейс пришла к тебе в дом, я видела ее, и... – Ее голос задрожал. – И теперь ты решил, что ничего к ней не чувствуешь, но хочешь, чтобы я вернулась к тебе и стала твоей женой. Как я могу после этого верить тебе? Скажи мне. Скажи мне, почему я должна считать *эту* твою любовь настоящей, искренней.

«Вот оно», – подумал Джеймс. Настал момент, когда ему следовало сказать: «Все было не так, я сейчас тебе объясню. Меня околдовали; я думал, что влюблен в Грейс, но это было воздействие темной магии; я не мог рассказать тебе об этом раньше, потому что сам не знал, что происходит, но теперь все открылось, я избавился от чар и...»

Он прекрасно понимал, как это звучит. Во-первых, его история была похожа на детскую сказку. Но дело было даже не в этом. Он сумел бы ее убедить, тем более после возвращения в Лондон. Нет, ему мешало другое.

Он снова представил себе Корделию в объятиях Мэтью. Встреча в гостинной потрясла его до глубины души. Он не знал, что ожидал увидеть, и радость встречи – он ужасно скучал по ним обоим – быстро погасла, сменившись дикой ревностью и яростью, изумившими его самого. Ему захотелось что-нибудь разбить, сломать.

Он вспомнил, как Мэтью хлопнул дверью, выходя из номера. Может быть, он сломал что-нибудь из мебели.

Однако кроме собственного гнева, Джеймс помнил и еще кое-что. Думать об этом было так же больно, как резать себе руку бритвой. Но он все же сделал над собой усилие, вызвал в памяти эту сцену, попытался забыть о собственном разочаровании и гневе и увидел, как они *выглядели* – такими счастливыми он уже очень давно не помнил ни Корделию, ни Мэтью. Всю последнюю неделю он цеплялся за воспоминания о безмятежной жизни в новом доме на Керзон-стрит, но даже в те дни в ее темных глазах он угадывал грусть.

Возможно, в обществе Мэтью она забыла свои печали. Возможно, убедившись в том, что Джеймс никогда не полюбит ее, что их брак так до конца и останется ложью, Корделия сумела найти счастье с мужчиной, который мог прямо сказать, что любит ее, безо всяких оговорок и недомолвок.

Направляясь в Париж, Джеймс был твердо намерен рассказать Корделии правду о коварстве Грейс и магическом браслете. Рассказать, что для него всегда существовала и будет существовать только она, его жена. Но сейчас он понял, что таким образом лишит ее свободы выбора. Она была такой доброй, его Маргаритка, она была из тех девушек, что плачут, увидев на улице больного котенка. Узнав, что сотворили с ним Грейс и Велиал, что они сделали его своей марионеткой, Корделия преисполнится жалости к нему. Она почувствует себя обязанной остаться с ним, быть ему верной женой – из-за одной только доброты и жалости.

Искушение было сильным. Искушение сказать правду, принять ее доброту и ее жалость, приковать ее к себе цепями брака. Увезти ее с собой, в их общий дом. Все будет как прежде: они будут играть в шахматы, разговаривать обо всем на свете, гулять, обедать вместе, и когда-нибудь он завоюет ее с помощью подарков, нежных слов и преданности.

Он на миг представил себе эту картину: они вдвоем у камина в кабинете, Корделия улыбается, распущенные волосы скрывают ее лицо. Она смотрит на него, подперев голову рукой. «О чем ты думаешь, любовь моя?»

Он решительно прогнал эту мысль – прихлопнул ее, как мыльный пузырь. Доброта и жалость – это не любовь. Без свободы нет любви; он потратил даром несколько лет жизни, но кое-чему отвратительная история с браслетом все же его научила.

– Я тебя люблю, – сказал он. Он понимал, что этого недостаточно, понял еще прежде, чем она с усталым, страдальческим выражением лица закрыла глаза. – Да, я считал, что люблю Грейс, но она оказалась совсем не такой, какой я ее себе представлял. И, наверное... я долго не хотел верить в то, что мог настолько сильно ошибиться, особенно в таких важных вещах. То время, что мы с тобой провели вместе после свадьбы, Маргаритка, это было... самое счастливое время в моей жизни.

«Вот так», – горько произнес он про себя. Это была не полная правда, но хотя бы часть правды.

Она медленно открыла глаза.

– Это все, что ты хотел мне сказать?

– Не совсем, – ответил он. – Если ты любишь Мэтью, скажи мне об этом сейчас. Я не буду больше вам докучать. Мы разведемся, и вы будете счастливы.

Корделия медленно покачала головой. Впервые он заметил, что она колеблется. Наконец она произнесла:

– Я не... я не знаю. Джеймс, мне нужно время, чтобы все это обдумать. Сейчас я не могу дать тебе определенный ответ.

Она подняла руку и прикоснулась к груди, видимо, не осознавая, что делает, и Джеймс вдруг увидел в вырезе платья золотую подвеску. Ту самую, в виде земного шара, которую он подарил ей через две недели после свадьбы.

Сердце его дрогнуло. Крошечная искорка надежды, отчаянной, безумной надежды зажглась в груди.

– Но ты не уходишь от меня? – прошептал он. – Ты не потребуешь развода?

Она едва заметно улыбнулась.

– Нет... пока нет.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас прижать ее к себе, коснуться губами ее груди, ласками и поцелуями доказать ей свою любовь, которую были бессильны выразить слова. Он сражался с Велиалом, дважды одерживал верх над Принцем Ада, но никакие подвиги и сражения не могли сравниться с этим новым испытанием. Труднее всего сейчас было кивнуть, повернуться спиной к Корделии и уйти, не сказав больше ни единого слова, не задав ни единого вопроса.

Он все же заставил себя сделать это.

8. Без надежды

Да, часто, часто, а может быть и постоянно, я с грустью говорил себе, что люблю без поощрения, без надежды, наперекор разуму, собственному счастью и душевному покою. Да, я любил ее не меньше от того, что понимал это²².

Чарльз Диккенс, «Большие надежды»

Ариадна впервые проснулась в чужой постели и, сонно моргая, подумала: неужели это всегда бывает так странно? Она не сразу поняла, где находится; свет из окна падал под другим углом, не так, как в ее спальне, и шторы были другого цвета. А потом она вспомнила, что спала в комнате *Анны*, и позволила себе несколько мгновений насладиться этим моментом. Она спала там, где спала Анна, где она ложилась каждый вечер, где ей снились сны. Они стали далеки, как будто их разделяла стеклянная перегородка; они видели друг друга, прижимали ладони к стеклу, но чувствовали лишь холод. Она вспомнила, как обнимала Анну в Комнате Шепота, как пальцы Анны играли шелковой лентой для волос...

Но минута прошла, и, вернувшись к реальности, Ариадна мысленно выругала себя за романтические бредни. Это все потому, что я еще не проснулась, сказала она себе.

Анна навсегда отказалась от любви, так она сказала, и Ариадна вынуждена была с этим смириться. Анна словно отсекала некую часть своей души, чтобы защитить остальное, и Ариадна не могла спасти эту частицу души, не могла ее оживить.

Вода в кувшине на умывальном столике покрылась тонким слоем льда. Девушка быстро умылась, заплела волосы в косы и надела вчерашнее платье; оно отсырело и измялось, но Ариадна не взяла с собой запасной одежды. Придется купить несколько новых платьев, подумала она.

Девушка осторожно приоткрыла дверь в гостиную, боясь разбудить Анну. Оказалось, что та не только уже проснулась, но и принимает гостей. За завтраком сидели брат Анны, Кристофер, и, как это ни странно, Евгения Лайтвуд. Они уже допивали чай. Евгения, которую Ариадна в общем считала приятной девушкой, но едва ли стала бы заводить близкую дружбу, улыбнулась и помахала ей. Неизвестно было, что Анна рассказала ей о причинах появления Ариадны в квартире, но Евгению это обстоятельство ничуть не смущало.

– Ах, Ариадна. Не хотела тебя будить, – жизнерадостным тоном произнесла Анна. – Будешь завтракать? К сожалению, у меня только чай и тосты. Кристофер, подвинься, уступи место.

Кристофер, роняя крошки, покорно отодвинулся в угол стеганого дивана, который подтащили к столу вместо стульев. Ариадна села рядом с ним, взяла с подставки тост и начала намазывать его маслом. Анна с безмятежным видом налила ей чашку чая.

– Никогда не понимала, зачем придумали подставки для гренок, – пробормотала Евгения. – Единственный результат их использования – это то, что гренки остывают почти мгновенно.

– Анна, – заговорил Кристофер, – я недавно провел кое-какие исследования, и... э-э, если ты мне разрешишь, я нанесу всего лишь парочку маленьких рун на дно твоего чайника, прежде чем ты поставишь его на огонь, чтобы...

– Не надо, Кристофер, – перебила Анна и похлопала брата по плечу. – Ариадна, как видишь, я уже собрала команду для выполнения сегодняшней миссии.

Ариадна недоуменно поморгала.

---

²² Пер. М. Лорие.

– Какой миссии?

– Миссии, целью которой является упаковка твоих вещей и переезд из дома твоих родителей, конечно же.

Ариадна моргнула еще несколько раз.

– Мы собираемся сделать это *сегодня*?

– Это так увлекательно! – воскликнула Евгения, сверкнув темными глазами. – Обожаю опасные миссии.

– Твоя матушка, как мы все понимаем, – продолжала Анна, – будет крайне огорчена тем, что единственная дочь покидает родительский кров, и мы намерены присутствовать при этом событии, чтобы смягчить удар. Видишь ли, миссис Бриджсток доверяет Евгении, – при этих словах Евгения приложила руку к груди и слегка поклонилась, – и, увидев ее, успокоится, пусть и ненадолго. Я, с другой стороны, являюсь подозрительным элементом и заставлю хозяйку дома держаться настороже. Таким образом я надеюсь избежать слез, истерик, воспоминаний о твоём детстве, а возможно, и того и другого вместе.

– Скорее всего, будет и то и другое, – нахмурилась Ариадна. – А зачем нам Кристофер?

– Во-первых, присутствие Кристофера как авторитетного представителя сильной половины Анклава обеспечит нам моральную поддержку...

– Вот так-то! – вставил Кристофер с довольным видом.

– ...а во-вторых, он мой младший брат и обязан делать то, что я скажу, – закончила Анна.

Жуя тост, Ариадна размышляла. Да, это был хитроумный план. Мать, которая превыше всего ставит соблюдение правил этикета, будет вести себя любезно в присутствии посторонних. Кроме того, трое Лайтвудов займут ее разговорами, и даже если она заметит, что Ариадна выносит вещи из дома, то ни за что не устроит сцену при гостях. Это было бы вопиющим нарушением приличий.

У плана было и другое достоинство: он отвлекал от мыслей, что Ариадна проснулась в постели Анны, и от опасных размышлений о прошлом и будущем.

– К сожалению, – заметил Кристофер, – у нас не так много времени. Ближе к полудню нас троих ждут в Институте.

Евгения с раздраженным видом подняла глаза к потолку.

– Ничего серьезного там не будет. Просто дядя Уилл хочет, чтобы мы участвовали в подготовке к рождественскому приему.

– Прием все-таки состоится? – удивилась Анна. – После всего, что здесь недавно произошло?

– Никто и ничто не может помешать Эрондейлам устроить свой рождественский прием, – заявил Кристофер. – Если дядя Уилл намерен повеселиться, даже Принцу Ада придется подождать. И потом, ожидание праздника поднимет нам всем настроение, согласны?

Ариадна невольно покосилась на Евгению и задала себе вопрос, что та думает насчет слов Кристофера. Ведь именно на балу в Институте летом этого года сестра Евгении, Барбара, упала в загадочный обморок, а вскоре после этого умерла от яда демона.

Но если Евгения и вспомнила об этой трагедии, она ничем не выдала себя. Она держалась уверенно и пребывала в хорошем настроении, пока они выходили из квартиры и садились в экипаж Лайтвудов.

Только в карете, пока они ехали по Перси-стрит в сторону Кавендиш-сквер, Ариадна вдруг сообразила, что если они заберут ее вещи сегодня, то отвезти чемоданы ей будет некуда – только в квартиру Анны. Но ведь Анна тоже об этом наверняка подумала. Ариадна попыталась поймать ее взгляд, но та была занята разговором с Евгенией насчет квартала, где можно найти подходящую квартиру для одинокой молодой женщины.

Значит, Анна не рассчитывала долго жить под одной крышей с Ариадной. Она хотела поскорее уладить ситуацию, пока та не стала неловкой. С другой стороны, Анна вовсе не выгля-

дела смущенной: она была милой, любезной и веселой, как обычно. Она надела эффектный жилет в розовую и зеленую полоску, похожий на рождественскую конфету; Ариадна была уверена, что жилет позаимствован у Мэтью. Глаза у нее были темно-синими, как садовые фиалки. «Скоро ты будешь говорить, что ангелы ликуют на Небесах, когда она смеется, – сурово упрекнула себя Ариадна. – Поменьше сентиментальности».

Вскоре карета остановилась у крыльца особняка Бриджстоков. Поднявшись по ступеням, Ариадна остановилась. Ей в голову пришла тысяча причин, по которым план мог сорваться. Но Анна смотрела на нее в ожидании – очевидно, она была полностью уверена в том, что Ариадна способна справиться с ситуацией. Этот взгляд заставил девушку расправить плечи и придал ей решимости. Она изобразила улыбку, открыла дверь своим ключом и, войдя в холл, крикнула притворным легкомысленным тоном:

– Матушка, только *посмотри*, кого я встретила сегодня утром!

Мать появилась на лестничной площадке. Флора была одета в то же платье, что и вчера днем, и видно было, что она провела бессонную ночь: она осунулась, глаза были обведены синими кругами. Когда их взгляды встретились, Ариадне показалось, что на лице матери мелькнуло выражение облегчения.

«Неужели она *волновалась* из-за меня?» – удивилась Ариадна, но мать уже заметила в дверях Анну, Кристофера и Евгению, и на ее губах появилась искусственная улыбка.

– Евгения, дорогая, – ласково произнесла она, спускаясь по лестнице. – И молодой мастер Лайтвуд... Здравствуй, Анна... – Возможно, это была игра воображения, но Ариадна подумала, что Флора Бриджсток приветствовала Анну без особого радушия. – Как поживают ваши дорогие родители?

Евгения немедленно начала рассказывать длинную историю о том, как Гидеон и Софи искали новую горничную. Последняя горничная куда-то исчезла, и потом оказалось, что она целыми днями катается по городу на omnibusax; все это время уборкой занималась команда местных домовых.

– Ужасно. Ужасные времена настали, – услышала Ариадна голос матери. Евгения ловко провела ее в гостиную, Анна и Кристофер следовали за ними. Ариадна подумала, что недооценила Евгению. Из этой девицы получилась бы превосходная шпионка.

Обменявшись быстрыми взглядами с Анной, Ариадна взбежала по лестнице, нырнула в свою комнату, достала из шкафа чемодан и принялась собирать вещи. Как трудно, думала она, упаковать за полчаса вещи, накопившиеся за всю жизнь! Разумеется, она взяла одежду, книги, а также сокровища, хранившиеся у нее с детства: сари, которое принадлежало ее родной матери, *пату*, индийский меч отца, старенькую одноглазую куклу, подарок Флоры Бриджсток.

Снизу донесся неестественно громкий голос Анны:

– Кристофер все утро развлекал нас докладами о своих последних научных работах! Кристофер, расскажи миссис Бриджсток, чем ты сейчас занимаешься.

Ариадна знала: это означает, что мать начинает проявлять признаки беспокойства. У нее осталось совсем немного времени.

Она едва успела сложить в чемодан броню и взялась за рукоять *паты*, когда в дверях появилась Анна.

– Ага, ты почти готова, – сказала она. – Кристофер в ударе, но я уже вижу, что твоя матушка скоро попытается его перебить.

Ариадна поднялась с кровати и вытерла пыльные руки о юбки. Она нарочно старалась не смотреть по сторонам, на знакомую мебель, на покрывало, которое приемная мать связала для нее еще до того, как она приехала из Индии.

– Я готова.

Вместе они донесли чемодан до парадной двери, умудрившись не стучать им о *каждую* ступеньку. Когда они проходили мимо дверей гостиной, мать на мгновение отвернулась от

Кристофера, сидевшего на диване, и посмотрела на нее. У миссис Бриджсток было бледное, усталое лицо. Ариадне пришлось призвать на помощь всю силу воли, чтобы остаться на месте. Ей так хотелось подбежать к матери, спросить, как она себя чувствует, принести ей чашку чая, как она обычно делала в трудных ситуациях.

Кучер подъехал к крыльцу, чтобы забрать чемодан, потом девушка вернулась в дом. Она слышала голос Евгении, которая рассказывала очередной анекдот из жизни семьи Лайтвудов. Ариадне нужно было, чтобы Лайтвуды еще ненадолго отвлекли мать – тогда она успела бы сбежать в оранжерею и забрать клетку с Уинстоном.

В конце концов, попугай принадлежал ей, это был подарок родителей. Конечно, она *не спрашивала* у Анны, согласна ли та держать попугая в тесной квартире, но ведь Ариадна – а значит, и Уинстон – не собирались там надолго задерживаться.

Она уже приготовилась бежать за Уинстоном, когда с улицы донесся громкий стук колес и скрип. Анна выкрикнула ее имя. Ариадна, обернувшись на пороге, увидела кэб, который несся во весь опор; кэб резко затормозил у крыльца и едва не врезался в карету Лайтвудов. Дверь пролетки распахнулась, и на тротуар вывалился мужчина в забрызганном грязью дорожном пальто и шляпе, накренившейся набок. Мужчина бросил кучеру горсть монет и, прихрамывая, направился к дверям дома Бриджстоков.

Ариадна не узнала ни пальто, ни шляпу, ни походку, однако узнала этого человека, несмотря на то что он зарос седой щетиной и выглядел лет на десять старше, чем неделю назад.

– Отец? – прошептала Ариадна. Она не хотела заговаривать с ним, это слово вырвалось у нее машинально.

Анна бросила на нее удивленный взгляд. Очевидно, она тоже узнала Инквизитора.

– Морис?

Мать Ариадны спешила к дверям, а встревоженные Евгения с Кристофером шли за ней. Она поймала руку Ариадны, сжала ее, потом подбежала к мужу и бросилась к нему на шею. Он стоял совершенно неподвижно, как высохшее столетнее дерево, а жена всхлипывала:

– *Что случилось?* Где ты был все это время? Почему ты не сообщил нам...

– Флора, – перебил он жену. У него был хриплый голос, как будто он долго кричал и сорвал его. – О, Флора. Все гораздо хуже, чем ты можешь себе представить. Хуже этого уже ничего не может быть.

На следующее утро Корделия проснулась в страхе: больше всего она боялась, выйдя из спальни, встретить в гостиной Джеймса или Мэтью. Она откладывала этот момент как могла, одевалась дольше обычного, хотя по положению солнца было ясно, что уже близится полдень.

Спала она плохо. Всякий раз, закрывая глаза, она видела лицо Джеймса, слышала его слова. «*Я ошибался насчет нашего брака. Я не считал его настоящим, но он был настоящим. Это самое реальное, что было у меня в жизни*».

Он сказал, что любит ее.

Были времена, когда Корделия сильнее всего на свете желала услышать эти слова. И вот он произнес их, но она почему-то не верила в его любовь. Девушка не знала, что двигало им – возможно, сострадание к ней, а может, даже сожаления о той жизни, которую они вели вдвоем на Керзон-стрит. Он же *сказал*, что был счастлив тогда. А насчет Грейс... она никогда не думала, что Грейс делает его счастливым; Джеймс был несчастен, он тосковал и страдал по ней, но, видимо, эти страдания были для него прекраснее мирной семейной жизни. Кроме того, Корделия считала, что о чувствах человека следует судить по поступкам; она допускала, что нравилась Джеймсу, что он желал ее как женщину, но если бы он ее *любил*...

В тот вечер он велел бы Грейс уходить из его дома.

Завязав шнурки на ботинках, она вышла в гостиную, но комната была пуста. Дверь в комнату Мэтью была закрыта, Джеймс тоже куда-то исчез.

Зеленая бутылка с абсентом по-прежнему стояла на столе. Корделия вспомнила Мэтью – как он целовал ее, как он побелел, спрашивая, не заходил ли Джеймс в его комнату.

С тяжелым, неприятным чувством она вышла в коридор, сверкавший позолотой и оформленный в голубых тонах. Она заметила портье, выходявшего из соседнего номера.

– *Monsieur!* – окликнула она слугу и поспешила к нему. Она решила по крайней мере съесть хоть что-нибудь перед дорогой. – Я хотела бы узнать насчет завтрака...

– *Ah, madame,* – воскликнул портье. – Не беспокойтесь об этом. Ваш спутник уже заказал завтрак, его скоро принесут.

Корделия не знала, кого из «спутников» имел в виду портье, Джеймса или Мэтью. Она не знала, хочется ли ей завтракать с тем или с другим, и уж, разумеется, ей совершенно не хотелось завтракать в компании обоих, но она не собиралась объяснять *это* портье. Это было бы уже слишком. Она поблагодарила слугу и собралась уходить, но вдруг в голову ей пришла некая мысль.

– Могу я задать вам еще один вопрос? – обратилась она к портье. – Вы приносили бутылку абсента в наш номер вчера вечером?

– *Non, madame.* – Он в недоумении покачал головой. – Я принес бутылку вчера утром. В шесть утра.

Теперь настала очередь Корделии удивляться.

– Но зачем?

Портье окончательно растерялся.

– Я приношу бутылку каждое утро, как солнце взойдет. По просьбе месье Фэйрчайлда. Бренди или абсент. – Он пожал плечами. – Когда он останавливался здесь в прошлый раз, он просил приносить спиртное по вечерам. На этот раз – рано утром. Мне все равно, сказал я, в шесть так в шесть. Каждое утро.

– Благодарю вас, – пробормотала Корделия и, путаясь в юбках, побрела в номер. Ничего не понимающий портье смотрел ей вслед.

Закрыв дверь номера изнутри, она привалилась спиной к стене и закрыла глаза. Мэтью солгал ей. Он поклялся не пить спиртное и не пил – при ней. Но портье приносил ему новую бутылку крепкого алкоголя *каждое утро*. Значит, за те короткие промежутки времени, пока они находились в соседних комнатах, утром, днем, вечером, он успевал опустошить целую бутылку? Наверняка так оно и было.

Очередная ложь... это было уже слишком; последнее разочарование сломило ее, и теперь возврата к прошлому не было. Ей лгали чуть ли не всю жизнь, лгали все близкие и друзья. Мать и брат скрывали, что ее отец – алкоголик. Джеймс... лгал насчет отношений с Грейс, насчет чувств к ней, Корделии, насчет их брака. Люси, ее якобы лучшая подруга, которую она, как ей казалось, знала лучше всех, молчала об отношениях с Джессом Блэкторном и уехала из Лондона, не предупредив Корделию, не сказав ни слова.

Она думала, что Мэтью поведет себя иначе – ведь он ни во что не верил, презирал общепринятые взгляды, ему были безразличны мораль, добродетель, благородство. Его, как представителя богемы, интересовала только красота, искусство и суть вещей; вот почему она решила, что ей он не будет лгать. И если ему захочется напиться, *он скажет ей об этом*.

Но Мэтью, глядя ей в глаза, пообещал, что, если Корделия поедет с ним в Париж, он будет выпивать лишь бокал вина за обедом; сделал вид, что вообще не прикасается к спиртному, и девушка поверила. А на самом деле с самого первого дня портье таскал ему в номер бренди. Корделия думала, что если Париж не спасет ее, то, по крайней мере, эта поездка спасет Мэтью. Но, наверное, правду говорят, что от себя не убежишь. Сменив обстановку, нельзя изменить себя самого. В Париже им пришлось столкнуться с теми же проблемами, которые преследовали их дома.

Вернувшись в апартаменты, Джеймс обнаружил гостиную в том же самом виде, в каком ее оставил, как будто обитатели номера еще не вставали. Двери обеих спален были закрыты. Покачав головой, он подошел к двери Мэтью и постучал. Не получив ответа, он постучал сильнее, и на этот раз из недр спальни донеслось неопределенное мычание.

– Завтрак, – крикнул он и услышал страдальческий стон. – Вставай, Мэтью. Нам надо поговорить. – Его голос прозвучал резко и неприязненно, хотя он вовсе не намеревался грубить другу.

Раздался какой-то глухой стук, потом треск, что-то рухнуло, и примерно через минуту Мэтью рывком распахнул дверь и, моргая, уставился на Джеймса. Выглядел юноша ужасно, и Джеймс подумал, что тот, наверное, вернулся в отель под утро. Он догадался о возвращении Мэтью, увидев на полу под дверью небрежно брошенное пальто и пару пустых бутылок рядом с ним. Очевидно, он пришел уже после того, как Джеймс уснул, то есть очень поздно. Сам Джеймс лежал на диване без сна, как ему показалось, несколько часов, в полном отчаянии, уставившись в темноту. Прежде чем отправить его через Портал в гостиницу, Магнус похлопал его по спине и пожелал удачи – но, как выяснилось, удача отвернулась от него.

В одно мгновение Джеймс лишился двух самых дорогих ему людей.

В конце концов он все же задремал, но спал плохо. Если ему и снились сны, Джеймс ничего не помнил; только какой-то непрерывный шум. Странно, подумал он, это было еще хуже, чем мрачные сны, которые насылал ему Велиал прежде. Шум отдаленно походил на рев морского прибоя, но был неприятным, и в нем слышался звон металла; тогда, во сне, Джеймс представил себе, что это кричит его разбитое сердце, и только он может слышать его пронзительный вопль, полный боли.

Мэтью со вчерашнего вечера не переодевался, на нем был тот же алый бархатный жилет под цвет платья Корделии, но одежда была измята и покрыта пятнами. В комнате царил жуткий беспорядок. Чемодан был перевернут, одежда вывалена на пол; грязные тарелки и пустые бутылки были разбросаны по ковру, словно осколки стекла и битой посуды, которые выносит на берега Темзы после отлива.

Глаза у Мэтью были красными, волосы спутались.

– Вообще-то, я спал.

Он говорил как автомат, без возмущения, без злобы.

Джеймс сосчитал про себя до десяти.

– Мэт, – заговорил он, – нам нужно возвращаться в Лондон.

Мэтью привалился к косяку.

– Ах, вот оно что. Вы с Корделией возвращаетесь в Лондон? Тогда счастливого пути, или надо говорить *bon voyage*? Ты расторопный парень, Джеймс, но, с другой стороны, я сбежал с поля боя, так что тебе было проще. – Он потер глаза рукавом в попытке стряхнуть сон. – Я не буду драться с тобой за нее, – сообщил Мэтью. – Я еще не совсем утратил чувство собственного достоинства.

Джеймс подумал, что в этот момент Кристофер, Томас или Анна развернулись бы и ушли. Когда Мэтью пребывал в воинственном настроении, что случалось очень редко, лучше было оставить его в покое. Но Джеймс никогда не бросал Мэтью, даже когда друг становился невыносим.

Он заметил, что у Мэтью слегка дрожат руки, догадался, что ему больно и плохо. Он должен был крепко обнять его и сказать, что все будет хорошо, что он любим и нужен друзьям.

С другой стороны, что он, Джеймс, мог сейчас сказать, чтобы утешить своего друга? «Корделия любит тебя?» Три слова вонзались ему в сердце, как шипы. Три слова, в истинности которых он не мог быть уверен. Джеймс не знал, что чувствует Корделия.

Он потер виски. Начиналась головная боль.

– Все не так, как тебе представляется, Мэт, – произнес он. – Нет никакого «поля боя». Если бы я знал, что ты равнодушен к Корделии...

– Тогда что? – хрипло перебил его Мэтью. – Что бы ты сделал? Не женился бы на ней? Женился бы на Грейс? Потому что, Джейми, я вот этого никак не могу понять. Ты любил Грейс несколько лет – любил ее даже тогда, когда сближение казалось тебе невозможным. Любил ее... как же там у Диккенса было? «Без поощрения, без надежды, наперекор разуму, собственному счастью и душевному покою»²³.

– Я никогда ее не любил, – сказал Джеймс. – Я заблуждался.

Мэтью обмяк; казалось – вот-вот, и он сползет по стене на пол.

– Хотелось бы мне в это поверить, – пробормотал он. – Потому что твое поведение не очень-то красиво выглядит, Джейми. Как только Корделия бросает тебя, ты приходишь к выводу, что не можешь без нее жить. Насколько я понимаю, никто так никогда не делал, а? Не бросал тебя. Тебя всегда все любили. – Он произнес это равнодушным тоном, как будто повторял общеизвестную истину, и Джеймсу стало не по себе. – За исключением Грейс. Вероятно, именно поэтому ты уцепился за нее, вот что я думаю. И зря – мне кажется, она вообще не способна на любовь.

– Мэтью...

Джеймс ощутил на руке тяжесть серебряного браслета, хотя прекрасно знал, что эта вещь сломана и обломки лежат в его доме на Керзон-стрит. Он хотел возразить, объяснить, что ни в чем не виноват, но как он мог сделать это, если до сих пор ничего не сказал Корделии? Он по-прежнему считал, что она должна узнать первой. А мысль о разговоре с ней, о том, что он станет объектом ее жалости, была ему невыносима. Пусть лучше его ненавидят, чем жалеют, – пусть его возненавидит Маргаритка, Мэтью, хотя ему становилось худо, когда он представлял себе, что его ненавидит *парабат*...

За спиной у него раздался какой-то грохот и звон, будто со стола упала и разбилась лампа. Обернувшись, Джеймс увидел, что в стене гостиной возник Портал.

В номер шагнул Магнус в полосатом костюме. Он-то, разумеется, выглядел безупречно и, критически оглядев Джеймса и Мэтью, стряхнул невидимую пылинку с лацкана пиджака.

Соседняя дверь открылась, и появилась Корделия в дорожном платье. Она уставилась на Магнуса в изумлении.

– Магнус, – прошептала она. – Я никак не ожидала... То есть, я хочу сказать, откуда вы узнали, в каком отеле и в каком номере мы живем?

– Он знает, потому что вчера вечером отправил меня в эту гостиницу при помощи Портала, – объяснил Джеймс. – Я помню, где обычно останавливается Мэтью, когда приезжает в Париж.

– Я очень предсказуем, – пожал плечами Мэтью.

– А ночной администратор здесь – чародей, – добавил Магнус. – Ну, подумайте, кто еще мог выбрать такие шторы?

Никто не ответил, и Магнус перевел взгляд с Джеймса на Корделию. Джеймс подумал, что вид у них обоих наверняка неловкий. Потом посмотрел на Мэтью, помятого, взъерошенного, в рубашке с винными пятнами.

– Ага, – угрюмо произнес маг. – Я вижу, что здесь разворачивается какая-то личная драма. – Он поднял руку. – Я не знаю, что между вами троими произошло, и не желаю знать. Джеймс, вы появились здесь вчера вечером, так?

Джеймс кивнул.

– И вы уже рассказали Корделии и Мэтью о Люси... и Джессе?

Джеймс поморщился.

---

²³ «Большие надежды», пер. М. Лорие.

– Я сказал только, что Люси жива и здорова. У меня не было возможности распространяться на эту тему.

Когда Корделия и Мэтью наперебой принялись расспрашивать о Люси, Магнус снова поднял руку, словно дирижер, пытающийся управлять бестолковым оркестром.

– В Лондоне вы услышите всю историю с начала до конца, – объявил он. – Нам необходимо вернуться туда немедленно...

– Моя мать. – Корделия оперлась о стену. – Она здорова? А ребенок...

– У вашей матери все хорошо, – ответил Магнус мягко, но вид у него был по-прежнему мрачный. – Однако обстановка в Лондоне напряженная, и положение, судя по всему, скоро ухудшится.

– Неужели еще один Принц Ада тянет свои щупальца к Институту? – усталым голосом произнес Мэтью. – Должен вам сразу сказать: если так, то я предпочитаю пересидеть опасность здесь.

Магнус взглянул на него без улыбки.

– Инквизитор вернулся из Исландии и привез неприятную новость. Татьяна Блэкторн бежала из Адамантовой Цитадели и объединилась с Велиалом. Вы должны сегодня же вернуться со мной в Лондон; нам нужно многое обсудить.

9. Ржавчина на золоте

*Ведь если золота коснулась ржа,
Как тут железо чистым удержатъ?²⁴
Джеффри Чосер, «Кентерберийские рассказы»*

Магнус сообщил свое известие с таким траурным видом, что Корделия почти ожидала увидеть по другую сторону созданного им Портала хаос, битву, толпу перепуганных кричащих людей.

Но они очутились в каком-то темном прохладном помещении с каменным полом и стенами, где пахло сыростью. Поморгав, чтобы избавиться от легкого головокружения, Корделия поняла, что они находятся под землей, в крипте Института, где располагался постоянный Портал.

Она покосилась на своих спутников. В последний раз, когда она здесь побывала, Корделия и Мэтью поспорили с Джеймсом, который собирался отправиться в Идрис, чтобы разрушить планы Татьяны. «Потому что Грейс его попросила, – нашептывал ей коварный голосок. – Он сделал это ради Грейс».

Это был поворотный момент в ее жизни, думала она; Джеймс прошел сквозь Портал, и они с Мэтью последовали за ним. Блэкторн-Мэнор сгорел; Джеймса обвинили в поджоге, Корделия солгала, чтобы обеспечить ему алиби, Джеймс сделал ей предложение и спас ее репутацию. И их жизни изменились навсегда.

Она уже не прежняя Маргаритка, думала она, когда Магнус взмахнул рукой, и медные лампы на стенах зажглись, озаряя подземную камеру зловещим желтым светом. За последние полгода она многое узнала: о том, на что способны люди, на что способна она сама. И еще узнала, что жизнь отнюдь не всегда складывается так, как тебе хочется. Мечты, надежды, грезы – все это пустое. Сильный человек крепко держится за реальность, даже если при этом в руки вонзаются ядовитые колючки.

Чародей и его спутники поднялись по каменной лестнице на первый этаж Института. Лондон приветствовал их метелью; ветер швырял в стекла белые хлопья. Над крышами домов нависло угрюмое свинцово-серое небо.

Джеймс и Мэтью не смотрели ни на нее, ни друг на друга. На лице Джеймса застыло выражение, которое она в свое время окрестила «маской»: ничего не выражающее, как у статуи. Он делал каменное лицо, когда не хотел показывать свои чувства. А у Мэтью, подумала она, тоже имеется своя маска, не менее эффективная: рассеянный, слегка насмешливый взгляд, как будто он смотрел неумело поставленный спектакль. Молчание давило, как жара перед грозой.

Ее спас Магнус, который держался рядом с того момента, когда они прошли через Портал и очутились в Лондоне. Чародей проделал это так непринужденно, что сначала Корделия даже не сообразила, в чем дело. Корделия решила, что это случайность, что он просто демонстрирует хорошее воспитание. Но почти сразу поняла, что, едва появившись в номере «Ле Мерис», Магнус, естественно, обо всем догадался. «Личная драма», – со скукой в голосе произнес он, но, когда чародей смотрел на нее, она видела в его глазах искреннее сочувствие.

Она не могла понять, почему чародей считает нужным быть с ней любезным. Ведь скоро все узнают, что она сбежала в Париж с Мэтью, причем без ведома Джеймса. Уезжая, Корделия не размышляла о возвращении; иногда она равнодушно думала, что через какое-то время вернется, поселится в материнском доме и попытается начать жизнь сначала. Искупит свои ошибки и безрассудное поведение заботой о новорожденной сестре или брате. Тогда ей было

---

²⁴ Пер. И. Кашкина.

безразлично, как все это будет выглядеть со стороны, что подумают сплетницы Анклава и ее друзья, Люси и Томас, Кристофер и Анна. А вот теперь она осознала: ведь это были прежде всего друзья Джеймса, а Люси была его сестрой. Они примут его сторону, осудят ее за измену, отвернутся от нее.

Интересно, подумала Корделия, приходила ли такая мысль в голову Мэтью. Волнует ли его, что скажут и подумают друзья? Едва ли – он же был мужчиной. Мужчинам разрешается делать все что угодно, и общество смотрит на это сквозь пальцы.

– Вот мы и на месте, – объявил Магнус, и Корделия очнулась.

«Место» представляло собой кабинет Уилла – комнату, в которой было меньше книг, чем в библиотеке Института, но гораздо больше, чем обычно бывает в жилых помещениях, и высокий деревянный стул на колесиках, чтобы доставать их с верхних полок. Помимо этого, по комнате было расставлено несколько вполне комфортабельных кресел, в которых расположились Уилл, Тесса, Чарльз и Инквизитор.

Корделия задержалась в коридоре, когда Уилл с Тессой подошли, чтобы обнять Джеймса. Если Тесса и заметила, что сын плохо выглядит, она ничего не сказала, просто поцеловала его в лоб, и Корделия вдруг ощутила новый приступ тоски по матери и Алистеру.

– Мэтью, – процедил Чарльз, не давая себе труда подойти к брату, чтобы приветствовать его. – Опаздываешь, как обычно, я вижу. Тебе потребовалось несколько часов на то, чтобы проехать пару кварталов?

– Я был в *Париже*, Чарльз, – сухо произнес Мэтью.

– Вот как? – рассеянно сказал Чарльз. – А я и забыл. Что ж, ты разминулся с матушкой, она была здесь недавно, но почувствовала себя нехорошо и отправилась домой. И еще вы все пропустили рассказ Мориса. Но, уверен, Уилл и Тесса сообщат вам все, что вам следует знать.

– Мне кажется, лучше будет, если они услышат эту историю от самого Инквизитора, – мягко произнес Магнус.

– Инквизитор сегодня повторял ее уже несколько раз, – отрезал Чарльз. – После перенесенных тяжелых испытаний он нуждается в отдыхе. И поскольку ни один из вас не является высокопоставленным представителем Анклава – а чародей вообще здесь посторонний, – в новом рассказе нет необходимости. – Он повернулся к Инквизитору. – Вы согласны со мной?

– Да, пожалуй, – буркнул Морис Бриджсток.

Корделия мысленно согласилась, что выглядит он немного потрепанным: на лице желтели старые синяки, и правую руку он держал как-то неестественно, как будто она была сломана, хотя ему наверняка должны были нанести исцеляющие руны.

– Уилл, надеюсь, вы примете все меры, которые мы обсуждали. Тесса... – Он коротко кивнул хозяйке и вышел из комнаты, не сказав больше ни слова, не глядя на остальных. Чарльз бежал за ним, как собачонка.

Магнус закрыл дверь кабинета и обернулся к присутствующим с каменным лицом. Корделия его прекрасно понимала.

– Как мило, Чарльз нашел себе нового хозяина, – выплюнул Мэтью.

Он покраснел от гнева; Корделия подозревала, что он удивлен и обижен. Между братьями существовали сложные, часто неприязненные отношения, но ей казалось, что недавно все начало налаживаться. И вдруг Чарльз превратился в прежнего неприятного, заносчивого типа – но почему?

– Вы все, – приказал Уилл, падая в кресло, – садитесь. Ненавижу, когда у меня стоят над душой.

Когда кресла и стулья были заняты, Уилл оглядел аудиторию.

– Увы, – произнес он, – на меня была возложена задача поведать вам драматическую повесть, полную неожиданных поворотов и жутких подробностей. Я осознаю, что это огромная ответственность.

Джеймс фыркнул.

– Я тебя умоляю, ты же лопаешься от восторга. Ну, начинай. Поведай нам.

И Уилл, потирая руки, начал.

– Как вам известно, – сказал он, – попасть в Адамантовую Цитадель непросто, и Бриджстоку понадобились сутки на то, чтобы добраться туда из Института Рейкьявика. Приблизившись к воротам, он дал Сестрам знак, что желает получить аудиенцию. Несколько женщин вышли и встретились с ним на плато перед Цитаделью – поскольку, как вы знаете, мужчины не могут войти внутрь. Они сказали, что Татьяна в Цитадели нет, а когда он возмутился, Сестры объяснили, что в этом нет ничего необычного: она часто совершает долгие прогулки по равнине, покрытой застывшей лавой.

– Но почему, ради всего святого, они позволили ей выходить? – воскликнула потрясенная Корделия.

Уилл пожал плечами.

– Адамантовая Цитадель – это не тюрьма. На многие мили вокруг нет ничего, кроме камней и лавы; Татьяне некуда было бежать, она не могла там ничего натворить, не могла ни с кем встретиться. Железные Сестры предполагали, что во время этих долгих прогулок она пыталась найти душевный покой и размышляла о своей новой роли в качестве члена их ордена.

Джеймс презрительно засопел.

– После этого Бриджсток, по его словам, потребовал, чтобы Железные Сестры принесли ему какой-нибудь предмет, принадлежащий Татьяне, чтобы он мог применить Отслеживающую руну. Они нашли кушак от одного из ее платьев. Бриджстоку удалось ее выследить... почти. – Уилл нахмурился и помолчал. – Он утверждает, что руна была совершенно точно связана с ней. Это было не то же самое, что выслеживать умершего – в таком случае чувствуешь только пустоту. Отслеживающая руна вела его к ней, но как-то странно – часто говорила, что Татьяна совсем близко, хотя он ни разу не видел ее, а время от времени резко меняла направление, быстрее, чем это доступно человеку. Впечатление было такое, что руна не действует, хотя это кажется мне невозможным, особенно вблизи одной из главных твердынь нефилимов.

Бриджсток разбил лагерь на равнине, что лично я не могу себе представить, но приходится верить ему на слово. Возможно, он поставил палатку. Инквизитор не мог заночевать в Цитадели, хотя они одолжили ему исландскую лошадь, привычную к тамошней местности.

И вот глухой ночью холодный ветер донес до него некий голос, который приказывал ему оставить поиски и возвращаться домой. Проигнорировав приказ, он продолжал путь после восхода, хотя мистический голос раздавался рядом даже днем. К вечеру второго дня, когда солнце скрылось за гребнями гор, он очутился у золотых ворот, за которыми лежат Железные Могилы.

Корделия хорошо знала, что такое Железные Могилы. Это было кладбище, где хоронили Железных Сестер и Безмолвных Братьев, которые не умирали, как обычные Сумеречные охотники, а жили по несколько веков, прежде чем души покидали их тела. Тела же не были подвержены разложению и вечно покоились в Железных Могилах. Большинству Сумеречных охотников вход на кладбище был запрещен.

– Бриджсток начал колотить в ворота, – продолжал Уилл, – но никто не открыл ему, потому что среди этих Могил живых нет. Мне кажется, об этом можно было догадаться сразу, исходя из названия. Как бы то ни было, он устроил настоящую истерику, и внезапно чья-то невидимая рука выдернула его из седла. Однако он не грохнулся на землю, а очутился во тьме. Среди кошмарной тьмы, бесконечной, как Вселенная, недоступной воображению смертного, один взгляд в которую может свести человека с ума...

– Уилл, – перебила Тесса, – не надо ничего добавлять от себя.

Уилл с сожалением кивнул и продолжал.

– Он услышал неприятный звук, похожий на визжание пилы, когда распиливают дерево или кость. Тьма немного рассеялась, и Бриджсток увидел голую равнину; он заподозрил, что находится не в Исландии и даже не в нашем мире, хотя полной уверенности не было. А потом... потом перед ним возникла чудовищная фигура, вдвое выше человеческого роста, с горящими, как уголья, глазами. Существо заговорило с ним.

Корделия подумала, что Тесса сейчас снова упрекнет мужа, но она молчала. Похоже, на этот раз он не преувеличивал.

– Демон? Он назвал себя? – напряженным голосом спросил Джеймс, подавшись вперед.

– Если верить Бриджстоку, – медленно произнес Уилл, – он всегда считал, что ангелы – существа настолько прекрасные и могущественные, что он при встрече едва ли сможет постичь их величие. И все же всегда мечтал увидеть ангела. В конце концов, мы же их слуги.

– Вы хотите сказать, что Бриджсток увидел ангела? – вмешался Мэтью.

– Падшего ангела, – поправила Тесса. Ее голос слегка дрожал. – Принца Ада во всем его великолепии. Он был одновременно прекрасен и ужасен. Тьма струилась из его тела. Он был облачен во тьму, но Бриджсток увидел у него на груди две глубокие раны, из которых не переставая текла кровь. Но демон не обращал на это внимания.

– Велиал, – выдохнула Корделия. Она с самого начала подозревала это, но теперь сомнений быть не могло: существовал только один Принц Ада, которого она дважды ранила Кортаной.

– Он сказал Бриджстоку, кто он такой. Назвав свое имя, он потребовал, чтобы Инквизитор прекратил поиски Татьяны. Он угрожал, но суть угроз Бриджсток передать отказался. Мне кажется, там были общие слова – огненный дождь, уничтожение Анклава, – но, скорее всего, и нечто личное, связанное с их семьей.

– Бриджсток все же повторил одну фразу Велиала, и она вызвала у нас недоумение, – заметила Тесса.

– Ах да, чуть не забыл, – воскликнул Уилл. – Последнее, что сказал демон, прежде чем исчезнуть. Я это записал. «Не вздумайте посылать против меня своего паладина, иначе вы навлечете страшные беды на ваш мир».

У Корделии зашевелились волосы на затылке, она почувствовала, что кровь отхлынула от лица, и решила, что сейчас все заметят ее реакцию. К счастью, Джеймс и Мэтью даже не взглянули в ее сторону. Магнус приподнял брови; Уилл и Тесса растерянно пожимали плечами.

– И после этого Бриджсток убежал домой? – спросил Магнус.

– Мне кажется, любой из нас на его месте поступил бы точно так же, – заметил Уилл. – И поверьте мне, я говорю это как человек, который не испытывает к нему сильной любви. Но с Велиалом ему не тягаться. Случилось и еще кое-что: очнувшись у ворот кладбища, он обнаружил на правой руке, выше запястья, ожог в виде печати Велиала.

«Теперь понятно, почему он так неловко держал руку», – подумала Корделия.

– *Печать Велиала?* – переспросил Джеймс. – Ты видел ее?

– Видел. Пренеприятнейшая вещь, – ответил Уилл. – Представляю, как перепугался Бриджсток. Основную часть времени он проводит, карая других Сумеречных охотников, и вдруг он оказывается один на один с высокопоставленным демоном посреди преисподней.

– А это была *преисподняя*? – спросил Джеймс.

– Насколько я понимаю – да, – кивнул Уилл. – Представляю себе: мрак, равнина, усеянная скалами зловещих очертаний. Ну что вы так на меня смотрите? Можно же человеку помечтать.

– Что случилось с лошадей? – спросил Мэтью.

– Ускакала, – сказал Уилл. – Вероятно, в Адамантовую Цитадель. Лошади обладают здравым смыслом. Балий никогда не стал бы безропотно стоять там и выслушивать всю эту чепуху.

Тесса вздохнула.

– Шарлотта уже набросала приказ, который следует разослать всем Институтам. Им предписывается быть настороже и арестовать Татьяну в случае появления.

– Сомневаюсь, что ее найдут, – заметил Магнус. – В ее распоряжении все царства Ада, где она может от вас спрятаться.

– Если она останется в Аду, я не против, – сказал Уилл. – Но если она вернется в компании Велиала, или если она надеется каким-то образом способствовать его появлению в нашем мире...

– Не понимаю, как она может это сделать, – пожала плечами Корделия. – В конце концов, она всего лишь смертная женщина. Если она и обладает сверхспособностями, то они получены от Велиала. Татьяна не в состоянии совершить то, что неподвластно ему.

– Велиал не может оставаться в нашем мире долгое время, – заговорил Джеймс. – Для этого он должен вселиться в тело живого человека, однако его присутствие за считанные мгновения уничтожает смертную «оболочку». Он мог бы вселиться в мое тело без вреда для меня, поскольку я являюсь его потомком, но для этого ему необходимо мое согласие – которого я, разумеется, не дам. Так что проблема до сих пор не решена. Я тоже не понимаю, чем Татьяна может ему помочь.

– И все-таки, – сказал Магнус, – меня настораживает тот факт, что он объявился так скоро. Он оставил свою печать на руке Бриджстока не потому, что его интересует Бриджсток; его цель – передать послание, дать нам понять, что он поблизости. Что нам следует бояться его. В последний раз, после летних событий, он пропал на несколько месяцев; а сейчас прошла всего неделя или около того после убийств Сумеречных охотников. И что это за разговоры о каком-то паладине? Что еще за паладин? Среди нефилимов не было паладинов со времен Сумеречного охотника Джонатана.

– Непросто посвятить свою жизнь служению ангелу, – заметила Тесса, – если их уже много веков никто не видел собственными глазами.

– Принцы Ада мыслят не так, как мы, – вмешался Джеймс. – Наверное, для него времена паладинов – это все равно, что для нас вчерашний день. Мне кажется, не стоит придавать слишком большое значение этим словам.

– Мы сообщим Конклаву и всем Институтам о том, что Татьяну следует немедленно задержать, если она появится, – объявил Уилл. – Больше ничего мы пока не в состоянии предпринять. И все-таки... – Он посмотрел по очереди на Джеймса, Корделию и Мэтью. – Вы еще несовершеннолетние, хотя, возможно, считаете себя взрослыми. Вам троим не следует без крайней необходимости покидать дома. Я бы предпочел, чтобы вы переехали сюда, в Институт, или хотя бы ночевали здесь.

– Если все так серьезно, я не буду выходить из дома после наступления темноты, – пообещал Мэтью. – Но я хочу жить в своей квартире.

– Я останусь здесь, – сказал Джеймс, не глядя на Корделию и не спрашивая ее мнения. – И Люси тоже, насколько я понимаю?

– Да, разумеется, и... – Уилл покосился на Тессу. – Мы должны рассказать им, дорогая. О Джессе.

Корделия и Мэтью озадаченно переглянулись.

– О Джессе? – повторила она. Все молчали. – О Джессе *Блэкторне*?

– Поверить не могу, что ты нам *не сказал*, – возмущался Мэтью, когда они втроем, покинув кабинет Уилла, шли по коридору. По словам родителей Джеймса, Люси и Джесс находились в бальном зале. «Вам, пожалуй, стоит начать привыкать к его присутствию, – усмехнулся Уилл. – Я почти уверен, что он задержится в Лондоне».

– Позволь тебе напомнить: у меня не было на это времени, – не слишком доброжелательно произнес Джеймс.

– Да-да, времени и правда не было, – быстро вмешалась Корделия в надежде разрядить обстановку. – Это необыкновенная история, за пять минут ее не расскажешь, она вызывает много вопросов. Я... – Она покачала головой. – Я даже не догадывалась ни о чем.

– Люси тщательно все скрывала, – сказал Джеймс. – По-видимому, она боялась, что ее осудят, если откроется, каким даром она обладает. Ведь даже чародеи с опаской относятся к магии смерти.

– Ничего удивительного, – бросил Мэтью, когда они начали подниматься по лестнице. – Некромантия почти всегда приводит к очень неприятным последствиям.

– Возможно, – произнес Джеймс тоном, который ясно давал понять, что он не намерен обсуждать эту тему, – но только не на этот раз.

Мэтью пожал плечами.

– Клянусь Ангелом, Чарльз просто отвратителен. Я знаю, что всего неделю назад меня интересовал вопрос, будет ли он жить или умрет, но никак не могу вспомнить, *почему* его благополучие меня так волновало.

Джеймс слегка улыбнулся.

– Да, действительно, он ведет себя как лакей Бриджстока. Одному Разиэлю известно почему. Мне показалось, что Инквизитор его недолюбливает после разрыва с Ариадной.

– Бриджсток обожает, когда перед ним пресмыкаются, – грубо произнес Мэтью. – А у Чарльза это хорошо получается...

Он не договорил. Двери бального зала были приоткрыты, и Корделия услышала знакомый беззаботный смех.

Люси. Когда же в последний раз Люси при ней так смеялась?

Даже Джеймс остановился в коридоре, потом многозначительно посмотрел на Мэтью и Корделию.

– Люси и Джесс, – произнес он. – Они... это странная ситуация. Очень странная. Но она счастлива, поэтому...

– Поэтому мы должны попытаться скрыть свое потрясение? – закончила за него Корделия.

– Именно, – сказал Джеймс и распахнул дверь.

В зале было светло. Украшения, оставшиеся после прошлого приема, были убраны, занавеси раздвинуты, а из мебели в помещении осталось только черное лакированное фортепиано, блестящее, как новенький кэб.

За инструментом сидел Джесс Блэкторн. Он осторожно касался клавиш, и Корделия поняла, что он не умеет по-настоящему играть, но, вероятно, ему давали уроки музыки в детстве.

Люси, облокотившись о крышку фортепиано, улыбалась ему. Ни он, ни она не заметили появления посторонних. Девушка заглянула в какую-то бумажку и начала читать вслух:

– Джереми Блэкторн, когда ваша семья вернулась в старую добрую Англию?

– Я был еще ребенком, – ответил Джесс и несколько раз ударил по клавишам. – Мне было лет семь, наверное. Значит, это произошло... в 1893 году.

– А что случилось с вашими родителями?

– Они погибли во время обрушения циркового шатра, – быстро ответил Джесс. – Поэтому я боюсь полосок.

Люси хлопнула его по плечу сложенной бумагой. В знак протеста он стукнул по клавише, раздался низкий звук.

– Ты *должен* отнестись к этому серьезно, – отчитала она его и рассмеялась. – Ты же знаешь, что тебе будут задавать самые неожиданные вопросы. Новичок в Конклаве – это случается раз в сто лет.

«Они счастливы вместе, – с изумлением подумала Корделия. – Они смеются и разговаривают так, как совсем недавно мы с Джеймсом смеялись... а мне и в голову не могло прийти, что Люси влюблена. Почему же я не заметила, что с ней происходит?»

– Джереми Блэкторн, – с важным видом произнес Джесс. – Назовите имя *самой* красивой девушки в лондонском Анклаве. Это очень серьезный вопрос...

Корделия, испугавшись, что флирт сейчас зайдет слишком далеко, громко кашлянула.

– Как здесь красиво! – воскликнула она. – Зал будут украшать к рождественскому балу?

– Тонко подмечено, – хмыкнул Мэтью, и уголок его рта дернулся.

Влюбленные обернулись, и Люси заулыбалась.

– Джеймс, ты уже здесь! Корделия, Мэтью, идите сюда, познакомьтесь с Джессом!

Корделия сразу поняла, что этот Джесс сильно отличается от того Джесса, который служил орудием Велиала. Когда он поднялся с табурета и подошел, чтобы поздороваться, она подумала, что она видит его *более четко*, чем в прошлый раз; он походил на картину, над которой потрудился реставратор. Одежда была ему немного мала, пиджак явно был узок в плечах, а брюки коротковаты. Но нельзя было отрицать, что он красив; у него было приятное, выразительное лицо, длинные ресницы и зеленые глаза – как у Мэтью, только немного светлее.

Когда закончились представления и приветствия, Корделия заметила, что Люси быстро перевела взгляд с лица Мэтью на Джеймса и нахмурилась. Ну разумеется; она так хорошо знала обоих, что сразу угадывала их настроение, догадывалась о размолвках. Морщинка, появившаяся у нее на лбу, не исчезла.

Мэтью задал интересовавший Корделию вопрос:

– А что за разговоры насчет «Джереми»?

– Ах, это, – сказала Люси. – После возвращения из Корнуолла мы встретились с Шарлоттой и всеми дядями и тетями и решили... что представим Джесса как Джереми Блэкторна, дальнего родственника английских Блэкторнов, потомка одного из них, который решил отделиться от Конклава и уехал в Америку сто лет назад.

Корделия нахмурилась.

– А разве у Безмолвных Братьев не хранятся записи о том, кто из Сумеречных охотников к какой семье принадлежит?

– Они не ведут точных записей относительно жизни тех, кто покинул Конклав, – объяснил Джесс. – Вроде моего деда Эзекиеля. А кроме того, на совещании присутствовал очень сговорчивый представитель ордена по имени Брат Захария.

– Я должен был догадаться о том, что без него здесь не обошлось, – фыркнул Мэтью. – Что ж, теперь никто не может сказать, что мы чужды обмана. Инквизитор знает?

Люси даже вздрогнула.

– Во имя Ангела, нет, конечно. Как ты себе это представляешь? Особенно после того, как он, по его словам, встретил Велиала на равнине неподалеку от Адамантовой Цитадели. Едва ли сейчас он испытывает теплые чувства к Блэкторнам или... гм, Сумеречным охотникам, практикующим магию, белую или черную.

Никто не заводил разговор о том, *как именно* она вернула Джесса из царства мертвых; Джеймсу, видимо, это было уже известно, и Корделия поняла, что до сегодняшнего дня она многого не знала о своей лучшей подруге. Ее охватило горькое чувство, в чем-то сходное с грустью, которую она ощущала при мысли о Джеймсе. Все повторялось: вот она, Корделия, стоит рядом с человеком, которого любит, но они чужды друг другу и бесконечно далеки.

– Очень плохо, что мы не можем открыть людям правду, – высказался Мэтью, – потому что история потрясающая. Если хотите знать мое мнение, то вступление в наши ряды человека, воскресшего из мертвых, должно являться предметом гордости для Анклава.

– Лично я совершенно не против, – сказал Джесс. Он разговаривал и держался спокойно, вежливо, даже мягко, хотя Корделия подозревала, что под этой мягкостью скрывается сильный

характер и воля. – Но я ни за что не допущу, чтобы Люси покарала за то, что она для меня сделала. И к Грейс это тоже относится. Если бы не они, меня здесь сейчас не было бы.

– Грейс? – повторила ошеломленная Корделия.

Люси покраснела и протянула подруге руку.

– Я должна была сказать тебе, но боялась, что ты на меня рассердишься...

– Вы были в сговоре с Грейс? – резко произнес Джеймс. – И ты ничего не сказала нам?

Джесс оглядел их: Джеймса, бледного, как смерть, Корделию, которая так и не взяла протянутую руку Люси, Мэтью, который перестал улыбаться.

– Что-то не так? – пробормотал он. – Вы что-то имеете против моей сестры?..

– Она не снискала любви членов Анклава за те месяцы, что провела в Лондоне. В частности, она вынудила моего брата Чарльза разорвать помолвку с Ариадной, сама собралась за него замуж, а потом прислала ему письмо из Безмолвного города, в котором отказывала ему без всяких объяснений, – сказал Мэтью.

Это была лишь часть правды, но Джесс озабоченно нахмурился.

– Я не могу извиняться за то, что совершила моя сестра, – произнес он. – Это она должна сделать сама. Но я знаю одно: она заманивала Чарльза по приказу моей матери. Мать всегда рассматривала Грейс как инструмент, с помощью которого можно пробиться к власти. И я считаю, что, придя к Безмолвным Братьям, Грейс доказала, что больше не намерена быть пешкой в руках матери. Надеюсь, об этом не забудут, когда она вернется в Анклав.

Несколько мгновений все молчали. Корделия, взглянув на Джеймса, с отчаянием увидела, что он снова надел свою Маску. Это была его броня, защита от внешнего мира.

«Все это время Люси была влюблена в Джесса, а я ничего не знала, – подумала Корделия. – Теперь у них есть будущее, они неразлучны, и вскоре Люси еще больше сблизится с Грейс. Возможно, однажды Грейс станет ее золовкой, а я из-за Лилит даже не могу стать ее парабатаем. Я потеряю Люси, Грейс отнимет у меня сестру, как отняла мужа».

– Я рада за тебя, Люси, – вслух произнесла она. – И за тебя, Джесс. Но я устала и должна сейчас вернуться домой, проведать мать. Она не очень хорошо себя чувствует, а я давно не видела ее.

И она отвернулась от подруги, собираясь уходить.

– Корделия, – воскликнула Люси. – Но ты же можешь задержаться на несколько минут, мне нужно поговорить с тобой...

– Не сейчас, – бросила Корделия, не оборачиваясь. – Оказывается, я все это время была слепа и не видела, что творилось вокруг меня. Прости, но мне требуется время – я хотела бы поразмыслить и понять, как мы могли дойти до такого.

* * *

Джеймс догнал Корделию на крыльце Института.

Он побежал за ней, не сказав остальным ни слова, не извинившись – он понимал, это было невежливо, но мог думать только о том, что Корделия несчастна, что она покидает его, и он должен что-то сделать, причем немедленно.

Снегопад прекратился, тонкий слой снега покрывал ступени и плиты двора, словно сахарная глазурь. Корделия стояла на верхней ступени, сложив руки – без перчаток. На морозе ее дыхание превращалось в облачка пара. Корона багряных волос выделялась на фоне заснеженного двора, словно цветок мака среди поля белых лилий.

– Маргаритка... – начал было он.

– Не надо, – негромко перебила она, глядя на ворота Института и железные буквы, составлявшие латинскую фразу: «*PULVIS ET UMBRA SUMUS*» – «Мы прах и тень». – Не надо называть меня так.

Он заметил, что ее пальцы уже покраснели от холода. Он хотел взять ее руки в свои, спрятать под пиджак, чтобы согреть. Он видел, что так делал отец, когда мерзли руки у матери. Но, призвав на помощь самообладание, выработанное годами обучения у Джема, он застыл на месте.

– Корделия, – сказал он. – Ты собираешься сказать Люси? Я знаю, что ты не могла говорить с ней об этом, потому что вы неделю не виделись, но... теперь ты ей расскажешь? О том, что ты видела меня... с Грейс, прежде чем вы уехали в Париж?

Корделия покачала головой.

– Нет, я не намерена ей об этом рассказывать. Я не обсуждала с ней ни твои отношения с Грейс, ни нашу... договоренность насчет нее. – Она подняла голову и гордо взглянула на него. Ее темные глаза блеснули, как два медных щита. – Я не хочу, чтобы меня жалели. Ни Люси, ни кто бы то ни было еще.

«В этом мы с тобой похожи», – чуть не сказал Джеймс. Он не мог заставить себя говорить с кем-то о браслете, о заклинании. Не мог вынести мысли о сочувствии и жалости со стороны близких. Он отправился в Париж, собираясь рассказать правду Корделии, но представлял себе их встречу совершенно иначе.

Усилием воли он прогнал воспоминание: его любимая женщина в объятиях другого.

– Прости меня, – сказал он. – Я не хотел ставить тебя в такое положение, вынуждать лгать Люси. Теперь я вижу, что из-за этого вы отдалились друг от друга. Я не думал, что этим кончится. Все из-за моей гордости. Она того не стоит. – Джеймс рискнул поднять глаза на Корделию, и ему показалось, что она немного смягчилась. – Давай просто поедem домой.

Он не сдержался, протянул руку и убрал с ее лба темно-красный локон; при этом он слегка коснулся кончиками пальцев ее нежной щеки. К его удивлению, она не отстранилась и не убрала его руку. Но и не сказала: «Да, поедem домой, на Керзон-стрит». Она не произнесла ни слова.

– Этот особняк на Керзон-стрит – наш дом, – продолжал он прежним спокойным тоном. – *Наш* дом. Без тебя он пуст.

– Этот дом ты приобрел и обставил, чтобы жить там с Грейс, – сказала она, качая головой. – Ты даже не притворялся, что это не так; я считала само собой разумеющимся, что рано или поздно она станет там хозяйкой. Мы собирались прожить вместе один год, Джеймс...

– Я никогда не думал о том, что буду жить там с ней, – возразил Джеймс.

Это была правда; он не думал о второй женитьбе. Чары браслета не принуждали его к этому. Браслет отвлекал его от мыслей о будущем, от анализа собственных эмоций.

– Корделия, – прошептал он, снова касаясь ее щеки. Она закрыла глаза, и ее черные ресницы дрогнули. Он так сильно хотел поцеловать ее, что все тело пронзала боль. – Поедem домой. Я не прошу тебя простить меня сейчас. Я готов просить прощения сто раз, тысячу раз. Мы можем играть в шахматы. Сидеть у огня. Можем разговаривать. О Париже, о Мэтью, о Люси, о чем пожелаешь. Помнишь, как мы говорили с тобой часами...

Услышав это, Корделия открыла глаза. У Джеймса замерло сердце. Он ничего не мог с собой поделать. Ее темные глаза, даже усталые и печальные, всегда сводили его с ума.

– Джеймс, – грустно вздохнула она. – Мы никогда *по-настоящему* не разговаривали с тобой.

Он убрал руку.

– Но мы...

– Дай мне закончить, – сказала она. – Мы разговаривали, но не были искренни друг с другом. До конца искренни. Мы беседовали лишь о том, о чем легко болтать с посторонним человеком.

– *С посторонним*? Маргаритка... Корделия... я говорил тебе такие вещи, о которых даже не заикался никому на свете. Я полностью доверял тебе. И сейчас доверяю.

Но он видел, что мгновение слабости миновало. Ее взгляд снова стал жестким.

– Не думаю, что мне стоит сейчас возвращаться на Керзон-стрит, – покачала она головой. – Я поеду домой, на площадь Корнуолл-гарденс. Мне нужно увидеться с матерью и Алистером. А потом...

Джеймс чувствовал себя так, словно ему в глотку влили расплавленный свинец. Корделия назвала особняк матери *домом*; она ясно дала понять, что на Керзон-стрит чувствует себя чужой. Несмотря на боль, он не испытывал гнева. Жена ни в чем не была виновата. Ведь они договорились: фиктивный брак на один год...

Один год. Они жили вместе несколько недель. Мысль о том, что время, отведенное им с Корделией, подошло к концу, что больше ничего не будет, жгла его, сводила с ума. Он машинально проговорил:

– Я прикажу подать карету. Я отвезу тебя в Кенсингтон.

Корделия отошла от него. На мгновение Джеймс пришел в замешательство, решил, что он чем-то рассердил ее; но потом, проследив за ее взглядом, он увидел Мэтью, который закрывал за собой дверь Института. Он был без пальто, в одном бархатном пиджаке с порванным рукавом. Он обратился к Корделии:

– Карета Консула в твоём распоряжении, если хочешь. Я с тобой не поеду, – добавил он. – Только Чарльз. Хотя, если подумать, предложение не слишком заманчивое, а?

Корделия строго взглянула на него. Джеймс невольно вспомнил выражение ее лица в тот момент, когда она узнала, что в Париже Мэтью пил абсент. Он представлял, что чувствовала девушка; он сам чувствовал то же самое.

– Вы оба очень добры ко мне, – произнесла она. – Но в этом нет необходимости. Алистер приехал за мной, видите?

Она кивнула в сторону ворот – и действительно, во двор Института въехала наемная карета. Колеса стучали по каменным плитам. Над боками лошади, укрытой попоной, поднимался пар. Карета остановилась перед крыльцом, дверь открылась, и появился Алистер Карстерс в толстом синем пальто и кожаных перчатках. Он подошел к сестре и, не взглянув на Джеймса с Мэтью, спросил:

– Где твои вещи, Лейли?

Лейли. При звуке этого имени у Джеймса заболело сердце. Оно напоминало о той поэме, о любовной истории, которая, словно невидимая нить, связывала Джеймса и Корделию все эти годы. «Не нужны ей румяна и сурьма – была природа щедрою сама. И родинка на бархате ланит сердца и восхищает, и пленит. Не потому ль с любовью нарекли ее лучистым именем Лейли»²⁵.

– Магнус сказал, что отослал их, – ответила Корделия. – Какие-то чары. Чемодан должен быть уже в доме. Но если нет...

– Надеюсь, что чемодан на месте, – заметил Мэтью. – Ведь там все твои новые модные наряды.

«Все твои новые модные наряды». Например, алое бархатное платье, в котором она была вчера вечером. Наряды, которые Мэтью наверняка не только оплачивал, но и выбирал. Джеймса охватила ярость.

– Тогда садись в кэб, поехали; *shoma mitavanid tozieh bedid, che etefagi brayehe in ahmagha mioftad vagti ma mirim*, – сказал Алистер.

«Ты можешь по дороге объяснить мне, что происходит у тебя с этими двумя идиотами». Видимо, Алистер забыл, что Джеймс изучает персидский язык.

– Иди. Дай мне еще минуту, – ответила Корделия.

Алистер кивнул и сел в карету. Корделия повернулась к Мэтью и Джеймсу.

---

²⁵ Пер. Т. Стрешневой.

– Не могу сказать, что я чувствую, – произнесла она. – Слишком много всего происходит – все слишком сложно. С одной стороны, я сердита на вас обоих. – Она твердо взглянула в глаза одному, потом второму. – С другой стороны, я чувствую, что обидела вас, была несправедлива к вам. Сначала мне нужно все обдумать и примириться с собой, со своей совестью.

– Корделия... – начал Мэтью.

– Не надо, – устало сказала она. – У меня больше нет сил. Прошу вас, поймите одно: вы оба мне небезразличны.

Она быстро подошла к открытой двери кэба, протянула руку, и Алистер помог ей забраться в карету. Когда она закрывала дверцу, Джеймс успел услышать, как брат спрашивает, все ли у нее в порядке или нужно, чтобы он кого-нибудь избил. Потом лошадь тронулась с места, и они уехали, оставив Джеймса наедине с Мэтью. Корделия уехала, и во дворе стало пусто и тихо.

Джеймс взглянул на Мэтью. Его парабатай был бледен, как мертвец, и глаза на бескровном лице напоминали два пятна темно-зеленой краски.

– Мэт, – заговорил он. – Мы не должны ссориться.

– А мы не ссоримся, – рассеянно произнес Мэтью, глядя на то место, где только что стояла карета. – Я уже сказал, что оставляю поле боя.

– Но это не тебе решать, – возразил Джеймс. – И не мне. Выбор за Корделией, иначе быть не может.

Мэтью, не снимая перчатки, потер глаза.

– Я думаю, что она нас обоих уже ненавидит, – сказал он. – Возможно, это уравнивает наши шансы. – Наконец он взглянул на Джеймса и тихо произнес: – Я не знал. Клянусь, не знал, когда увез Корделию в Париж, что это оскорбит тебя, что ты будешь страдать. Я думал, что ты ее не любишь... в романтическом смысле. Если бы я знал или хотя бы догадывался, я бы никогда не поступил так.

– Я вел себя так, что ты не мог думать иначе, – ответил Джеймс. – И все же... жаль, что ты не поговорил со мной.

– Да, я должен был узнать твое мнение, конечно... Но я был зол на тебя, на всех. Я собирался уехать из Лондона один, и вдруг Корделия появилась на пороге моей квартиры в слезах, и... – Он покачал головой. – Я тогда решил, что ты жестоко оскорбил ее, что вы все равно разойдетесь. Но сейчас я не знаю, что думать. Грейс сидит в тюрьме, и ты, кажется, доволен таким поворотом событий. Не могу сказать, что мне ее очень жаль, просто я окончательно перестал тебя понимать.

– Да, Грейс действительно пришла в наш дом в тот вечер, когда вы уехали в Париж, – кивнул Джеймс. – И я вызвал Безмолвных Братьев, чтобы они забрали ее. Когда я понял, что Корделия все видела и ушла, я бросился за ней. Я проследил ее путь до твоего дома, потом, прочитав письмо, понесся на вокзал Ватерлоо. Я стоял на платформе, когда ваш поезд тронулся.

Мэтью безвольно привалился спиной к двери.

– Джеймс...

– Мэтью, – спокойно произнес Джеймс. – Я люблю Корделию, она моя жена. Ты должен понять: я сделаю все, что в моих силах, для того, чтобы она простила меня и вернулась ко мне.

– Почему же ты не сказал ей об этом раньше? – усмехнулся Мэтью. – Ей нужно было уйти из дома, чтобы ты это понял?

– Да, я должен был ей сказать, – согласился Джеймс. – И я горько сожалею о том, что не сделал этого. – Он помолчал. – А почему *ты* не сказал мне, что любишь ее?

Мэтью уставился на него, как на сумасшедшего.

– Потому что она твоя жена, а кроме того, веришь ты мне или нет, но у меня *остались* кое-какие принципы. То, что ты видел... как мы целовались... это было исключение, скажем так. Это случилось только один раз, и между нами не было ничего... более серьезного.

Джеймс ощутил неимоверное облегчение, но ему было стыдно признаваться в этом даже самому себе.

– А если бы в ту ночь меня не было в номере? – вырвалось у него, но он тут же махнул рукой. – Нет, не надо. Ты считал, что мы с Корделией поженились только ради спасения ее доброго имени, что на самом деле мы просто друзья. Я все понимаю.

– Но я знал, что... – Мэтью почему-то внезапно замолчал, потом испустил тяжкий вздох. – Я знал, что, когда вы станете жить вместе, когда ты будешь проводить с ней целые дни, ты тоже полюбишь ее. И кроме того... когда честный человек вдруг понимает, что влюблен в жену лучшего друга, он не *рассказывает* об этом никому. Он топит горе в вине, сидя в одиночестве в Лондоне или Париже, до тех пор, пока алкоголь не убивает его – или пока чувство не уходит.

Джеймс знал, что нельзя этого говорить, но не мог остановиться.

– Но ведь в Париже ты был не один, помнишь?

Мэтью втянул воздух сквозь зубы.

– Это болезнь. Я думал, что, если Корделия будет со мной, бутылка мне не потребуется. Но, видимо, уже слишком поздно. Бутылка требует меня к себе.

– Мне ты нужен больше, чем бутылке, поверь, – сказал Джеймс. – Мэт, позволь мне помочь тебе...

– О, Господь милосердный, Джеймс! – с отчаянием в голосе воскликнул Мэтью. – Как ты можешь быть таким *снисходительным* и *всепрощающим*? – Он выпрямился и отошел от двери. – Я не в состоянии сейчас это терпеть. Я не вынесу, если ты будешь помогать мне.

Джеймс не успел ответить: по двору разнесся резкий, громкий, как всегда, голос Чарльза:

– Ах, *вот* ты где, Мэтью! Тебя подвезти до холостяцкой квартиры? А может, поедешь со мной домой, увидишься с родителями? Уверен, они жаждут услышать о том, как ты провел время в Париже.

Мэтью состроил гримасу, хорошо знакомую Джеймсу; она означала: «Боже, дай мне терпения».

– Одну секунду, – крикнул он, потом обернулся к Джеймсу и положил руку ему на плечо. – Что бы ни случилось дальше с нами, я надеюсь, что ты не возненавидишь меня. Пожалуйста. Мне кажется, этого я тоже не вынесу.

Джеймсу хотелось зажмуриться. Он знал, что, закрыв глаза, он увидит двух мальчишек, бегущих по зеленому лугу в Идрисе, одного со светлыми волосами, другого – с черными.

– Я не могу ненавидеть тебя, Мэт. Для меня это невозможно.

Когда Мэтью тоже ушел, оставив Джеймса одного на ступенях, он закончил мысль: «Я не могу ненавидеть тебя, потому что вся ненависть направлена на меня самого. Для других уже ничего не осталось».

10. Скиталец

*И вдруг увидел средь листвы сплошной —
Горят глаза, как свечи в час ночной.
Уставил ворон свой кровавый зрак,
Сам густо-черный, как кромеиный мрак.
Верблюдицей сгорбаться, важен, тих,
Одетый в траур, как святой Салих.
Сидел провидец-ворон на суку,
Как драгоценный камень на шелку.
Меджсун сказал: «Скиталец и собрат,
У нас сердца в единый быются лад»²⁶.*

Низами Гянджеви, «Лейли и Меджсун»

Корделию всегда удивляла лондонская погода. Несмотря на облака и даже снегопад, небо здесь бывало таким светлым, а дневной свет — таким ярким, что ей буквально слепило глаза. Она сидела в пролетке рядом с Алистером, смотрела в окно на молочно-белое небо и, шурясь, пыталась представить себе синий небосвод и прозрачный воздух Парижа. Воспоминания о времени, проведенном во Франции, уже казались ей далекими и неправдоподобными, словно были сном.

Они молчали, пока кучер лавировал среди потока экипажей, заполнивших Стрэнд. Еще год назад брат засыпал бы ее вопросами. Сейчас он не проявлял ни малейших признаков нетерпения и просто ждал, когда сестра заговорит.

— Алистер, — произнесла она, когда кэб выехал на Трафальгарскую площадь. Справа и слева тянулись величественные здания из портлендского камня с нарядными колоннами. — Насколько я понимаю, это Магнус дал тебе знать, что нужно приехать за мной в Институт?

Алистер окинул ее неодобрительным взглядом.

— Корделия, надень перчатки, холодно. Да, Магнус сообщил мне, что ты прибыла из Парижа через Портал. Он сказал, что ты показалась ему уставшей после поездки и что ты, скорее всего, захочешь, чтобы тебя забрали.

— *Забрали*, — пробормотала Корделия. — Как багаж. Кстати, перчаток у меня с собой нет. Наверное, я забыла их в гостинице.

С нарочито тяжким вздохом Алистер снял свои перчатки и начал надевать их ей на руки. Выглядело это смешно, потому что перчатки были ей велики, но они были толстыми и еще хранили тепло его рук. Корделия с довольным видом пошевелила пальцами.

— Я был озадачен, — продолжал Алистер. — Я думал, ты предпочтешь вернуться в свой дом на Керзон-стрит. Возможно, ты помнишь, где это? Тот дом, в котором ты жила с Джеймсом Эрондейлом? Ну, твоим мужем?

Корделия смотрела в окно. Кареты, omnibusы и автомобили со скоростью улитки ползли под огромной аркой — это был памятник в честь какого-то события, но она не помнила, какого именно²⁷. Кучер, сидевший наверху, над пассажирами, вслух жаловался на дорожное движение.

---

²⁶ Пер. Т. Стрешневой.

²⁷ Арка Адмиралтейства была построена по заказу Эдуарда VII с целью увековечивания памяти его матери, королевы Виктории.

– Я беспокоилась за *Mâtân*, – объяснила она. – Мне не следовало уезжать из Лондона в такое время, ведь может случиться все что угодно. Я хотела тебе сказать... я собираюсь остаться на Корнуолл-гарденс до рождения ребенка.

– Твоя преданность семье заслуживает восхищения, – сухо произнес Алистер. – Я уверен, это похвальное намерение никак не связано с бегством в Париж в компании парабата твоего супруга.

Корделия вздохнула.

– У меня были на это свои причины, Алистер.

– Не сомневаюсь, – ответил он, и она снова удивилась. – Но мне хотелось бы услышать их от тебя. Ты влюблена в Мэтью?

– Я не знаю, – сказала Корделия. Разумеется, она размышляла об этом, и не раз; просто ей не хотелось сейчас делиться своими мыслями с Алистером.

– Значит, ты влюблена в Джеймса?

– Ну... Мы все-таки с ним *женаты*.

– Вообще-то, это не ответ, – скривился Алистер. – Должен признаться, Джеймс мне не нравится, – добавил он, – но, с другой стороны, я не большой поклонник Мэтью. Так что теперь я, можно сказать, разрываюсь.

– Вижу, ты попал в безвыходную ситуацию, – строго произнесла Корделия. – Не могу представить, как ты находишь в себе силы жить дальше.

Она сделала пренебрежительный жест, но эффект был испорчен хохотом Алистера.

– Извини, – выговорил он, давась от смеха. – Но эти перчатки просто *ужасно* велики тебе.

Корделия фыркнула.

– Так вот, насчет Джеймса...

– С каких это пор в нашей семье принято обсуждать личную жизнь друг друга? – перебила она брата. – Может быть, лучше побеседуем о Чарльзе?

– Я предпочел бы обойтись без этого. Чарльз почти выздоровел, жить он будет, а остальное меня мало интересует, – ответил Алистер. – Более того, припоминаю моменты, когда и вопрос его выживания переставал быть для меня актуальным. Он постоянно требовал, чтобы я поправлял ему подушки. «А теперь подушку *для ног*, Алистер», – передразнил он скрипучим голосом, который, откровенно говоря, не имел ничего общего с тоном Чарльза. Брат совершенно не умел копировать людей.

– Я бы не отказалась от подушки для ног, – заметила Корделия. – Звучит заманчиво.

– Ты сейчас не в себе, поэтому я сделаю вид, что не слышал твою болтовню, – отрезал Алистер. – Послушай, тебе вовсе не обязательно обсуждать со мной свои чувства к Джеймсу, Мэтью или кому-либо еще из гарема мужчин, которым ты себя окружила. Я просто хотел узнать, какое у тебя сейчас настроение.

– Нет, ты хотел узнать, не нанес ли мне кто-нибудь из них ужасного, неслыханного оскорбления, чтобы получить предлог с бранью носиться за этим человеком, размахивая оружием, – мрачно сказала Корделия.

– Возможно, меня интересует и то и другое, – хмыкнул он.

Наконец они выбрались на более или менее свободную улицу; кэб, стуча колесами, ехал по Найтсбриджу, мимо сиявшего огнями универсального магазина «Хэрродс», украшенного к Рождеству. По тротуарам сновали мальчишки-разносчики, торговавшие каштанами и горячими пирогами.

– Я действительно беспокоилась за *Mâtân*, – произнесла Корделия.

Выражение лица Алистера смягчилось.

– У *Mâtân* все в порядке, Лейли, только она быстро устает и много спит. А когда не спит, думает об отце и страдает. Мне кажется, это горе отнимает у нее силы, а не ребенок.

– Она сердится на меня? – вырвалось у Корделии.

– За то, что ты уехала в Париж? Нисколько. Она прочитала твою записку вполне спокойно; честно говоря, я этого не ожидал. Я думал, она расстроится. *Mâtân* сказала, что, если мечты ведут тебя в Париж, она рада за тебя. Не помню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь говорил нечто подобное *мне* перед отъездом за границу, – съязвил он. – Быть старшим ребенком в семье – сущее проклятие.

Корделия вздохнула.

– И все-таки не следовало мне оставлять вас, Алистер... Впрочем, если бы не *она*, не Лилит, я, наверное, и не уехала бы. А после того, что случилось, от меня здесь нет *никакого толку*. Я не в состоянии никого защитить. Я не могу даже взять в руки собственный меч.

– Кортана.

Брат взглянул на нее со странным выражением. Она знала, что у них глаза одинакового цвета – почти черные радужные оболочки, лишь немного светлее зрачка – но сейчас, глядя на Алистера, она поняла, что свет этих глаз преобразует его лицо, смягчая суровые черты. Его глаза были прекрасны. Она никогда не думала так о своих; наверное, решила она, людям не свойственно размышлять о себе в таком ключе.

– Лейли, я должен тебе кое-что сказать.

Она немедленно насторожилась.

– В чем дело?

– Я не мог оставить Кортану в доме, – произнес он, – и не мог носить ее с собой по причине появления неких довольно... неприятных посетителей.

Они проезжали мимо Гайд-парка, и за окном мелькали заснеженные кроны деревьев.

– Демоны?

Алистер кивнул.

– Рейвенеры, – ответил он. – Демоны-шпионы. Я бы с ними справился, если бы жил один, но *Mâtân*... Но ты не волнуйся, – быстро добавил он, заметив выражение ее лица. – Томас помог мне спрятать меч. Я не буду говорить тебе, где именно; поверь мне, это место полностью безопасно. И с тех пор я не видел ни одного рейвенера.

У нее вертелся на языке вопрос, но она понимала, что ей нельзя знать, где находится Кортана. Это могло показаться глупостью, но она ужасно скучала по своему любимому мечу. «Я так сильно изменилась, – подумала она, – и теперь даже не знаю, выбрала бы меня Кортана снова. Даже если бы я была свободна от Лилит». Она почувствовала себя несчастной.

– Томас помогал тебе? – вслух произнесла она. – Томас Лайтвуд?

– О, смотри, мы уже приехали, – искусственным бодрым голосом воскликнул Алистер, распахнул дверь и прыгнул на тротуар еще до того, как кэб остановился.

– *Алистер!* – воскликнула Корделия и последовала за братом. Но он, казалось, ничуть не пострадал после своего рискованного прыжка и уже расплачивался с кучером.

Она остановилась и посмотрела на дом матери. Он ей нравился – строгий белый фасад, черные цифры «102» на правой колонне; ей нравился и тихий, зеленый сквер рядом. «Но это не *мой дом*», – думала она, поднимаясь по ступеням следом за Алистером к блестящей черной двери. Это было жилище ее матери, убежище, где можно было спрятаться от житейских бурь. Только на Керзон-стрит она чувствовала себя по-настоящему дома.

Было похоже, что Райза ждала у окна, потому что им даже не понадобилось звонить: входная дверь распахнулась, и старая служанка затащила их внутрь. Она с негодующим видом указала на чемодан Корделии, стоявший посреди холла.

– Он просто появился, прямо из ниоткуда, – проворчала она, обмахиваясь кухонным полотенцем. – Только что здесь было пусто, а потом «*пуфф*»! Это было *потрясение*, скажу я вам. *Tekan khordam*.

– Прости, Райза, дорогая, – воскликнула Корделия. – Уверена, Магнус не хотел тебя напугать.

Райза продолжала ворчать, а Алистер поднял чемодан и потащил его вверх по лестнице.
– Что ты себе такого купила в Париже? – кряхтел он. – Живого француза?

– Потихонечко, он спит, – прошептала Корделия. – Он не говорит по-английски, зато умеет петь *Frère Jacques*²⁸ и готовить превосходные *crêpes suzette*²⁹.

Алистер недовольно засопел.

– Райза, ты не собираешься помочь мне с этим?

– Нет, – отрезала Райза. – Я собираюсь отвести Лейли к Соне-ханум. Госпожа почувствует себя лучше, увидев дочь.

Корделия сбросила пальто, с виноватым видом помахала брату и проследовала за служанкой в спальню матери. Прежде чем заглянуть в полутемную комнату, Райза приложила палец к губам, затем сделала знак Корделии войти и закрыла за ней дверь.

Глаза не сразу привыкли к полумраку. Комната была освещена только сиянием небольшой лампы и огня, горевшего в камине. Сона полулежала в кровати, опираясь на гору разноцветных подушек, и держала в руке книгу. Корделии показалось, что за неделю ее живот стал больше, лицо пожелтело, а глаза провалились; но она радостно улыбнулась дочери.

Корделия снова ощутила жгучий стыд.

– *Mâmân*, – всхлипнула она и, бросившись к кровати, осторожно обняла мать.

– Я рада тебя видеть, – сказала Сона, погладив дочь по волосам.

– Прости меня, *Mâmân*. Я поступила отвратительно, когда бросила тебя...

– Прекрати. – Сона отложила книгу в сторону. – Ведь я сказала тебе, что ты должна поступать так, как велит тебе сердце. Искать свое счастье. И ты, прислушавшись к голосу сердца, поехала в Париж. Что же тут отвратительного? – Взгляд ее темных глаз остановился на лице Корделии. – Когда-то я считала, что самое главное в жизни – это терпеливо переносить все испытания, оставаться сильной. Но со временем несчастья... разъедают душу.

Корделия села на стул у кровати и взяла мать за руку.

– Это действительно было так ужасно, с *Bâbâ*?

– У меня была ты, был Алистер, – ответила Сона, – поэтому мне не на что жаловаться. А что касается твоего отца... сейчас мне остается лишь оплакивать ту жизнь, которой у нас не было, но которую мы могли бы прожить, если бы он не... если бы все сложилось иначе. Но ты не можешь спасти другого человека, Корделия, – добавила она. – Он должен спасти себя сам – конечно, если это возможно.

Мать вздохнула и посмотрела на пламя в камине.

– Этим летом я приняла решение переехать в Лондон, – продолжала Сона, – чтобы сохранить нашу семью. Чтобы вызволить из беды твоего отца. И мы это сделали. Ты сделала. Поэтому я всегда буду гордиться тобой. – Она задумчиво улыбнулась. – Но теперь все кончено, и нам нет нужды оставаться здесь. Пора задуматься об отъезде.

– Ты хочешь вернуться в Сайренворт?

Так назывался их загородный дом в Девоне, в котором сейчас никто не жил; мебель накрыли чехлами, окна завесили тяжелыми шторами. Корделии было странно думать о возвращении туда.

– Нет, Лейли, в Тегеран, – ответила Сона. – Я уже очень давно не общалась со своими тетьми и кузинами. И поскольку твоего отца больше нет...

Корделия молча смотрела на мать. Тегеран, где мать родилась; Тегеран, историю и язык которого она знала как свои пять пальцев, но не помнила этот город и была не очень хорошо знакома с его обычаями.

---

²⁸ «Братец Жак» – французская народная песня XVIII века.

²⁹ Блинные Сюзетт – французский десерт, состоящий из блинов с соусом из карамелизированного сахара, масла, апельсинового сока и цедры, которые поливают сверху ликером, затем фламбируют.

– Тегеран? – повторила Корделия. – Я... но мы живем *здесь*. – Она была так потрясена, что с трудом подбирала слова. – И мы не можем уехать *сейчас*. Мы нужны лондонскому Анклаву...

– Ты уже немало сделала для лондонского Анклава, – возразила мать. – Ты можешь быть могущественным Сумеречным охотником и в Персии, если пожелаешь. Такие, как ты, нужны везде.

«Слова истинно любящей матери», – подумала девушка.

– Лейли, я не говорю, что ты должна переезжать в Тегеран. Здесь живет твой муж, и, разумеется, будет вполне естественно, если ты останешься в Лондоне.

Мать старалась говорить о ее семейной жизни как можно деликатнее и не задавала вопросов. Корделия горько подумала: интересно, что же, *по мнению матери*, пошло не так между нею и Джеймсом? А может, она просто смутно догадывалась, что между ними не все ладно? В любом случае, стало ясно, что она предлагает Корделии выход.

– Алистер уже согласился, – продолжала Сона. – И Райза тоже, естественно. Когда родится ребенок, мне понадобится помощь их обоих.

– Алистер сказал, что поедет в Тегеран? – изумилась Корделия. – И будет ухаживать за ребенком?

Она попыталась представить себе брата, который поднимает и похлопывает младенца, чтобы помочь ему срыгнуть, но ничего не получилось.

– Нет никакой необходимости повторять за мной каждое слово, Лейли. И я не прошу тебя ответить немедленно. – Сона прикоснулась к животу; Корделия видела, что разговор уже утомил ее. – Я не в том состоянии, чтобы собирать чемоданы и преодолевать сотни миль на поезде и пароходе. Сначала на свет должен появиться ребенок. А до того времени ты можешь решить, что ты хочешь делать дальше.

Она закрыла глаза. Корделия поцеловала мать в лоб и вышла в коридор, где обнаружила Алистера. Прищурившись, она посмотрела на брата в упор.

– Ты знал обо всем этом? Ты *согласился* переехать в Тегеран и ни слова мне не сказал?

– Во-первых, ты была в Париже. Во-вторых, я подумал, что об этом тебе должна сказать *Mâtân*, а не я. – В коридоре было темно, и Корделия не видела выражение его лица. – Меня здесь ничто не удерживает... почти. Возможно, тебе есть что терять, но ведь мое положение отличается от твоего.

Корделия не нашлась, что ответить. Она не могла заставить себя рассказать брату, что за последнюю неделю все, кто был ей дорог, отдалились от нее. Джеймс, Мэтью, Люси. Она фактически перестала быть Сумеречным охотником, лишилась Кортаны. Зачем ей, потеряв друзей и смысл жизни, разлучаться с родными и оставаться в Лондоне?

– Может быть, ты ошибаешься, – наконец произнесла она. – Может быть, мы не так уж сильно отличаемся друг от друга, как тебе кажется.

* * *

Когда карета Консула выехала из двора Института, Джеймс пешком отправился на Керзон-стрит, навстречу ледяному ветру, от которого не спасало даже шерстяное пальто.

От Института до его дома было две мили, но Джеймс хотел побыть один. Вокруг кипела жизнь. По Флит-стрит спешили по своим делам газетчики, адвокаты, множество самых разных деловых людей. Он пересек Лестер-сквер, где увидел огромную очередь за билетами на зимний балет перед театром «Альгамбра». Туристы поднимали бокалы в ярко освещенном ресторане отеля «Европа». Когда он дошел до Пикадилли, солнце село; в лучах фонарей, окружавших статую Эроса, танцевали снежинки. На площади образовалась огромная пробка. Джеймса окружали тысячи людей с пакетами из магазинов на Риджент-стрит. Какой-то краснолицый муж-

чина, тащивший гигантского плюшевого жирафа – очевидно, только что из магазина игрушек «Хэмлис», – налетел прямо на него; он собрался было браниться, но, увидев лицо Джеймса, отступил.

Джеймс не воспользовался гламором, потому что зимняя одежда скрывала руны. Однако он понимал, почему прохожий бросился прочь. Он случайно увидел свое отражение в витрине: юноша с белым, застывшим лицом, только что получивший какое-то страшное известие.

Ему казалось, что он покинул свой дом на Керзон-стрит не неделю, а уже несколько месяцев назад. Войдя в холл, он стряхнул снег с ботинок. Яркие обои напомнили ему о вечере после свадьбы, когда он впервые привез сюда Корделию. «Как красиво, – сказала она тогда. – Кто это выбирал?»

Джеймс гордился собой, когда говорил, что сам выбирал обои. Гордился, что сумел найти рисунок, который ей понравился.

Он ходил по комнатам, зажигая газовые лампы, прошел через столовую, мимо кабинета, в котором они с Корделией столько раз играли в шахматы.

На цокольном этаже горел свет. Не снимая пальто, Джеймс осторожно спустился в кухню и подскочил на месте от леденящего кровь вопля.

Выхватив кинжал, он разглядел в свете очага Эффи, которая стояла по другую сторону кухонного стола. Она выставила перед собой деревянную ложку как гладиаторский меч. Седые буквы тряслись.

– Батюшки! – воскликнула служанка, узнав хозяина. – Вот уж не ожидала, что *вы* сюда вернетесь.

– Да, я вернулся, но ненадолго, – сообщил Джеймс, убирая оружие. – По некоторым причинам ближайшие несколько дней мне нужно провести в Институте. Дела, касающиеся только Сумеречных охотников.

– А миссис Эрондейл? – с любопытством спросила Эффи. Она все еще сжимала в руке ложку.

– Она будет жить у матери. Пока ребенок не родится.

– Никто *мне* не сказал об этом, – сердито буркнула Эффи. – Никто мне ничего не говорит. У Джеймса начиналась головная боль.

– Я уверен, она будет тебе очень благодарна, если ты соберешь кое-какие ее вещи. Завтра за ними приедут.

Эффи буквально выбежала из кухни. Джеймсу показалось, что она обрадовалась, получив конкретное задание; а может быть, ей хотелось убраться подальше от вооруженного до зубов хозяина. Да, сегодня он определенно завоевывает сердца простых людей.

Джеймс продолжал ходить по дому, зажигая лампы. Стемнело, и свет отражался в оконных стеклах. Он знал, что надо собираться, хотя в Институте, в его прежней комнате, остались кое-какая одежда и оружие. Он не мог решить, стоит ли брать вещи, имевшие ценность только как память. С одной стороны, ему не хотелось расставаться с ними. С другой стороны, он понимал, что, глядя в Институте на дорогие сердцу сувениры, привыкнет к мысли, что еще не скоро вернется на Керзон-стрит, что ему не суждено жить здесь с Корделией.

Здесь все напоминало о ней. Прежде он не задумывался о мотивах своих действий. Но теперь ему было ясно, что, занимаясь отделкой дома и покупкой мебели, он надеялся порадовать Корделию, выбирал только то, что, по его мнению, должно было понравиться ей. Шахматная доска и фигуры, персидские миниатюры, резная панель над камином с эмблемой семьи Карстерс. Как он мог не понимать этого? Они договорились развестись через год, он верил, что влюблен в другую... И тем не менее, покупая обои и обстановку для дома, в котором он и Грейс якобы должны были когда-нибудь поселиться вместе, он ни разу не подумал о своей «возлюбленной».

Браслет действовал тонко. Возможно, несколько месяцев назад Джеймс *удивлялся* тому, что интересуется не Грейс, а другой женщиной и ее мнением. Но браслет мешал ему размышлять о подобных вопросах. Сейчас Джеймс не мог восстановить ход своих мыслей. Это было так странно, осознавать, что он ничего не помнит, столько времени провел как в тумане; он пришел в себя слишком поздно, и это приводило Джеймса в ярость.

Задумавшись, он не сразу сообразил, где находится. Оказалось, он забрел в гостиную и остановился перед камином. На каминной полке лежали обломки серебряного браслета. Должно быть, Эффи подняла браслет с пола, куда Джеймс его швырнул.

Он не смог прикоснуться к украшению. Два полукружия лежали на полке, в тусклом свете свечей металл казался старым, потемневшим от времени. Надпись, выгравированная на внутренней стороне – *LOYAULTÉ ME LIE*, – была разрезана пополам. Два куска серебра теперь казались безобидной сломанной побрякушкой, неспособной разбить человеку жизнь.

И все же эта вещь *разбила* ему жизнь. Ему было тошно, когда он вспоминал, что чувствовал к Грейс, – а чувства были, он помнил это, – но еще хуже было осознавать, что он считал это *любовью*. Это было самое настоящее насилие. Его чувства извратили, его любовь растоптали, его невинность и неведение обратили против него, как оружие.

Он подумал о Грейс, которая сидела в Безмолвном городе, одна в каменной темнице, куда не проникает дневной свет. «Очень хорошо. Надеюсь, она там и сдохнет», – подумал он со злобой, абсолютно не свойственной ему. Со злобой и ненавистью, которых он тотчас же устыдился бы при других обстоятельствах.

Внезапно снаружи, в темноте, возник какой-то оранжевый огонек, похожий на пламя свечи. Огонек на мгновение завис за стеклом и вплыл в открытое окно. Джеймс увидел сложенный лист бумаги, охваченный пламенем. Пылающая бумажка упала на пианино, и кружевная салфетка немедленно загорелась.

«Кристофер», – догадался Джеймс.

Он погасил огонь и стряхнул пепел с бумажки. Можно было прочесть всего два слова. Джеймс разобрал нечто вроде «парадного входа».

Охваченный любопытством, он спустился в холл и открыл дверь. Там, переминаясь с ноги на ногу, стоял Кристофер. Вид у него был виноватый, как у нашкодившей собаки.

– Насколько я понимаю, это твое? – спросил Джеймс, показывая обгоревшую записку. – И что ты имеешь против дверных звонков?

– Все, что я делаю, – парировал Кристофер, – я делаю во имя научно-технического прогресса. Кстати, послание доставлено успешно?

– Как тебе сказать... письмо почти целиком сгорело, и ты должен мне одну кружевную салфетку, – хмыкнул Джеймс.

Кристофер с мрачным видом кивнул, вытащил из кармана пиджака небольшую записную книжку и карандаш и начал что-то писать.

– Салфетка будет добавлена к списку предметов, принадлежавших моим друзьям, стоимость которых я должен возместить и которые погибли ради...

– Торжества научно-технического прогресса. Я все понял, – перебил его Джеймс. – Ну что ж, заходи.

Он невольно улыбнулся, глядя на Кристофера, который снимал и вешал на крючок пальто. Рукава пиджака были обтрепаны, обожжены кислотами и покрыты пятнами от реактивов. Каштановые волосы, давно не видевшие расчески, напоминали пух утенка. Он был таким, как всегда, ничуть не изменился, и для Джеймса вид старого друга был подобен лучу света в кромешной тьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.